Н. С. ЮРЦОВСКИЙ.

— ОЧЕРКИ — по ИСТОРИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ‹ В СИБИРИ ›

НОВО-НИКОЛАЕВСК.
1923 г.

Н. С. Юрцовский.

Очерки по истории просвещения в Сибири.

Выпуск I.

Общий ход развития школьного дела в Сибири.

1703—1917 г.г.

Сибирское Областное Государственное Издательство.
НОВО-НИКОЛАЕВСК.
1923 г.

Р. Сиблито № 4.
Омск, тип. Центросоюза, Лермонтовская, 75.
Заказ № 61—23 г. Тираж 1500 экз.

Посвящается

неутомимому ревнителю просвещения в Сибири

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ МАКУШИНУ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Моя задача очень скромна: я хочу, на основании имеющихся печатных материалов, дать небольшой сводный очерк общего хода просветительной деятельности в Сибири. Потребность в подобном очерке вызывается тем, что все эти материалы разбросаны в различных редких и старинных периодических изданиях, справочниках, монографиях и для того, чтобы получить общую картину развития сибирского просвещения, интересующемуся этим вопросом необходимо затратить много усилий, прежде чем достичь желательного результата; к тому же и сам по себе кропотливый труд подбора этих материалов не всегда оказывается возможным ввиду скудности наших провинциальных библиотек.

Тема очерка, конечно, заслуживает более серьезной и детальной разработки с привлечением материалов, еще не появлявшихся в печати, хранящихся в сибирских архивах и канцеляриях упраздненных или преобразованных советской властью учебных заведений. Такая работа, требуя для своего выполнения нескольких лет труда и иных более благоприятных условий, дело будущего; пока же, быть может, и настоящий краткий очерк будет не безинтересен и полезен для лиц, работающих в области сибирского просвещения и интересующихся его историческими судьбами.

Многие пробелы в работе были неизбежны по местным условиям работы. Щеглов в послесловии к своему труду писал: «здесь, на месте, труднее быть свободным от всякого рода научных промахов... живя, например, в Петербурге имеется возможность достать себе чуть не каждую печатную строчку по литературе известного вопроса (в Императорской Публичной Библиотеке, в Академической и др.)»; еще ранее его первый сибирский историк Словцов указывал, что он был вынужден «получать книги из столицы для самых мелочных справок».[1]). Лишний раз в справедливости этих свидетельств пришлось убедиться и мне, работая над

---

[1]) Щеглов. „Хронологический перечень важн. данных из истории Сибири“, 767. Словцов. „Историч. обозрение Сибири“, 1, XIII.

настоящим очерком в Томске, несмотря на наличность библиотеки первого сибирского университета: некоторых изданий, содержащих материал по затрагиваемому очерком вопросу, мне не удалось совсем достать, знакомясь с содержанием их по пересказу других авторов.

Вследствие этих причин в предлагаемой вниманию читателей работе получилась крайняя мозаичность: достаточно бегло просмотреть ее, чтобы видеть, что, например, Западной Сибири уделено в ней гораздо большее место, чем Восточной, что внимание, уделенное отдельным типам школ и формам школьно-образовательной деятельности несоразмерно с их относительным значением, стоя в непосредственной зависимости от матерьяла, который был в распоряжении автора. К тому же, недостаточность времени и ограниченность размеров очерка—так как автор работал над настоящей темой в свободное от служебных занятий время и не мог расчитывать на издание слишком большой по об'ему работы—заставляли жертвовать литературной обработкой, стилистической отделкой, в интересах скорейшего выхода книги и возможно большего использования имевшегося матерьяла.

Закончив работу над выпускаемой сейчас частью «Очерков» и окончательно просматривая ее, я уже задумывался над тем, не оставить ли ее до лучших времен, чтобы получить возможность иначе подойти к работе и дать ее в более удовлетворительном виде. Но, повторяю, это дело неблизкого будущего, а жизнь не ждет, практические потребности ее, необходимость для всех работников культурного возрождения России и в частности Сибири знать прошлое того дела, к которому они прилагают свои силы,—оправдали в моих глазах выпуск настоящей работы в том виде, в каком она предлагается сейчас читателям.

Новониколаевск, декабрь 1922 года.

ОЧЕРК I-ый.

Общий ход развития школьного дела в Сибири.

Допетровское время. История образования в Сибири в основных своих чертах повторяет ход просветительного дела в своей метрополии.

Первые школы в Сибири относятся ко временам Петра I-го. За сто с лишним лет, протекших от Ермака и до Петра, мы не находим в Сибири никаких следов организованной правительственной или общественной школы. Потребность в обучении детей чтению и письму,—несомненно существовавшая у части населения, среди духовенства и служилых людей,—очевидно, как и в метрополии, удовлетворялась домашним способом: дети отдавались в выучку за плату к отдельным грамотеям—«мастерам», как их звали в старину—или обучались дома отцами. «Огонек грамотности,—замечает по этому поводу Словцов,—долго таким образом горел и не разгорался под семейственными кровами». [2]).

В Великороссии и Юго-Западной России отсутствие школ (наряду с частнопреподавательской деятельностью «мастеров» и семьей, как образовательным фактором) восполняли монастыри,—если не все, то некоторые из них, обладавшие богатыми по тому времени библиотеками и имевшие в составе монахов ученых, начитанных людей, посильно способствовавших медленному, но все же заметному росту просвещения. Сибирские монастыри были немногочисленны, недавнего происхождения, сам по себе монашеский состав стоял на очень низкой ступени умственного и нравственного развития. «Около настоятелей монастырских, как начальников известного числа церквей по неизбежной надобности завелись досужие наставники юношей» рисует себе ход раннего сибирского просвещения Словцов, но (с известными оговорками), эта характеристика монастырей, как центров местного просвещения, может быть отнесена лишь к позднейшему периоду, когда при Петре появились архиереи-малороссы, привезшие с собой ученых монахов питомцев Киевской академии. О просветительном же влиянии сибирских монастырей XVI—XVII века, так ярко охарактеризованных в свое время в грамоте патриарха первому сибирскому архиепископу Киприану и, позднее, историком сибирских нравов Шашковым,—не может быть и речи. [3]).

---

[2]) Словцов. „Историч. обозрение Сибири" 1, 207.

[3]) Шашнов (псевдоним—Серафимович) „Очерки нравов в старинной Сибири"—„Отеч. Зап." 1867 г. № 10, 11, см. также—Буцинский. „Заселение Сибири и быт первых ее засельников" гл. 6-ая.

Общая обстановка сибирской жизни допетровской эпохи, первого столетия покорения Сибири,—социальный состав сибирского населения XVI—XVII века, состоявшего из беглых крестьян, служилых людей и искателей приключений, тянувшихся за наживой и вольной жизнью, в редких случаях оседавших прочно на месте,—не благоприятствовали самостоятельному развитию просветительной деятельности в Сибири. Мало было благоприятных условий и в метрополии, но все же там была атмосфера культурного общения, были возможности столкнуться с заграничными влияниями, досуг и достаток, необходимые для того, чтобы заняться самообразованием, хотя бы в форме старорусского «начетничества». Ничего этого не было в Сибири, торгововоенной, хищническибродячей.

Единичные примеры тяги к просвещению мы, однако, встречаем и в это время. Так, опубликованная Эйхгорном челобитная царю Алексею Михайловичу некоего Андрея Несговорского, приехавшего из Тобольска в Киев «книжного ради учения», свидетельствует, что и в XVII веке в Сибири находились люди, неудовлетворявшиеся простою грамотностью и в поисках большего предпринимавшие столь трудные тогда путешествия из далекой Сибири в центры допетровской образованности—Киев и Москву. [4]).

Глава I-ая.

Духовная школа в Сибири XVIII века.

Возникновение духовной школы в России и Сибири. История русской школы вообще начинается со школы духовной, церковной. В основе создания ее лежит потребность церкви в достаточно подготовленном клире и стремление расширить круг верующих, сберечь их от воздействия других вероучений. Но духовная школа не сразу приняла сословнопрофессиональный характер, с которым мы встречаем ее к концу XVIII века: первые духовные школы, начиная от Киевской и Московской Академии и кончая архиерейскими школами и семинариями первой половины XVIII века были школами общесословными, обслуживающими не только церковные, но и общегражданские потребности светской правительственной власти. Это обстоятельство нашло яркое выражение в социальном составе учащихся и в актах правительственной власти, относящихся к учреждению духовных школ первого периода. Самые заботы светской власти о духовной школе об'ясняются этой заинтересованностью и вообще бедностью духовных рессурсов страны, которых едва-едва хватало на создание нескольких десятков школ на громаднейшей территории страны.

Духовная школа в Сибири также предшествует другим видам государственно-общественной просветительной деятельности на

[4]) „Чтения в Общ-ве истории и древностей российских“ 1891 г. № 1 (отд. V).

сибирской территории и самое возникновение ее, также как в метрополии, связано с инициативой центральной правительственной власти и энергичной деятельностью некоторых просвещенных иерархов.[5])

Школа при Тобольском архиерейском доме. Родоначальницей сибирских духовных школ является школа при Тобольском архиерейском доме, основанная в 1703—04 г.г. Первая по времени в Сибири, она, вместе с тем, была второй школой подобного типа в Великороссии (первой считается Ростовская, основанная в 1702-м году).

Иницнатором первой сибирской школы должен быть признан Петр I-й, указом которого в 1701 году было повелено устроить в Тобольске «училище поповских, дьяконских и церковнических детей, ребяток учить грамоте, а потом словенской грамматике и прочим на словенском языке книгам и катехизис провославной веры», чтобы они, «удостояся в чин священства», «народ учить и многочисленных в Сибири иноземцев, неведующих Создателя Господа Бога, приводить в познание истинные веры могли и потому ко святому крещению искать расширения до самого государства Китайского».

Практическое выполнение этой задачи выпало на долю прибывшего в Тобольск в 1702 году митрополита Филофея Лещинского. Как многие другие деятели духовного просвещения в России, Филофей Лещинский был малоросс и получил образование в Киевской Академии. Митрополит Филофей немедленно по прибытии в Тобольск отправил царю челобитную, в которой просил разрешения принимать в проектированную школу детей всех состояний, преподавать кроме славянороссийской грамматики латынь (так как в представлении тогдашних ревнителей духовного просвещения истинная образованность была немыслима без латинского языка), а также о заведении в Тобольске типографии, ввиду удаленности Тобольска и необходимости печатать учебники для школы.

«Для вспоможения церкви святой,—писал Филофей,—и расширения православной христианской веры школам быть в Тобольску и учить грамматики словенской и латынской, а учителями промышлять одному и учеников понудить, которые до того понадобятся, от всякого чина детей, а для скудных детей на покупку к тем наукам потребных книг, чтоб учинить вспоможение из государевой казны и чтоб кроме митрополита судом и расправами школьными никому не ведать и не учить, да разногласие кое в учении школьном возстанет оттуду... а для детского учения завести дру-

---

[5]) Более подробно см.: Рождественский „Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX в." т. 1; Владимирский—Буданов. „Государство и народное образование в России" в. 1; Пекарский „Наука и литература при Петре Великом" т. 1; Знаменский. „Духовные школы в России до преобразования 1808 г."; Милюков „Очерки по истории русской культуры" в. 2-ой.

карню в Тобольску, в Софийском дому, великого Государя казною, а друковать буквари, часословы малые, псалтыри».

В приведенных словах митрополита ясно видно стремление его поставить Тобольскую школу по типу юго-западных духовных школ с латынью в качестве венца и основы учения, школьным иммунитетом и пр. Петр, однако, не согласился с широкими планами митрополита и писал ему: «Преосвященному Митрополиту паче простираться в учении славянороссийской грамматики и чтоб вся, яже попу или диакону надобно знать, изучались и православной веры катехизис достаточно знали, и по согласию содержащей в ней артикул умели и людей мирских учили..., а друкарне в Тобольску, по имянному Великого Государя указу, не быть, и какие книги понадобятся и ему велеть покупать в Москве». [6]).

Повидимому, одновременно с подачей челобитной митрополитом уже были приняты подготовительные шаги к открытию школы: в делах Сибирского Приказа мы находим переписку по поводу прибывшего в августе 1702 года в Москву из Тобольска митрополичьего боярина Сергея Иванова, посланного митрополитом для покупки «церковных треб и книг грамматических», а также для вывоза из Киева «учителев латынских наук 2, спеваков 4 чел. и студентов 2 чел.» [7]). В 1703 или 1704 году школа была открыта, так как уже в 1705 году, как это видно из свидетельства местной летописи, учениками школы давались для народа публичные театральные представления.

Было ли в дальнейшем существование Тобольской школы беспрерывным или она, как большинство архиерейских школ Петровского времени, просуществовала недолго—не доказано, точных свидетельств по этому поводу не имеется. Вопреки мнению первого историка школы протоиерея Сулоцкого о беспрерывности существования Тобольской школы, новейший исследователь Лиховицкий полагает, что в связи с раз'ездом приехавших с Филофеем ученых монахов по разным местам епархии, а главное, в связи с открытием в Тобольске цифирной школы, для которой ученики набирались и из духовных детей, архиерейская школа к 1721 году прекратила свое существование. Это предположение Лиховицкий основывает также на контексте сообщения приехавшего в 1721 году в Тобольск митрополита Антония Стаховского, который, говоря о школе, учрежденной им, ни одним словом не обмолвивается,

---

[6]) Текст челобитной в „Чтениях о-ва ист и древн. росс." 1863 г. кн. 4. Вообще о Тоб. школе см. Пекарский, Знаменский (упом выше исслед.) и спец. статьи: свящ. Сулоцкого (по данным Тобольских архивов). „Тобольская архиерейская школа—предшественница Тобольской Духовной Семинарии"—в „Тоб. Губ. Ведом" 1872 г. и „Иркут. Епарх. Вед." 1875 г. Его же биография митроп. Филофея Лещинского в „Временнике о-ва ист. и древн. росс." 1854 г. кн. 1; статья иеромонаха Антипатра „Школа при Тобольском архиерейском доме"; статья Лиховицкого (основанная на матер. Синодского архива) „Просвещение в Сибири в первой половине XVIII столетия" в „Журнале Минист. Народ. Просвещ." 1905 г. июль.

[7]) „Чтения в о-ве ист. и древн. росс." 1904 г. № 1—„Матер. по бытовой истории XVIII в." опубл. Оглоблиным.

что школа существовала до его приезда. Мы думаем, что ссылка на контекст сообщения митрополита Стаховского, сама по себе недостаточна для доказательства предположений Лиховицкого и, имея ввиду указ митрополита Филофея на имя Верхотурского Архимандрита 1718 года, в котором рекомендуется посылать детей новокрещенных инородцев в Тобольск, «где уже многие дети из новокрещенных обучаются в школах при Тобольском Архиерейском доме», склоняемся к предположению Сулоцкого. [8]).

Для 1727 года мы располагаем по отношению к Тобольской арх. школе ответом, поступившим на запрос Верховного Тайного Совета: «при всех ли епархиях школы и ученики по силе Духовного регламента содержатся? Сколько в которой епархии тех учеников сначала было и ныне обретается?» и т. д. (вопросы и ответы см. у Пекарского «Наука и литература при Петре I-м» т. I, стр. 109—121). Тобольская епархия ответила, что имеется две школы—при архиерейском доме с 57 уч. и при Знаменском монастыре (тоже в Тобольске) с 14 учениками. На обе школы было 2 учителя.

Около 1728 года в программу Тобольской архиерейской школы было введено преподавание латинского языка и, таким образом, из славянорусской школа превратилась в славянолатинскую. Отсюда уже был один шаг до преобразования ее в семинарию, чего требовало значение Тобольской митрополии, обширнейшей епархии в России...

Тобольская духовная семинария. Преобразование школы при Тобольском архиерейском доме в семинарию было начато митрополитом Антонием Нарожницким немедленно по прибытии его в Тобольск в 1743 году. Тотчас по приезде в Тобольск, он послал по епархии строжайшее предписание прислать церковно-священнослужительских детей в возрасте 8—18 лет для учения в Тобольск, приступил к постройке на дворе архиерейск. дома каменного корпуса для школы, послал одного из своих архимандритов в Киев за учителями и возбудил перед Синодом ходатайство об утверждении его мероприятий по преобразованию школы в семинарию. Из Киева прибыло 4 учителя (поименованные в местной Черепановской

---

[8]) Между прочим, первый историк Сибири П. А. Словцов в своем „Истор. обозр. Сибири“ отнес происхождение Тоб. арх. школы к 1728 г., а в другом месте того же труда пишет: „Здесь уместно пред'явить к сведению, что в Сибири не было установленных училищ или семинарий до 1743 г. несмотря на желания, повеления, надпоминания Петра Великого, на духовный регламент, требовавший установления семинарий“ (1,208). Ошибка Словцова, бывшего преподавателя Тобольской семинарии, очень странна, т. к. ему должна была быть известна хранившаяся в архиве семинарии летопись Черепанова, в которой под 1705 г. записана буря, случившаяся при представлении „комедии“ Тобольскими школярами (см. об этом происшествии в ст. Сулоцкого—„Семинарский театр в Тобольске до 1818“, в „Чтениях о-ва ист. и древн. росс.“ 1870 г. кн. II-ая).

летописи); Синод указом 1748 года утвердил статут для новоучрежденной семинарии. [9]).

Первоначально семинария была открыта не в полном составе. Вскоре курс ее был расширен учреждением философского класса, а затем, при митрополите Павле Конюскевиче (известном своей борьбой против секуляризации церковных имений), был учрежден и богословский класс. Необходимо отметить, что Тобольская Семинария в отношении своего курса шла впереди многих других духовных школ своего времени: по подсчету проф. Знаменского из 26 семинарий начала царствования Екатерины II лишь 8—и в числе их Тобольская—имели полный курс.

Во второй половине XVIII века Тобольская семинария состояла из 8 классов, носивших следующие названия: школа фары, школа инфимы, школа грамматики, школа синтаксимы, школа пиитики, класс риторики, класс философии, класс богословия. Это были так называемые «ординарные» классы, преемственно следовавшие друг за другом, учение в которых продолжалось 10—15, а то и более лет. Сверх того существовали «экстраординарные» классы, для обучения учеников старших классов необязательным предметам: классы немецкого, татарского, греческого языков, истории и географии, математики, красноречия, пения, иконописания. Классы экстраординарные существовали в зависимости от наличия преподавателей и желающих обучаться данным наукам. Семинарская наука в младших и средних классах состояла почти исключительно в изучении латинского языка: в фаре и инфиме начинали с латинских «вокабул», с коротеньких разговорных фраз, далее переходили к изучению грамматики, затем шло чтение и комментирование светских и духовных авторов. В результате, ученики старших классов были в состоянии произносить речи на латинском языке. За изучением латыни забывалось все остальное; из любопытного «мнения» ректора Тобольской семинарии Ильи Шумилевича (1779—1789 г.), представляющего собой утвержденный архиереем регламент Тобольской семинарии, мы видим, что ученикам воспрещалось говорить между собою по-русски в целях наилучшего усвоения латинского языка. В данном случае Тобольская семинария шла по следам южно-русских духовных школ и Киевской Академии прежде всего (питомцами ее были большинство ректоров и учителей семинарии)—там, следом за схоластическими средне-вековыми школами Западной Европы, образование не мыслилось без солидного знания латыни. Учебники были старинные (Альвара и др.), трудно усваиваемые и немногие

---

[9]) Биография Антония Нарожницкаго в „Страннике“ 1867 г кн. XII. Для истории Тоб семинарии с 70-х год XVIII ст. по 20-ые года XIX ст. см. в „Тоб Епарх. Ведом.“ 1903—1914 г.г. (а также в сборн. „Тоб. церк. древлехранилище“ в I—V), статьи Н. А. Бирюкова, основанные на изучении архивов консистории и семинарии: „Очерки по истории Тоб. Дух. Семинарии“ 1791—1818 год“. и „Тоб Дух. Семинария при ректоре Илье Шумиловиче“ (1779—1789 г.), а также интересный бытовой очерк его же в „Рус. Старине“ 1908 г. № 3 „Отвращение от школьного учения“ (по архивному делу 60-х годов XVIII ст.).

могли одолеть семинарскую премудрость до конца; лишь единицы кончали курс.

К тяжелой схоластичной программе и преподаванию присоединялся крайне суровый режим. Из того же «Мнения» мы видим, что без разрешения семинаристы не имели права выходить за толстые каменные стены семинарии и пр., за провинности их полагалось наказывать розгами, (правда, не свыше «10 лоз», но, конечно, в действительности 10 ударами не ограничивались' и для характеристики семинарского режима в XVIII веке, вероятно, более соответствующей будет фраза документа позднейшего периода жизни той же семинарии «и ректор семинарии распорядился сечь их не как студентов, а как свиней»).

Суровый режим и тяжелая непосильная учеба вызывали беспрерывное бегство семинаристов, которых затем, как беглых преступников, с помощью полиции ловили; вызывали даже самоубийства. В делах Тобольской консистории сохранилось любопытное дело Вятской Провинциальной Канцелярии «о поимке 4-х беглых семинаристов Тобольской семинарии», пробиравшихся в Петербург, чтобы там подать жалобу Синоду на семинарское начальство.

Общее число учащихся в Тобольской семинарии было довольно значительно: так в 1765 году в 7 классах насчитывалось 200 учеников, в 1791 году в 8 классах—285 учеников. За немногими исключениями, ученики Тобольской семинарии второй половины XVIII столетия принадлежали к духовному сословию—школа. следовательно, приняла всецело сословно-профессиональный характер. Епархиальное начальство строго следило за тем, чтобы дети духовенства не ускользали от школьной повинности и получали соответствующее образование или в семинарии или в низших духовно-профессиональных школах (см. ниже). Конечно, при громадных размерах епархии, обнимавшей пол Сибири, это провести было нелегко, но по отношению к ближайшим к Тобольску частям епархии принудительное привлечение детей духовенства проводилось довольно полно. В распоряжении консистории были посемейные списки священнослужителей и, следя за изменением их, консистория вела переписку для понуждения духовенства. Иногда же отправлялись специальные лица по уездам («заказам»), для мобилизации духовных детей. Так в 1793 году по докладу семинарии о недостаточном количестве учеников в младшем классе семинарии—фаре, архиерей распорядился послать в ближайшие заказы (Ишимский и Омский) учителя семинарии Петухова для осмотра годных к учению детей, а консистория дала строгое предписание (под угрозой штрафа) духовным правлениям заказов о содействии Петухову.

Возрастный состав семинаристов был чрезвычайно разнообразен. В самом младшем классе-фаре—сидели рядом ученики 9 и 16 лет, в следующих классах, по данным ведомости 1791 года, возрастный состав учащихся колебался между: 11 и 16 летами в инфи-

ме, 12 и 16 в грамматике, 13—19 в синтаксиме, 14—20 в риторике, 13—19 в пиитике, 16 и 23 в философии и 21—24 в богословии. В старших классах бывали ученики уже женатые, занимавшие должности дьяконов, причетников и т. п. Так, по той же ведомости 1794 года, в классе философии состояли на церковной службе (не пользуясь поэтому семин. содержанием) 8 учеников из 9, в классе богословия 7 из 8-ми.

Самыми многолюдными были младшие классы—класс фары насчитывал 104 ученика, следующие классы имели от 23 до 38 учеников, в старших же классах было: в классе философии 9 учеников, в классе богословия—8 учеников.

Вследствие трудности семинарской науки до старших курсов и окончания курса доходили, как мы видели, немногие. Куда же девались остальные? О большинстве мы находим в семинарских ведомостях пометки: «за тупостью» или «за непонятием уволен в причт» (т. е., на должности пономарей, псаломщиков и т. п., сюда же надо полагать выбывшими уволенных «по болезни»). Кроме них, мы находим выбывших с отметками в ведомостях: «выбыл в приказные», «выбыл в крючкотворцы», «уволен по требованию наместнического правления», «по требованию казенной палаты в винокуры» и т. п.; это все лица, поступившие на гражданскую службу; несколько человек уволены для продолжения образования, но такие случаи единичны: один в 1791 году уволен для подготовки в учителя в Тобольское Главное Народное Училище, 8 человек за период 1788—1801 г.г. уволены в Александро-Невскую Главную Духовную Семинарию (впоследствии Петербургская Духовная Академия). В числе последних мы находим известного историка и деятеля по народному образованию Сибири, друга Сперанского, П. А. Словцова. По окончании академии он вернулся в Тобольскую Семинарию преподавателем, но произнесенная им проповедь, в которой усмотрели политические намеки, прервала его карьеру—он был арестован и увезен в Петербург.

Во главе семинарии стоял ректор, обычно архимандрит и настоятель Знаменского монастыря (в зданиях которого помещалась семинария). Почти все ректоры были питомцы Киевской Академии или Харьковского Коллегиума и лишь в конце этого столетия был ректор (Вениамин) из Петербургской Главной Семинарии. За ректором шел префект—должность, соответствовавшая позднейшей должности инспектора. Префект также обычно был с высшим образованием. Что касается остальных учителей, то часть их была с высшим образованием (из Киевской Академии или Петербургской Главной Семинарии), часть из окончивших местную семинарию и честь (в младших классах: фаре, инфиме, грамматике и синтаксиме) были ученики старших классов семинарии (философии и богословия). Так, в составе учителей семинарии в 1791—1795 году мы находим: с высшим образованием двух ректоров из Киевской Академии и Александро-Невской Главной Семинарии (ректор

обычно был преподавателем богословия), префекта и двух преподавателей из Петербургской Главной Семинарии, 7 учителей, окончивших Тобольскую же семинарию и 10 учителей, состоявших учениками старших классов.

Другие нисшие духовнопрофессиональные школы в Тобольской епархии.

Школы при архиерейских домах, преобразуясь на основании указа 1737 года в школы повышенного типа с новым наименованием «семинарий», в то же время служили зародышами и центрами епархиальной сети нисших духовных школ. Уже в первой четверти XVIII века при Далматовском монастыре (на территории нынешней Пермской губернии) была нисшая славяно-русская (а затем и славяно-латинская) школы для детей духовенства; при митрополите Павле Конюскевиче, в начале царствования Екатерины II-й, в пределах тогдашней Тобольской епархии было 11 нисших духовных школ». [10]). Основанием для их открытия была обширность епархии и затруднительность для духовенства посылать своих детей для обучения в Тобольск, за несколько тысяч верст. Они подготовляли к причетническим должностям (от которых, конечно, далее переходили и к священническим), учились чтению и письму на славянском и русском языке, начаткам арифметики. Некоторые из них имели в своей программе и курс латинского языка для подготовки в семинарию, так, чтобы не ездивши далеко, можно было подготовить детей за младшие классы семинарии. Именовались они «заказными» школами, так как учреждались при крупных монастырях, бывших обычно центрами «заказов» (благочиний), некоторые именовались позднее «духовными гимназиями», чаще назывались просто «духовные училища». Такие училища были в Томске (открыто в 1744 году при Алексеевском Мужском монастыре), в Тюмени, в Ялуторовске (при упраздненном позднее Рафаиловском монастыре), в Енисейске и других городах. Позднее, при реформе по уставу 1808 года, сохранившиеся к тому времени бывшие заказные школы перешли в разряд 4-х классных духовных училищ—подготовительная ступень к 6 классной семинарии.

Духовно-профессиональные школы в Иркутской епархии. В 1706 году была учреждена на началах викариатства (с преобразованием ее в 1725 году в самостоятельную) Иркутская епархия. В 1725 году в Иркутской епархии учреждается первая духовная школа при Иркутском Вознесенском монастыре. [11]). Шко-

[10] Ксенофонтов. „О заказных славяно-латино-русских школах в Тобольской епархии" (1759—1818 г.) в „Тоб Епарх. Вед." 1885 г.; Палопеженцев. „Народ. образование в г. Ялуторовске и уезде" в „Ежегоднике Тоб. Губ. Музея" в 1. См. также Знаменский, упом. выше исслед.

[11]) Знаменский, упом. выше исслед См. также статьи в „Иркут. Епарх. Вед." за старые годы, с которыми мне не удалось ознакомиться, за отсутствием их в Томске, „Сукачева" Город Иркутск и его место в культ. жизни Сибири—посл. глава о нар. просв., упом. выше соч. Пекарского, Лиховицкого.

ла эта первоначально учреждается в своеобразной форме русско-монгольской школы и, лишь после неудачи этого опыта, при епископе Иннокентии Кульчицком (впоследствии канонизированном) принимает обычный характер архиерейских славянорусских школ. Менее счастливая, чем Тобольская, вследствие безучастного к ней отношения преемников Иннокентия, она существовала в XVIII ст. с большими перерывами: Иннокентий Кульчицкий довел число учеников ее до 35, после смерти его школа заглохла, затем другой Иннокентий (Неруновпч) возобновил ее, но после него школа опять пришла в упадок и снова была возобновлена лишь в 1780 году в виде Иркутской Духовной Семинарии. Окончательное сформирование последней относится уже лишь к 1802 году, когда при ней был учрежден богословский класс.

Интересна переписка, возникшая в связи с учреждением Иркутской русскомонгольской школы. С ходатайством перед Синодом об открытии ее обратился архимандрит Вознесенского монастыря Антоний Платковский (из Киевских монахов, приехавших с Филофеем), следующим образом излагавший историю возникновения школы. «Чрезвычайный посланник Лев Измайлов посылан в Китайское государство для некоторых нужд царственных, которому в бытие мое при нем на границу прежде поездки в Китай прислана грамота мунгальского письма и не нашед ни единого переводчика из русских людей, чтоб перевести грамоту, о чем зело сумнителен был господин посланник... тогда господин посланник говорил мне что близко пограничные города государя нашего, а духовенство де не заведет детям школы мунгальского языка и еще прибавил, что езопы (иезуиты—НЮ) из Европы ездят не имуще никакого акциза пограничного, к мунгалам и китайцам только сами от себя как язык разных народов так и обычаи их довольно знают, а наше де духовенство и пограничного языка не знает. И того времени господин посланник совстовал мне робят собравши завести мунгальского языка школу». [12]).

Соглашаясь с ним в необходимости иметь образованных миссионеров, знающих языки, архимандрит поехал в Тобольск за разрешением на открытие русскомонгольской школы, но получил от митрополита отказ, мотивированный тем, что «чего де не было давне, нечего того вновь и замышлять». Синод согласился с доводами архимандрита и школа была открыта. [13]).

---

[12]) „Опис. дел и докум. архива Синода" т. IV стр. 428—434.

[13]) Между прочим Лиховицкий с большой осторожностью относится к свидетельству Антония Платковского об учреждении Иркут. школы, полагая, что отказ митрополита об'ясняется его недоверием к личности архимандрита и его уменью поставить проектируемую школу. М. б. в данном случае была ревность Тобольского архиерея, желание, чтобы его именно школа процветала в Сибири, м. б митрополит действительно не доверял Платковскому „авантюристу в рясе",—впоследствии начальник миссии в Пекине, которого пришлось убрать с этого высокого поста. Действительно, Платковский не с'умел даже найти хорошего учителя монгольского яз. и преподавание последнего скоро прекратилось.

Также как и в Тобольской епархии, в Восточной Сибири постепенно возникают вслед за главной Иркутской и другие нисшие духовнопрофессиональные школы. Так, в 1735 году возникает школа в Якутске при Спасском монастыре.

Общие условия жизни духовных школ в Сибири XVIII века.

Общие условия существования сибирских профессиональнодуховных школ в XVIII веке нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительными. Прежде всего, на существовании духовных школ отрицательно отражалось отсутствие определенных материальных источников содержания. Центр до половины XVIII века не отпускал на содержание школ никаких денежных средств, возлагая изыскание их на местных архиереев. Предполагалось, что источниками содержания школ будут доходы архиерейских домов и монастырей. Но доходы эти были крайне неопределенны и неоднократно закрытие школ архиереями об'яснялось отсутствием или недостатком архиерейских доходов.

Так, один из преемников Филофея на Тобольской кафедре митрополит Антоний Стаховский доносил Синоду в 1723 году, что «архиерейский дом де скуден за недородом и служителей своих всех прокормить не может, церковных вотчин нет, монастырей, обильных хлебом, по близости Тобольска не обретается, едва на братию достает». Вняв такому слезному молению митрополита, Синод ответил, что если по скудности средств «довольного числа школьников содержать не можно, то содержать толико, коликим возможно удовольствованным быть без излишества». В результате, число учеников Тобольской Архиерейской школы было сокращено с 90 до 35, т. е., на две трети.

Когда Иннокентий Кульчицкий возложил на несколько местных (Иркутской епархии) монастырей содержание Иркутской школы, то один из них оказался не в силах участвовать в расходах по содержанию школы, так как только что погорел, а остальные слезно просили «пожаловать их, уволить от школьного сбора». Энергичный архиерей изыскал тогда другие источники содержания школы—обложил все духовенство епархии, но когда он умер, школа постепенно заглохла, так как сбор с духовенства перестал поступать.

Та же картина была в России, но в Сибири недостаток материальных средств, обеспечивающих существование школы, чувствовался сильнее, так как не было старых, обильных средствами, монастырей.

Лишь с 1764 года, после секуляризации церковных имений, правительство стало отпускать на содержание духовнопрофесси-

ональных школ определенные средства, т. н. «штатные оклады» из государственного казначейства. Тобольская семинария в числе первых получила штатный оклад в размере 490 р. 16 к.; в 1779 году он был увеличен до 2000 руб., (тогда же определен оклад для вновь учрежденной Иркутской семинарии), в 1797 году оклад Тоб. сем. повышен до 4000 рублей (для Иркутской до 3000 руб.).

Средств, получавшихся из государственного казначейства, конечно, не хватало для содержания школ и (в значительной степени для семинарий, исключительно для низших школ) источниками содержания продолжали служить местные доходы от продажи хлеба, собранного церквами и монастырями и т. п. Бывали и случайные доходы, вроде доходов от театральных представлений, разыгрывавшихся учениками семинарии или пожертвований частных лиц. Так, в делах Тобольской консистории под 1743 г. мы находим пометку, что учителю Копылову выдано 4 рубля «из комедии», в ведомостях Тобольской семинарии под 1790 г. значится пожертвование купцом Мамеевым 10 пудов мяса, игуменом Маргеритом тысячи кирпичей.[14]).

К скудности материальных средств присоединялась необходимость вести непрерывную борьбу в интересах сохранения школы с одной стороны с светской администрацией, неоднократно обнаруживавшей поползновение забрать в свое распоряжение детей духовенства для гражданской службы или школ, и с другой стороны—с самим духовенством, нежелавшим подвергать своих детей страшной, по тому времени, школьной учебе.

Местные власти непрестанно обращались к духовной власти с требованием предоставить такое то количество семинаристов для службы в канцелярии, для учительства, для обучения в народном училище японскому или китайскому языку и т. д. Единственным способом обороны от таких притязаний у семинарского начальства была отсылка по подобным требованиям самых худших учеников (лучших же учеников, добровольно просившихся в гражданскую службу или школы семинария отпускала с неохотой и не всегда). Далее шли требования на семинаристов из центра в медикохирургическую академию и т. п. В 1798 году Синод добился воспрещения без его ведома требовать учеников духовных школ на гражданскую службу или в светские школы. Тем не менее и в следующие годы в делах напр. Тобольской семинарии мы встречаем пометки: «уволен по требованию казенной палаты» и т. п.

Нежелание духовенства отдавать своих детей в школу, несмотря на очевидную потребность в обучении, хотя бы для того, чтобы продолжать наследственную профессию, соответствовало

---

[14]) См. упом. выше ст. Сулоцкого в „Чт. О-ва ист“ о семинарском театре в Тобольске и „Очерки по ист. Тобольской семинарии“ Бирюкова („Тоб. Епарх. Вед.“ 1904—оч. 1-ый.).

такому же пассивно-враждебному отношению к школе и других слоев русского общества XVIII века.

Филофею, организуя первую сибирскую школу в Тобольске, приходилось набирать в нее «поповских, диаконских и церковнических робяток» «с понуждением».

Через 40 лет его преемник Антоний Нарожницкий организует первую в Томске духовную школу, освобождавшую духовенство от необходимости посылать своих детей за 2000 верст в Тобольск, но и ему приходится в таком же принудительном порядке набирать учеников для этой школы: с большим трудом было набрано 30 «детей», из которых одному было 73 года, четырем свыше 40, пяти по 20 с лишним... В ответ на вызовы детей в школу духовенство откупалось взятками, скрывало семейный состав, отписывалось или посылало семейных инвалидов. В одном из отчетов Тобольской архиер. школы 20-х годов XVIII ст. говорится: «В епархии Тобольской дети ко обучению вельми тупы, к тому же многие об'являют детей болезненных, которые по усмотрению в школу не приемлются».[15]).

Это «отвращение от школьного учения» духовенства, как назвал его Н. А. Бирюков, выражаясь языком реферируемого старинного дела, коренилось не только в суровой отталкивающей обстановке школы, но и вообще в низком умственном уровне сибирского духовенства, среди которого еще в половине XVIII века встречались лица, не умевшие подписать свою фамилию.

Значение духовнопрофессиональной школы для Сибири XVIII века.

Значение духовной школы для истории сибирского просвещения прежде всего выражается в том, что духовная школа предшествовала светской. Тобольская архиерейская школа в Западной Сибири, Иркутская арх. шк. в Восточной Сибири, были первыми школами вообще; та и другая школа, развившись в семинарии, представляли собой среднее образование и были предшествующей ступеней к поступлению в высшие школы, пока не были учреждены главные народные училища в конце Екатерининской эпохи.

Основное же значение духовной школы в Сибири заключается в том, что воспитанники ее широко использовались для работы на различных поприщах гражданской службы, для обучения в высших школах и для специальных поручений.

Уже митрополит Филофей в 1707 году командирует двух воспитанников Тобольской архиерейской школы для изучения манджурского языка; подобную же командировку из числа учеников

---

[5]) Пекарский—упом. соч

Тобольской семинарии мы встречаем в 1769 году [16]); когда при Иркутском Главном Народном Училище в 1791 году был сорганизован класс японского языка, ученики для него были взяты из Иркутской семинарии.

В списке учителей малых народных училищ Екатерининской эпохи и позднейших уездных училищ Тобольской, Томской и Иркутской дирекций народных училищ мы беспрерывно встречаем бывших воспитанников Тобольской и Иркутской семинарии. Правда, Томский директор народных училищ доносил в 1825 году, что учителя из семинаристов по многим предметам, особенно физико-математическим, слабы, но не было бы их—училища совсем оставались бы без учителей. [17]).

В 1801 году издается распоряжение о восполнении недостающего числа канцелярских служителей в Сибири из семинаристов и детей священно-церковно служителей; в 1825 году утверждается представление Сибирского Комитета о высылке на казенный счет ежегодно в Петербург и Московское отделение медико-хирургической академии из существовавших в Сибири двух семинарий воспитанников для определения их по окончании курса на службу в одном сибирском краю.

Опять таки и в этом отношении Сибирь следовала своей метрополии, в которой духовные школы положительно опустошались для нужд гражданского управления и для пополнения возникавших светских школ. «Правительство, вводя духовное образование, говорит Знаменский, по прежнему думало в случае надобности пользоваться учениками духовных школ для своей собственной службы на разных поприщах». «Ни одна, можно сказать, высшая школа XVIII и первой четверти XIX века, кроме сословных дворянских, не могла стать на ноги, не обеспечив себе некоторого состава учащихся из питомцев духовных семинарий», подтверждает Рождественский.

Использованию учеников духовной школы для светских надобностей и светских учебных заведений содействовал характер преподавания в духовных школах. Они менее, чем светские школы, учрежденные Петром, как морская, артиллерийская, медицинская, навигацкие школы, имели в своей программе специальные предметы и более всего приближались к нашему понятию общеобразовательных школ. Я уже упоминал, что в половине века из 26 семинарий только 8 имели в своей программе богословие,—казалось бы специфический признак духовной школы; в то же время во всех семинариях было преподавание латинского и новых языков, преподавание философии, истории, географии, математи-

---

[16]) Щеглов „Хронолог. перечень важн. данных из ист. Сибири".

[17]) Мисюрев „Столетие Томского уездного училища", Чудновский „Ист. оч. развития шк. дела в Томской губ."

ки, т. е., как раз тех предметов, которые являются фундаментом общего образования и условием подготовленности для дальнейшего его продолжения.

«По традиции,—говорит Рождественский,—эти дисциплины, философские и реторические, считались принадлежностью духовного образования; по существу они являются общеобразовательными, необходимыми для всех высших школ и вот по этой то причине духовные школы и служили поставщиками способнейших чиновников для гражданской службы, студентов университетов и преподавателей для учреждаемых училищ. Как архиерейские школы до 1730 годов были не только профессиональными, но элементарными общими школами, так и духовные семинарии середины XVIII века, в большинстве случаев не достигая уровня высшего богословского образования, сыграли видную роль, именно как средние общеобразовательные школы» [18]).

Говоря о значении духовнопрофессиональной школы в Сибири необходимо остановиться несколько на вопросе о влиянии этой школы на морально-умственное развитие местного общества.

В своей известной книге «Сибирь, как колония», Ядринцев следующим образом характеризует влияние духовнопрофессиональной школы на сибирское общество: «самыми крупными учебными заведениями в Сибири были в то время две семинарии—в Тобольске и Иркутске,—но существование их также не ознаменовалось ничем заметным в деле местного просвещения, кроме разве того, что в Тобольской семинарии сохранились некоторые сибирские летописи о покорении Сибири... Воспитание в этих семинариях... отличалось схоластичностью, они были рассадниками семинарской педантичности, на своих экзаменах и актах они выгружали целую массу хрий, од и напыщенных сочинений, наука их ничем не была связана с сибирской жизнью». [19]). Я не считаю вполне справедливым этот суровый отзыв. Пусть все это верно, но какие же учебные заведения того времени могут удовлетворить нас с точки зрения современных педагогических требований? Необходимо оценивать их относительно, в соответствии с общими условиями и культурным уровнем той эпохи, к которой они относятся...

В этом отношении более правилен, по нашему мнению, отзыв питомца Иркутской семинарии, известного историка, А. П. Щапова, который, признавая, что «Иркутская духовная семинария как ныне, так и прежде, по своей замкнутости от общества и схоластическому направлению науки, не имела и не могла иметь живого влияния на умственное развитие Иркутского общества», в то же время отмечает, что «всетаки в прежнее время, при жалком состо-

[18]) Знаменский и Рождественский—упом. выше соч.
[19]) Ядринцев „Сибирь как колония“ 2 изд. 557.

янии губернской гимназии, при отсутствии интеллигентного класса в обществе, наиболее любознательные граждане иркутские, по-видимому, интересовались несколько семинарским учением». «За отсутствеим другой лучшей умственной пищи» местное общество интересовалось,—как это видно хотя бы из рукописных сборников, восполнявших собою отсутствие периодической печати, журналов,—витийством семинарских проповедников, высокопарными напыщенными произведениями семинарских поэтов.

В той же статье Щапов приводит из одного такого рукописного сборника начала XIX века описание публичного акта в семинарии, составленное светским посетителем этого празднества и знакомит с семинарскими кантами и виршами, в театральной обстановке читавшимися на русском и латинском языке. С горечью он, бывший питомец Иркутской бурсы, рисует контраст между эффектностью этих расчитанных на публику торжественных выступлений и будничной жизнью школы. Знала ли, спрашивает он, публика, что все эти пииты, риторы и богословы, ученики фары и инфимы, при них так через силу вдохновенно парившие «огнепаримою фантазией», вместе с Омиром и шумевшие громче Пиндара, «рвавшие все узы молчания», «дававшие знаки желания», и проч.,—без них в наготе и босоте, с холоду и голоду, принуждены были прекурьезнейшим образом красть и скрывать в богословском классе свиней и кур иркутских граждан? [20]).

И всетаки, при всей своей внутренней фальшивости, эти торжественные публичные выступления семинаристов до некоторой степени содействовали развитию в обществе эстетических позывов, представляли собой вклад в культурную жизнь края. Они восполняли собой отсутствие или, точнее, слабое развитие театра.

Сам по себе театр в Сибири возник прежде всего на почве духовной школы. Неоднократно упоминавшаяся нами Тобольская архиерейская школа должна быть признана родоначальницей сибирского театра.

В Тобольске, при Тобольской архиерейской школе—впоследствии Тобольской Духовной Семинарии,—мы имеем первые театральные представления в Сибири. Основатель школы, митрополит Филофей Лещинский,—как я уже упоминал,—был малоросс по происхождению и питомец Киевской Академии, современник известных духовных драматургов конца XVII и начала XVIII века Дмитрия Ростовского, Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича. Все это обусловливало его знакомство с распространенными и весьма популярными в то время театральными представлениями на религиознонравственные сюжеты (мистерии), обычно представлявшиеся учениками школ (в частности студентами Киевской

---

[20]) Щапов „Сибирское общество до Сперанского"—„Изв. Сиб. Отд. Геогр. О-ва" 1873 г. или соч. изд. 1908 г. т. III.

Академии, в которой Филофей был экономом). Биограф Филофея, прот. Сулоцкий, даже делает предположение, что сам Филофей был не чужд авторства в области драматической литературы (во всяком случае, он любил писать стихи).

Немедленно по приезде в Тобольск и устроении архиерейской школы Филофей силами учеников последней и при содействии приехавших с ними киевских монахов и других ссыльных малороссов организовал публичные театральные представления. Рукописный памятник середины XVIII века, т. н. «Черепановская летопись», (Тобольского ямщика Черепанова, хранившаяся в Тоб. Дух. Сем.). говорит об этих представлениях: «Филофей был охотник до театральных представлений, славные и богатые комедии делал, когда должно на комедию зрителям собиратца, тогда он, владыка, в соборные колокола на сбор благовест производил, а театры были между Соборною и Сретенскою церквами, к взвозу, куда народ собирался». В летопись занесено под 1705 г. происшествие, связанное с одним из таких представлений: в праздник, во время представления какой то пьесы поднялась сильная буря и снесла крест с одной церкви и макушку с крестом с другой. Благочестивый летописец, повторя, очевидно, народную молву, замечает по этому поводу: «прознаменовал Господь Бог гнев свой на творящих игрища комедианские». Летопись не сохранила нам сведений о пьесах, составлявших репертуар театра при Тобольской архиерейской школе. Но без сомнения, это был обычный репертуар того времени: мистерии русских духовных драматургов—Симеона Полоцкого «Блудный сын и Навуходоносор», «Тело златое и три отрока в пещи», Дмитрия Ростовского «Рождество Христово», «Есфирь и Агасфер», «Грешник кающийся» и т. п.

При преемниках Филофея на Тобольской архиерейской кафедре, так же почти исключительно малороссах, театральные представления продолжались силами учеников сменившей школу семинарии. Повидимому театральные представления имели большой успех среди публики и кроме организованных публичных представлений вошли в обычай представления в домах (опять таки, повторяю, и в этом отношении по примеру метрополии). Актерами были семинаристы-школяры вместе со своими учителями, делившие затем между собой доходы. Отзвук последнего сохранился в одном архивном деле 1737 года, упоминающем, что в январе этого года учитель Петр Кирьяков получил, в числе других статей жалования, 4 рубля «из комедии».[20]).

---

[20]) Сулоцкий „Семинарский театр в Тобольске". „Чт. в о-ве, ист. и древн. рос." 1870 № 2. Пересказ этой, основ. на семин. архивах статьи, представляет ст. в. „Сиб. Вести". 1885 № 7 и 10 „Первые школы и театр в Сибирь" См. такж Голодникова „Город Тобольск".

Необходимо отметить, что школьные представления силами школяров не были чем то особенным в то время, так как даже Духовный Регламент рекомендовал устройство учениками духовно-учебных заведений драматических представлений. Представления эти рассматривались не как пустая забава, а как средство нравственно-воспитательного характера.

Наконец, культурное влияние духовнопрофессиональной школы на сибирское общество XVIII века связывалось с тем, что старейшие из этих школ—две семинарии в двух административных центрах Сибири—имели при себе богатые по тому времени библиотеки-книгохранилища. Созданию этих библиотек содействовали некоторые просвещенные архиереи, как напр., Тобольский митрополит Антоний Нарожницкий, биограф которого сообщает, что он купил для семинарии библиотеку своего предшественника и сам пожертвовал свои книги, в числе которых имелись редкие и дорогие издания. После ликвидации семинарий советскою властью в библиотеках Тобольской и Иркутской семинарий было обнаружено большое количество литературы XVIII века на русском и иностранных языках не только богословского содержания, а по разным отраслям знания...

Заканчивая главу о духовнопрофессиональных школах в Сибири XVIII века, мы должны остановиться на связанных с ними, по своему происхождению и назначению, миссионерскоинородческих школах и на принадлежащей Иркутскому архиерею 30-х годов XVIII века Иннокентию Неруновичу попытке организовать внешкольное храмовое религиозно-просветительное всенародное обучение. То и другое, при всей незначительности своих результатов и специфическом назначении представляет интерес, как единственные в XVIII веке попытки образовательной деятельности вне городов, среди сельского населения.

Миссионерские инородческие школы в Сибири XVIII столетия.

Уже в указе Петра об учреждении Тобольской школы и переписке Антония Платковского по поводу учреждения школы в Иркутске мы видим достаточно ярко выявленными миссионерские тенденции церкви. Создание духовно-профессиональных школ лишь отчасти удовлетворяло миссионерские потребности церкви, подготовляя для нее необходимых в этой области работников, (так в Тобольской семинарии специально для цели миссионерства изучались татарский и остятский языки, в Иркутской школе вводилось изучение монгольского и китайского языков, из Тобольской школы в 1707 году было послано в Китай двое способнейших учеников для изучения манджурского языка, тоже было повторено в 1767 году).

Для упрочения результатов религиозной пропаганды среди туземного языческого населения наилучшим способом было, конечно, создание специальных школ для детей новокрещенных инородцев, в которых бы они научались начаткам христианского вероучения и русской грамоте. Создание подобных школ для упрочения христианизации туземцев и приобщение их к Европейской культуре—обычный прием католического и протестантского миссионерства. В Сибири также, вслед за учреждением духовно-профессиональных школ, выпускавших миссионеров, мы встречаем и школы миссионерско-инородческие, обучавшие детей новокрещеных инородцев.

Уже при митрополите Филофее в остятских и вогульских селениях набирались мальчики и отдавались в обучение в монастыри, как например, в Верхотурский, Кондинский, в дома священников и даже в Тобольские школы. Биограф митрополита Филофея приводит следующий указ Филофея от 1718 года, на имя Верхотурского архимандрита: «по указу Великого Государя и по приказу Губернатора Сибири Кн. М. П. Гагарина велено с новокрещенных инородцев набирать робят и их учить грамоте и тебе б, архимандриту, по указу Великого Государя в Верхотурском уезде где найдутся робята згодние, брать и учить прилежно, а буде возможно и в Тобольск отсылать в дом архиерейский с певнимп ездоками ко учению, где многие новокрещенные робята учатся грамоте». [21]).

Специально для детей новокрещенных инородцев в XVIII столетии были устроены школы при Кондинском монастыре на Тобольском Севере, при Туруханском монастыре в низовьях Енисея. Особенно энергичную школьную деятельность развила Камчатская миссия во главе с иеромонахом Иосафом Хутункевичем. имея в составе пять студентов Петербургской Главной Духовной Семинарии, выехавшая на Камчатку в 1742 году. Втечение первых лет своего пребывания на Камчатке она открыла ряд школ: в половине XVIII века число их доходило до 12 и в них обучалось более 200 детей камчадалов. Первых учителей семинаристов затем сменили учителя из их же учеников—камчадалов, что, конечно, не могло не способствовать успеху школ и их популярности среди местного населения, охотно предоставлявшего для школ помещение, отопление, продовольствие и посылавшее своих детей в школу без принуждения (к которому приходилось прибегать при учреждении школ, как духовных, так и светских в других местностях Сибири). Имело, конечно, свое значение и то, что миссия выхлопотала для лиц, окончивших школы, освобождение от ясака и на казенный счет было принято снабжение учеников одеждой,

---

[21]) „Временнин О-ве ист. и древн. росс." 1854 № 1 ст. А. Сулоцкого „Митрополит Филофей Лещинский".

обувью и продовольствием. В результате энергичной деятельности Камчатской миссии «втечение двадцати восьми-летнего существования эти школы, говорит их историк Кирилов, дали религиозное нравственное воспитание массе камчадальских детей, которые благодаря этому становились полезными деятелями. Многие из них в разное время служили в местных канцеляриях и прочее».[22]). Но как это ни странно, школьная деятельность Камчатского духовенства встретила противодействие со стороны местной администрации, боявшейся развития... ябедничества. Начальник Камчатки закрывали эти школы под разными предлогами одну за другой, к 1779 году их осталось всего 4 с 40 учениками; следующий начальник Камчатки, Рейнике, вопреки сенаторскому указу, заставил учеников платить подати и, наконец, закрыл и остальные школы.

Религиозное просвещение населения. В XVI веке в Западной Европе, в протестантских, главным образом, а также и в католических странах, выработалась особая форма просвещения населения: приходские священники при помощи причетников в воскресные дни после церковной службы обучали население закону Божьему и грамоте. Пример таких же церковно-воскресных занятий, правда одиночный и оставшийся без подражания и дальнейшего развития, мы встречаем в первой половине XVIII столетия в Восточной Сибири.

В 1733 году Иркутским епископом Иннокентием Неруновичем был издан указ на имя Нерчинского архимандрита, которым («понеже нашему архиерейству известно есть, что... прихожане наизусть молитву сию повседневную «Отче наш, иже еси на небесех и пр. не имеют») приказывалось: «каждому священнику в своей определенной парохии в воскресные дни и в господские праздники по литургии своих прихожан со вниманием не скоро, дабы всяк уразумел, поучать и заповеди Божии прочитывать, дабы наизусть от великого так и малого возраста отроки женского и мужеского полу молитву сию «Отче наш» пр. и «Верую во Единого Бога» по пунктам знали». Установленный Иннокентием порядок продержался в Забайкалье до 70-х годов XVIII столетия, когда школьное обучение грамоте в церквах было признано «не соответствующим высокому назначению храмов». Сохранился рассказ о порядке подобных церковно-воскресных занятий. «Большая часть прихожан мужеского и женского пола, бывших у литургии в воскресные и праздничные дни, обыкновенно садились в трапезе на длинные лавки и начинали петь «Царю небесный» и проч. Между тем, как мальчики под руководством причетников читали азбуки и часословы, возрастные мужчины и женщины учились с

---

22) „Сибирская Газета" 1882 г. № 26 „Камчатские школы в период 1745 1783 г."

диктации священно-служителей разным молитвам и заповедям Божьим». [23]).

Глава 2-я.

Светская школа в Сибири XVIII века до учреждения народных училищ по уставу 1786 года.

Светская школа в России начинается со школы узко специального характера, предназначенной для удовлетворения, так сказать, боевых потребностей строющейся государственности. Петр начал с устройства школ навигацких, горных, артиллерийских, медицинских и т. п. Необходимость элементарно-подготовительных классов для этих специальных школ вызвала дальнейшие указы: 1714—1716 г.г. об учреждении «цифирных» или «арифметических» школ и 1720 года («Регламент Главного Магистрата») «о градских школах», устраиваемых городскими обществами по их инициативе и на их средства.

Учреждение специальных школ в Сибири относится уже к послепетровскому времени; что же касается петровского опыта создания элементарной общеобразовательной школы ввиде цифирных школ, то мы встречаемся с ними и в Сибири.

Цифирные школы в России и Сибири. Цифирные или арифметические школы, предназначавшиеся сначала исключительно для дворян, далее были превращены в общеобразовательные школы для лиц всех сословий. Преподавание в них было односторонне-математическое, сводилось к арифметике, геометрии и рисованию, что об'ясняется тем, что эти школы рассматривались, как школы подготовительные к школам навигацким и артиллерийским, инженерным и т. п., для которых необходимо было знание математики. Рядом указов было введено обязательное обучение в этих школах под угрозой штрафа, воспрещения венчать уклонявшихся от обучения и т. п. В то же время цифирным школам не было дано определенного устойчивого материального основания: содержание их отнесено на доходы архиерейских домов и т. п. (самое помещение для цифирных школ также предполагалось в архиерейских домах). В качестве учителей для вновь учрежденных школ были разосланы по губерниям лучшие ученики навигацкой школы в Москве, руководимой известным Л. Магницким.

Учреждение цифирных школ с самого начала выявило себя как неудачно задуманное. Прежде всего, эти школы повсеместно встретили глухую, но упорную оппозицию населения, не желавшего отдавать в них для обучения своих детей. Затем, они были плохо обеспечены материально и слабо обставлены в педагогиче-

[23]) Зам. в газете „Амур“ 1861 г. и оттуда перепеч. в Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1861 г. 118 (также у Вольфсона „Сиб. воскресные школы“).

ском отношении. Наконец, у самой центральной власти не было определенной политики в отношении цифирных школ. От обязательного обучения своих детей в цифирных школах было освобождено сначала дворянство, затем посадские люди, (так как де обучение в цифирных школах отрывало их от торговли и тем наносило ущерб государственным доходам), и в конце концов обязательный контингент учащихся стали составлять лишь дети духовенства и военнослужащих (не считая крепостного крестьянства).

Эти обстоятельства привели к попытке указа 1726 года соединить цифирные школы с архиерейскими, а затем, после протеста Синода, (без соглашения с которым был издан указ), привели к соединению с учрежденными по закону 1732 года гарнизонными школами и, наконец, к закрытию цифирных школ в 1744 году. Фактически они еще ранее прекратили свое существование, (как это отмечает и указ 1744 года).

При Петре еще были приняты меры к учреждению цифирных школ в Сибири, составлявшей тогда одну огромную Сибирскую губернию (от Вятки и до Камчатки). В 1716 году в Сибирскую губернию были посланы два ученика навигацкой школы для заведения в ней цифирных школ. («Из адмиралтейской канцелярии в канцелярию сенатского правления послано Математической школы из учеников для посылки в губернии... В Сибирскую Микита Пилецкий, Яким Ладойников»). [24]).

Были ли действительно ими организованы в Сибирской губернии цифирные школы? Словцов утверждает, что нет, и что присланные «геодезисты» ограничились тем, что составили ландкарту Тобольского уезда, и добавляет, что позднее были посланы для Иркутска еще два геодезиста с такими же результатами. По показанию Словцова противоречат сведения о числе учащихся в цифирных школах, представленные Сенату в 1722 году. По этим данным Тобольская цифирная школа с числом учеников 224 человека занимает второе место среди цифирных школ в Империи. Кроме цифирной школы в Тобольске, вероятно, заводились цифирные школы и в других городах. Такими цифирными школами были навигацкие и горные школы в Якутске, Охотске, на Алтае и в других местах, в начальном периоде своего существования.

Гарнизонные школы в Сибири.

Мало чем отличаются от цифирных школ сменившие их школы гарнизонные для детей военнослужащих и отставных солдат. Под именем «гарнизонных школ», «казачьих школ», «школ кантонистов», «военносиротских отделений», они существуют в То-

---

енский „Сист. нар. просв. в России XVIII—XIX“ в. прилож.

больске, Томске, Бийске, Иркутске, Селенгинске, на Камчатке втечение всего XVIII века и переходят в XIX век. Гарнизонными школами являются школы в Якутске и Охотске до преобразования их в навигацкие (см. ниже). В Бийске гарнизонная школа почему то носила название «школы школьников» (позднее—«военносир. отд.»). В 1792 году 8 солдат из Бийской «Школы школьников», обучавшиеся в этой школе, по свидетельству официального документа «безо всяких правил», были присланы в только что открытое Колыванское (в Барнауле) Главное Народное Училище для подготовки к учительству в Бийской гарнизонной школе.

Известный историк пребывания и деятельности Сперанского в Сибири Вагин, (частью по личным своим воспоминаниям), дает положительный отзыв о гарнизонных школах в Сибири, указывая на пример замечательных людей, вышедших из этих школ и на удовлетворительную постановку учебного дела в некоторых из этих школ. Но свидетельство Вагина вряд ли может быть отнесено к ранним временам—сибирского просвещения XVIII века. [25]).

Вообще, обучение в этих школах было элементарное, режим казарменный, а оканчивавшие их использовались для службы в военных (а иногда и гражданских) канцеляриях. Число учеников в этих школах иногда бывало довольно значительным.

Иркутская градская школа. Намеченное «Регламентом Главному Магистрату» открытие градских школ не было осуществлено втечение многих лет вследствие равнодушия к этому делу городских обществ. В начале царствования Екатерины II-й Наказ Главному Магистрату констатировал отсутствие этих школ в России, говоря, что предусмотренных законодателем школ «ни в одном городе не сделано». В Сибири нам известно существование одной такой градской школы, появившейся накануне Екатерининской школьной реформы—Иркутская гражданская школа основанная городским обществом в 1780 году. Школа эта просуществовала до открытия в Иркутске Главного Народного Училища в 1789 году.

Начало деятельности градской школы в Иркутске было вполне удовлетворительно: по подписке среди купечества были собраны настолько крупные средства, что на них оказалось возможным построить специальное здание для школы, а по числу учеников пришлось нанять трех учителей.

Но в дальнейшем школа стала приходить в упадок. Число учеников, вначале доходившее до 135, беспрерывно сокращалось и в конце 1787 г. равнялось лишь 40; училище в равной степени страдало, как от равнодушия к грамотности родителей, под разными предлогами бравших своих детей из школы, так и от плохого подбора учителей, среди которых попадались малограмотные и ал-

[25]) Сборн. „Алтай" гл. о нар. обр.; Вагин „Ист. свед. о деят. гр. Сперанского в Сибири" т. II, гл. о нар. обр.

коголики. «По неисправности» в последнем Думе пришлось уволить нескольких учителей.

Такой подбор, помимо вообще недостатка в тогдашней Сибири хорошо грамотных людей, приходится отнести и за счет скупости думы, очень скудно вознаграждавшей учительский труд и в погоне за дешевкой, не считавшейся с качеством. Так, в 1781 году был нанят учитель из ссыльных, с платой помесячно 2 р. 50 к.—даже и для того времени это была мизерная сумма.

В школе учили чтению, письму, начаткам арифметики. Успехи учеников, отношение к школе родителей самих учеников и Думы ярко характеризуются сохранившимися в архивах Иркутской город. Думы двумя «репортами» учителя школы от 1787 года на имя Городской Думы, как видно принимавшей близкое участие в управлении школой.

К «репортам» приложены ведомости, в которых мы находим следующие графы: «сколько дней был в классе», «сколько не был», «почему не был», «что учит» и «какие оказывает успехи». Из второй графы мы усматриваем значительное количество пропущенных учениками уроков, а в третьей графе находим об'яснение этому печальному для всякой школы явлению. Приведем несколько примеров ответов на поставленные в заголовке графы вопросы. Ведомость за ноябрь 1787 г.: 15. «По многим посылкам отцом не был отпущен, а, наконец, и сам отец ево 2-го сего числа декабря, явясь в школу, сказал, что при доме ево за болезнью работать некому. И сказано ему просить о том Голову Гражданства». 16. «По посылке рассыльщика не отпускают домашние под таким словом: «нечево де ему делать, он де выучился уже». 18. «Матерью родною не отпускается иногда якобы за болезнью, иногда за продажею на рынке серег». 20. «От потачки отца и матери, под закрывательством якобы ево болезни, но из школьников же примечено, что он в резвости, а не в болезни находится». 38. «За неимением на ногах обуви». Ведомость за декабрь 1787 г.: 11. «Безпутного поведения, притом вор и беглец, но под разным кроме телесного наказания штрафом удерживается». 16. «Как и в минувшем ноябрьском репорте, так и ныне по отказу его домашних: «что де ему делать, он де выучился». А за то мать ево, неутолимая злобою своею, на посланного школьника Шевелева науськовала собаку». 19. «По болезни отца и бедности помоществует в ремесле их». Бегство учеников из школы, поощряемое и родителями (чего стоит, напр., эпически набросанная картина «науськивания» матерью собаки на посланца от школы за ее чадом!), отмечается и в самом «репорте». В нем же приводится пример того, как школа боролась с этим явлением: ученик, бежавший из школы, будучи «сыскан в мясном ряду жаривши мясо для собственного употреб-

ления», был в наказание «посажен в чепь под стражу содержанием на хлебе и воде».

Последняя графа ведомости очерчивает нам об'ем учения в Иркутской градской школе. В школе было три класса: письменный, словесный и певческий, но, повидимому, между классами проводилось слабое различие: в одном и том же классе мы встречаем лиц учащих «азбуку-склады» и «часослов-зады», «псалтырь-кафизмы». Вообще в программу школы входило, повидимому, обучение гражданскому чтению и письму, чтению славянских церковных книг, часослова и псалтыри, катехизису, начаткам арифметики и церковному пению. Автор репорта во многих случаях недоволен успехами своих учеников, виня в этом родителей, их равнодушное отношение к школе и потачку нерадивости детей. «По таковому нехождению многих дней, а паче по потачке отцов и матерей, не токмо успех вновь в учении быть может, да и весьма худо пишут, но и старое, что учили, забыть свободно». [28]).

Навигацкие и геодезические школы. Навигацкие школы возникли в России при Петре Первом в связи с практическими потребностями государства—вследствие острой нужды в морских офицерах. Первая навигационная школа была учреждена в Москве в 1701 году, далее были учреждены небольшие навигацкие школы в Новгороде, Вологде, Нарве и др. городах. Обучение в них начиналось с начатков элементарной арифметики и геометрии.

Оканчивавшие школу использовались не только по прямому своему назначению, но вообще всюду, где только была нужда в образованных людях (общая черта всех школ Петровского времени), чаще же всего в качестве геодезистов и учителей. Из младших классов навигацких школ развились цифирные или арифметические школы—элементарная общеобразовательная школа Петровского времени; к типу их постепенно свелись небольшие провинциальные навигацкие школы. Из старших классов Московской навигацкой школы родилась Морская Академия.

Навигацкие школы возникли в Сибири также на основе практической потребности государства в людях, подготовленных к несению морской службы на далеком Тихоокеанском побережьи. [27]). Хронологически возникновение их относится к временам уже преемников Петра, но обстоятельства, вызвавшие самую мысль об учреждении навигацких школ в Сибири, относятся к временам великого преобразователя и самая идея учреждения их в Сибири при-

---

[26]) „Труды Иркутской Ученой Архивной Комиссии" в 1—1914 г. „Иркутская Гражданская Школа".

[27]) Записки гидрографического департамента 1854 г VIII ст. Соколова „Навигация школы в Сибири" (по материалам архива Морского Министерства") и „Морской Сборник" 1866 г. № 11 й Сгибнева под тем же заглавием (более подробная, с использованием Иркутских материалов) См. также упоминание (к аткое) у Мартоса („Письма о Вост. Сибир." 1826 г.) у Словцова в. „Ист. обозрении Сибири", у Щеглова „в Хронолог, перечне.".

надлежит известному путешественнику Берингу. При Петре в прибрежные моря Великого Океана было отправлено несколько экспедиций—для отыскания морского пути в Камчатку, «разведывания неизвестных стран», исследования Японии, исследования спорного в то время вопроса, сходится ли Азия с Америкой и проч. Во главе экспедиции, выехавшей в 1724 году для разрешения последнего вопроса, стоял капитан Беринг.

Пробыв долгое время в Сибири, Беринг подал докладную записку, в которой намечал желательные для Приморья преобразования и, между прочим, писал, что в Сибири необходимо «для морского пути обучать молодых казачьих детей всякому морскому обыкновению... и ежели б оное учинилось, то б отсюда посылать ненадобно и на всякое судно довольно 12 или 15 человек для науки».

Результатом докладной записки Беринга было предписание Сибирского Приказа Начальнику Охотского Порта Скорнякову-Писареву: «В Охотске хотя б в народную школу не для одной грамоты, но и для цифири и навигации завести тебе, Писареву, и жалование малое для содержания учеников давать, из чего могут люди на службу знающие возрастать, а не дураками оставаться».

Несмотря на столь ясное и категорическое указание Приказа, навигацкая школа фактически была учреждена в Охотске лишь через 10 лет, когда Скорнякова-Писарева заменил новый начальник порта. В 1740 году он учредил в Охотске школу для обучения детей нижних чинов, назначив учителем в нее одного ссыльного священника-расстригу. Одновременно с этим состоялся Высочайший приказ, которым предписывалось: «В Охотске, отобрав детей разных сословий 20 человек не старше 12 лет, записать их в полную службу с жалованием и хлебным довольствием и учить грамоте, рисованию и арифметике».

С перерывами (за отсутствием учителей, с просьбой о присылке которых начальник порта неоднократно, но безуспешно обращался в Иркутск), Охотская школа в качестве школы цифирной, так как обучение в ней ограничивалось грамотой и арифметикой, просуществовала до назначения Сибирским губернатором Мятлева (бывшего моряка).

В 1755 году Мятлев предписал одному из находившихся в Охотске лейтенантов приготовить из числа учеников Охотской школы 10 человек «так, чтобы они, будучи в обучении, могли для надобных здесь в мореплавании служителей вступить в навигацкие науки». а Иркутскому вицегубернатору дал предписание выслать в Охотск необходимые для навигацкой школы учебные пособия.

Таким образом в 1755—56 году было положено основание Охотской навигацкой школе. С частыми перерывами за отсут-

ствием учителей, временами влача исключительно бумажное существование, Охотская навигацкая школа просуществовала до конца XVIII столетия.

Уже в 1789 году Начальник Порта доносил Иркутскому губернатору, что «хотя навигацкая школа в Охотске и существует, но обучать в ней некому». Велась бесконечная и в то же время безуспешная переписка о снабжении школы учителями, пособиями, средствами. Бывшие в Охотске начальники порта, за редкими исключениями, занятые пьянством и картами, совершенно не заботились о школе; ученики бедствовали, ничего не делали и в конце концов разбежались.

В конце концов, ген. губернатор Селифонтов вошел с представлением о закрытии школы. Но в связи с донесением Начальника Охотского порта о недостатке штурманов на Дальнем Востоке, правительство признало необходимым оставить в Охотске существование навигацкой школы и приняло меры к тому, чтобы привести ее в порядок. В это время (1801 г.) в Охотской школе числилось 6 учеников, с которыми никто и ничем не занимался. После указа Адмиралтейства школа оживилась, но ненадолго, и в жизни ее опять появились промежутки по 10 с лишним лет, в которые школа была брошена на произвол судьбы.

В 1831 году начальник школы писал о ней, что собственно навигацкой школы в Охотске не существует, а есть училище, в которое поступают дети всех сословий, достигшие 7-летнего возраста для обучения грамоте и весьма поверхностно морским наукам, «и как училище не имеет постоянных учителей, а обязанности их выполняют флотские офицеры, беспрестанно переменяющиеся, то учреждение это и не приносит большой пользы».

Почти одновременно с учреждением в Охотске настоящей навигацкой школы, такие же школы были заведены в Иркутске и Нерчинске. В 1753 году Сибирский губернатор Мятлев, получив указ Сената об отправке экспедиции на Алеутские острова и принятии подготовительных к ней мер, вошел с представлением об учреждении в Иркутске и Нерчинске навигацких школ, чтобы избежать высылки в столь отдаленные края Сибири геодезистов и штурманов, потребность в которых росла с каждым днем. Сенат одобрил предложение Мятлева и в 1754 году обе школы были открыты.

В 1756 году в Иркутской школе было 37 учеников, через 12 лет число их дошло до 50. Но уже в 1787 году Иркутский губернатор, прося о присылке учителей для Иркутской и Нерчинской навигацких школ, писал в Сенат, что «Иркутская школа обращается уже почти к пресечению наук». В 1795 году Иркутская навигацкая школа была присоединена к открытому в 1789 году Иркутскому Народному Училищу.

После того еще неоднократно возбуждалась и тянулась целые года переписка о реорганизации Иркутской навигацкой школы. Она продолжала существовать в форме, так сказать, геодезических классов при Иркутской гимназии, сменившей собою Главное Народное Училище, пока преподавание при ней геодезических наук не было совсем прекращено в 1835 году.

Нерчинская навигацкая школа была открыта в том же 1754-м году, что и Иркутская школа. Но она просуществовала еще меньшее время: когда по политическим соображениям правительство отказалось от широких проектов организации плаванья по Амуру, оно признало лишним и существование особой навигацкой школы в Нерчинске. В 1765 году она была упразднена, а ученики ее переданы в Иркутскую навигацкую школу.

Сверх этих трех навигацких школ,—в Охотске, Иркутске и Нерчинске,—некоторое время существовала навигацкая школа в Якутске, мало известная в нашей литературе. Возникновением она обязана Берингу, который, готовясь к экспедиции на Камчатку и предполагая открыть там навигацкую школу, из Иркутска повез с собою в качестве учителя для школы одного ссыльного сенатского чиновника.

Задержавшись в Якутске, он предложил этому учителю заняться до отбытия на Камчатку преподаванием в Якутске. Предписание это осталось неосуществленным, так как втечение трех лет в Якутске не находилось желающих учиться (да и сам учитель, повидимому, не обнаруживал особого рвения). Намеченная экспедиция в тот раз так и не состоялась—тем самым отпала и мысль об организации навигацкой школы на Камчатке. Тогда решено было организовать такую школу в Якутске. В 1739 году было предписано всех казачьих детей до 15 лет собрать и из них выбрать учеников для открываемой школы. Казачьих детей в возрасте свыше 12 лет, нигде не учившихся, оказалось в Якутске 110, из них для обучения в навигацкой школе было выбрано 25 челов.

Школе не повезло с первых же шагов: учителю не платилось жалованье, первый учитель оказался несведующим в морских науках и через 5 лет школа закрылась. В 1766 году, по представлению Якутского воеводы Чередова, учение в Якутской школе было возобновлено, присланы учителя, книги, инструменты, набрано 40 учеников и проч.

Но школе опять не повезло. Назначенный в нее учителем штурманский ученик Турчанинов оказался знающим навигацию только до ведения морского журнала. В 1777 году в школе было 22 ученика, из которых 14 в навигации и 8 в арифметике и геометрии. В 1788 году они обратились с прошением к Иркутскому губернатору,—изложив свое бедственное положение, просили «увеличить им жалование или определить куда либо на службу, или,

наконец, вовсе уволить на свободу, так как, дойдя до меркаторского счисления, об'ясняли они, они вовсе перестали учиться, потому что сержант Турчанинов не знает всей науки». В 1783 году была прекращена выдача жалования Якутской навигационной школе, так как она перешла в ведение Приказа Общественного Призрения, у которого не было средств, а после 7 летней бесплодной переписки о средствах, в 1792 году школа была официально закрыта.

Западная Сибирь не имела навигацких школ. Но здесь, в Тобольске и Томске, во второй полсвине XVIII века были учреждены близкие к ним по программе геодезические школы. Готовили они, главным образом, геодезистов. Сведений о той и другой школе в литературе совершенно нет, к временам Сперанского они уже прекратили свое существование. [28]).

Мы уже упоминали, что навигацкие школы давали не только морских служащих, но вообще образованных людей, за недостатком последних использовавшихся государственной властью на самых разнообразных поприщах. Вот некоторые сведения, характеризующие, что давали стране навигацкие школы. За 14 лет, с 1754 по 1768 год, из Иркутской навигацкой школы выбыло 192 человека, в том числе: в морскую службу 18, геодезистами 6, в горную службу 51, в медицинскую службу 1, для обучения япон. яз. 1, в военную службу уволено («за непонятием наук и нерадивость») 51, умерло, заболело и пр.—5.

Из той же школы в 1785—1799 году выпущено: на канцелярскую службу 5, для обучения япон. яз. 1, в морскую службу 20, землемерами и геодезистами 13, на медицин. службу 1, в военную службу 4, умерло и пр. 4. Из 140 учеников, учившихся в Нерчинской школе от ее основания и до закрытия: в морскую службу ушло 9, в горную 55, в военную 23, умерло, заболело—13, переведено в Иркутскую школу для продолжения обучения 39.

Другие специальные светские школы XVIII века.

Другой тип специальной школы XVIII века, осуществленный в Сибири—это горно-заводские училища. Они были учреждены в Нерчинске, Барнауле и Змеиногорске, т. е., там, где находились рудники. Происхождение Нерчинского училища по одним источникам относится к 1759 году, по другим даже к 1728 году. Если последнее верно, то это будет одна из первых светских правительственных школ в Сибири. На Алтае разработка горных богатств начата Демидовым в 1725 году. В 1761 году туда послано 12 учеников Шляхетского Корпуса для обучения офицеров и горных чиновников иностранным языкам и горным наукам. Приехав в Барнаульский завод, они уже застали здесь какую-то школу (цифир-

---

[28]) Вагин „Ист. свед. о деят. Сперанского", т. II, гл. о нар. обр.

ную?). Через 18 лет, в 1779 году, была открыта официально в Барнаульском заводе Горная школа, преобразованная в 1789 году. Это училище просуществовало, будучи еще несколько раз преобразовано, не только XVIII, но и весь XIX век. Змеиногорское училище одно время было многочисленнее Барнаульского, но к XIX веку уже не сохранилось.[29]).

По некоторым данным можно полагать, что в XVIII веке в Омске существовала еще военноинженерная школа, но в моем распоряжении о ней никаких сведений не имеется.

Общие условия существования светских правительственных школ в доекатерининскую эпоху.

Общие условия существования светских специальных школ XVIII века в Сибири сходны с условиями существования духовных школ. Недостаток материальных средств, плохая, из рук вон, за отсутствием учителей, постановка дела в них, принудительное привлечение в них учащихся—вот чем характеризуется светская правительственная школа XVIII века.

Если скудны сведения о числе и состоянии светской школы в Сибири первой половины XVIII века, то за то нет недостатка в материалах, характеризующих меры, предпринимавшиеся правительственною властью для обеспечения этих школ необходимым контингентом учеников. Приведем несколько примеров. В 1744 г. в царствование Елизаветы Петровны получен был в Томске из канцелярии Сибирского губернатора (т. е. из Тобольска) указ, которым велено было об'явить на площадях и базарах с барабанным боем «об обучении дворян и разного рода людей и детей их сначала обучением российских книг чтению прямого знания, толкованию букваря и катехизиса, такожде чтению и других церковных книг».

В том же 1744 году об'является указ Правит. Сената о «наистрожайшем навсегда приказным служителям подтверждении, чтобы они в изучении своих детей грамоте имели прилежнейшее усерднейшее попечение» и получено предписание Сибирского губернатора «о понуждении всех дворян и детей боярских в обучении детей своих арифметике и другим наукам» и высылке в Тобольск не обучавшихся нигде дворян и детей боярских от 15 лет.[30]).

Там, где не было принудительного привлечения в школу, она пустовала. Мы видели выше, что втечение трех лет в Якутске не находилось ни одного желающего поступить в школьное обучение

---

[29]) Сборник „Алтай" под ред. Голубева гл. о нар. образ. и ст. „Истор. ход развития просвещения в Томской губернии" („Пам. кн. Том. губ." 1884 г.).

[30]) „Том. Губ. Ведомости" 1889 г. № 47 и 48 ст. Кузнецова „Из ист. распространения грамотности в Томской губернии".

к приглашенному Берингом учителю Гейдерихсу. Как и в допетровское время, отцы, очевидно, предпочитали отдавать своих детей в обучение грамоте частным «мастерам». Недоверие или даже враждебность населения к казенной школе особенно ярко видна из одного эпизода при выборе депутата в Комиссию по составлению нового уложения (уже в следующее царствование—Екатерины 2-й в 60-ые годы XVIII ст.). Избранный депутат от г. Енисейска, некто Самойлов (между прочим, избранный в наказание: избрание его было, с точки зрения обывателя того времени, выражением антипатии со стороны сограждан, а не доверия и уважения, как теперь мыслим мы), предложил ходатайствовать об учреждении в Енисейске правительственной школы. Предложение депутата было отвергнуто его согражданами, которые нашли, что для Енисейска достаточно частной школы некоего отставного унтер-офицера и взамен того предложили своему избраннику ходатайствовать о предоставлении им разных торговых монополий и т. п.[31]).

Виною подобного отношения населения к школе были и принудительность, характер «школьной повинности», всегда отрицательно отражающейся на успехе просвещения, и плохая постановка казенной школы (мы видели, с какими трудностями организовывались и зачастую лишь фиктивно существовали, имея несведующих учителей, не располагая средствами для содержания учителя и учеников, даже навигацкие школы, столь, казалось бы, необходимые правительству), и невысокие требования, пред'являвшиеся населением к обучению своих детей—только чтение да письмо,—вполне удовлетворявшиеся более свободным и удобным частным учением.

Частные школы.

Частные школы и учителя, как и в допетровское время, восполняли недостаток школ и вместе с тем, и там, где были правительственные школы, были серьезными конкурентами им.

В Кузнецке, в 90-х год. XVIII ст., у частных лиц оказалось около 80 учеников, из коих 31 учился славянской грамоте (т. е., псалтыри, часослову и т. п.) и 29 русскому чтению и письму. Кто же были эти частные учителя? Для того же Кузнецка мы имеем некоторые сведения. Это были канцеляристы, девицы, лица духовного звания и отставные солдаты. Среди них в 1800 г., особенно славилась одна девица Д. С. Хабарова; в том же году у одного отставного солдата обучалось 20 мальчиков с платою 6—7 р. каждый.

Частное обучение было ближе для населения, чем казенная школа: здесь каждый отец отдельно сговаривался с учителем—че-

[31]) Головачев „Сибирь в Екатерининской комиссии“.

му и в какой срок он хочет учить своего ребенка, частному учителю население более доверяло, чем учителю казенной школы, столь часто, как мы видели выше, не отличавшемуся большими достоинствами. Учились они немногому—читать по русски и славянски, писать, но больших требований к обучению детей население и не пред'являло. Вот как описывает свое обучение у частного учителя один довольно крупный Иркутский чиновник XVIII ст. Т. П. Калашников.[32]).

«Взросши до 7 лет, следовательно, около 1770 года, я отведен был в Великий, помню, пост в приватную (ибо тогда общенародных училищ не было и правительство хотя также благодетельное, как ныне, в воспитании и научении еще не успело распространить своих преднамерений) к старику Иавну Ивановичу Почекунину в школу. Семь только дней потребно было на обучение меня азбуке, это стоило матери моей полуста копеек; а потом не упустил он чтоб не обучить меня часослову. Но бедненька, не знаю где, она примыслила выпросить столь обветшалый часослов, что он ни начала, ни конца не имел, а оболочки—в шляпных обрезках; но довольно было для обучения. Учителю не худо было если б и псалтирь я начал, но излишне для матери даже показалось, сколько для того, что нечем платить, столько и для того, что довольно уж я, по тогдашнему судя, обучился: читать все буквы и складывать их, как должно. Мальчик я хоть не слишком резвый, но и не вовсе же смирен был, однако ж довольно боязлив перед всяким и стыдлив; сего дара отнять было у меня нельзя. Меня учитель не больше как только два раза лозами посек, но то не за учение, а за поздний приход, от домовничества моего случившийся и от того, что я был почтенным пастухом своего теленка. О, этот мне теленок! Ребята придут, возьмут молодца, одни за ноги, другие за голову, и несут, а там, хоть не душевредно, но отхватают посвойски. Надобно уже было учить меня писать. Старичек, вечная ему память, учитель мой Почекунин не замешкал научить меня писать такими точно литерами, какими за сто лет или немного поменьше настоящих писывали».

Среди частных школ в Сибири XVIII века особняком стоит Шведская школа в Тобольске. Эта школа была устроена в Тобольске в 1713 году пленным шведской войны, прусским уроженцем фон Врехом, для обучения детей пленных шведов. Школа эта просуществовала до конца северной войны и с возвращением пленных на родину в 1721 году прекратилась сама собой. Кроме детей пленных, в ней обучались несколько мальчиков русских. Число учащихся с 12 в 1714 году дошло до 139 (вместе с учащими и

[32]) „Русский архив" 1904 г. № 10 „Жизнь незнаменитого Т. П. Калашникова, в простых словах им самим описанная".

вообще обслуживающим школу персоналом) в последний год ее существования. При школе был пансион, квартира для учителей и воспитателей, больница с маленькой аптекой; одним словом это был светлый луч культурной жизни, одиноко блеснувший на темном фоне современной сибирской жизни. О школе знал Петр, выразивший одобрение ее устроителям, ее поддерживали даже некоторые русские и видную поддержку моральным одобрением и материальными субсидиями оказывали московские и заграничные немцы. Устроители школы были в переписке с виднейшими немецкими педагогами того времени, т. н. пиэтического направления—Спенером и Франке и это пиэтическое направление ярко отразилось в уставе Тобольской шведской школы: чтение библии, пение псалмов, молитвы перемежались с изучением грамматики; как и в знаменитой школе Франке в Галле основное внимание обращалось на религиозное воспитание. По возвращении на родину фон Врех опубликовал свои мемуары, откуда мы и черпаем сведения о школе. Не будь их—мы, ничего не знали бы о школе—настолько особняком она стояла. [33]).

Глава III.

Главные и малые народные училища в Сибири (1789—1826 г.).

Школьная реформа 1782—1786 г.г. Царствованием Екатерины II-й начинается второй период русской государственной (светской) школы. Сущность его заключается в попытке создать в России общеобразовательную всесословную школу 2-х ступеней и осуществить план намеченного типа школ на всем пространстве Империи от Петербурга и Москвы до Иркутска в Сибири.

В 1782 году была учреждена Комиссия об училищах, которой поручено было по образцу австрийской школьной системы создать положение об училищах в России и выполнить все требующиеся для практического выполнения его мероприятия. План учреждения новых училищ был задуман очень широко и детально разработан. Намечены были два типа учебных заведений: главные народные училища и малые народные училища (от проведенных в австрийской системе средних училищ комиссия отказалась, на университетах она не останавливалась, так как высшее образование не входило в план ее работ).

Главные народные училища предположено было учредить во всех губернских городах, малые народные училища—во всех уездных. Для употребления в проектированных училищах были состав-

[33]) А. Ш. „Шведская школа в Тобольске"—Журн. Мин. Нар. Просв. 1859 г. —она же перепечатана в „Тоб губ. Вед." 1859 г., ст. Гинцбурга „Начало просвещения в Сибири" в „Журн. Мин. Нар. Просв" 1905 г. V. Подлинное заглавие мемуаров ф. Вреха полностью приведено у Гинцбурга.

лены новые учебники и заблаговременно, к моменту опубликования указа о проведении в действие нового устава, был подготовлен в Петербурге необходимый для главных народных училищ преподавательский персонал. Инструкция учителям рекомендовала новые педагогические приемы (воздержание от телесных наказаний, звуковой метод и проч).

Учреждение народных училищ в Сибири. Устав 1786 года о главных и малых народных училищах без каких либо изменений в нем был распространен и на Сибирь.[34]). Сибирь тогда делилась на 3 наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское. В каждом из них указом 3 ноября 1788 года было предписано открыть по Главному народному училищу, что и выполнено в 1789 году, когда торжественно были открыты Гл. нар. уч-ща в Тобольске, Барнаульском заводе и Иркутске. Колыванское наместничество вскоре было упразднено (в 1797 году) и вместе с ним было закрыто Главное народное училище в Барнаульском заводе, так что на всю Сибирь осталось всего 2 Главных народных училища (в 1804 г. Тобольская губерния была разделена на две—Тобольскую и Томскую, но последняя, сменившая собою прежнее Колыванское наместничество, так и осталась без школы повышенного типа).

В ряде уездных городов были в 1789—1797 г. открыты малые народные училища: в Тюмени, Туринске, Красноярске, Верхнеудинске, Кузнецке, Томске, Нарыме, Енисейске. На этом открытии, сопровождавшемся всюду пышными торжествами, остановилось дело открытия малых училищ и в дальнейшем, как и в отношении главных училищ, мы имеем закрытие ряда малых училищ (Красноярского и Кузнецкого при упразднении Колыванского наместничества в 1797 году, Нарымского в 1821 году).

Я считаю не лишним привести здесь именной указ Императрицы от 3 ноября 1788 года, на имя Тобольского и Пермского генерал-губернаторов. по поводу открытия в названных губерниях Народных училищ (в Полном Собрании Законов указа этого нет,

---

[34]) Имеются исторические записки к 100 л. юбилею Тобольской гимназии (Цветаева и Замахаева) и Томского уездного училища (Мисюрева). Об Иркутском Главном Народ. Училище см. у Щеглова „Кр. историч. сведения об Иркут. гимназии“, к сожалению мне не удалось ознакомиться с Щегл. работой за отсутствием в Томских библиотеках „Циркуляров по Вост. Сибири учебн. заведениям“, в которых она помещена. В отношении малых. народ. училищ и Колыван. Главн. училища богатый материал дает статья Чудновского „Истор. ход развития просвещения в Томской губернии“ („Пам. кн. Томской губернии“ на 1884 и 1885 г.).

По этой статье составлена глава о нар. обр. в сборнике „Алтай“ (ред. Голубева). О Красноярск. и Верхнеуд. училищах небольшие заметки в журн. „Сибирский Архив“ 1911—1915 г.г. и статья Н. Н Бакая „Страничка из истории народного обр. в Сибири в XVIII ст.“ (Сиб. Сборник 1899 г.).

от того же числа помещен указ на имя Комиссии училищ, очень короткий и не представляющий такого интереса). [35]).

«Господин генерал Поручик' Волков!

Комиссия по учреждению училищ, продолжая по воле Нашей труды ее по снабжению Империи народными училищами, приуготовилась ныне к открытию оных в остальных губерниях, в том числе и в наместничестве Тобольском. Утвержденные нами в 1786 году устав и штаты сих училищ, равно как и потребные для них учителя с книгами, сим заведениям присвоенными, будут к Вам от Комиссии присланы; вследствие чего возлагаем Мы на попечение Ваше, чтобы к открытию оных все нужное было приуготовлено и хотя не везде Приказы Общественного Призрения столь достаточный капитал имеют, чтобы из процентов их удовлетворить всем предметам, к попечению их представленным, но как доходы оных при добрых и усердных стараниях начальства и разных обществ от времени далее могут умножаться; сверх того снабжены города наши разными выгодами в городовом положении изображенными. Доставили Мы им доходы на их надобности, а между таковыми надобностями просвещение народное одною из первых почитаться долженствует. Содержание народных училищ не требует большого иждивения, как то ясно в штате показано, и притом на первое время довольно будет открытия в губернском городе главного, да еще также и по самым знатнейшим городам малых народных училищ, то и уверены Мы, что Вы изыщите средства заимствовать нужное для сих училищ содержание без отягощения казны и без оскудения и для других полезных заведений. О чем и будем ожидать Вашего уведомления. Впрочем Наш Тайный Советник Завадовский по председению его в Комиссии о народных училищах о всем до установления оных касающемся не упустит с Вами снестись.

Пребываю к Вам благосклонная—Екатерина».

Генерал губернатор разослал по городским Думам городов, где было намечено открытие народных училищ копию указа со следующим отношением: «При вступлении моем в управление Пермской и Тобольской губ. имел я счастье получить именной высочайший Ея Императорского Величества Указ об открытии Народных училищ, который при сем прилагаю в копии. Городская дума ясно может видеть из него колико премудрая наша Монархи-

[35]) Текст именного указа и отношения помещен в приложении к исторической записке по поводу столетия Томского Уездного Училища; отдельные фразы из него приводятся в Истор. записке по поводу 100 летия Тобольской гимназии. Больше нигде текста указа мне не приходилось встречать. Интересно, что в Полн. Собр. Зак. за 1789 г. в одной из переписок Сената и Императрицы с Уфимским наместничеством по поводу изыскания средств на содержание народ. училища приводятся фразы из именного указа на имя Уфимского Ген. Губернатора тождественные с отдельными местами приводимого указа на имя Тобольского Генерал Губернатора. Стало быть это был указ в единообразной форме, данный на имя всех Генерал Губернаторов.

ня печется о благе своих подданных, изводя их из мрака невежества через распространение повсюду учения, от которого проистекает величайшая польза для людей, какого бы они рода ни были. Опытом дознано, что учение изощряет наш ум и удобряет сердце; служащих оно творит способными к отправлению должностей своих; купцам доставляет средства к благоуспешному проведению торговли; мастеровым показывает путь, по которому можно достичь до совершенства в ремеслах; словом, учение ведет каждого к желаемому счастью. Я мню, что граждане, уважая неисчетные выгоды, происходящие от просвещения, почувствуют в себе твердое знание иметь малое народное училище, к открытию каковаго Ее Императорское Величество соизволила из'явить матернее благоволение и вследствие того представят письменно ко мне просьбу об оном открытии. При том удостоверен будучи, что Приказ Общественного Призрения не в силах содержать училищ, как то и в самом Именном Высочайшем Указе упоминается, и считая недостаточными городские общественные доходы, уповаю, что Городская Дума охотно примет на себя содержание училища, не превышающего 200 рублей в год и сие изобразить не оставить в прошении своем, дабы тем показать со стороны своей споспешествование во благих монарших намерениях».

Недостатки Екатерининской школьной реформы. Екатерининская школьная реформа была: во-первых незакончена в том отношении, что оставляла без внимания, как университет, так и низшую сельскую и городскую школу; во 2-х оставляла школы без прочного материального базиса, так как содержание школ возлагалось на приказы общественного призрения, а главным образом вверялось попечению местного общества, не проникшегося еще сознанием необходимости просвещения и в 3-х, пожалуй, самое главное—при обширности программы, новые школы оказывались выше средних потребностей современного русского общества.

Уже через несколько лет после учреждения первых главных училищ посланный комиссией ревизор Козодавлев писал: «во всех главных училищах найдено мною, что число учащихся в 3-х и 4-х классах мало и что учащиеся в вторых классах обыкновенно не желают продолжать учения в третьем разряде. Сие происходит от того, что родители учащихся не видят цели учения, в высших классах преподаваемого.... Всякий знает, что для снискания места в гражданской службе нужно одно чистописание, почему и невозможно ожидать, чтобы многие детей своих посылали в высшие классы». [36]).

В ряде российских городов обыватели подали заявление о том, что «купецких и мещанских детей в школах не состоит, да и

---

36) Цит. по Милюкову „Оч. по ист. русской культуры" в 2-очерк седьмой.

впредь к изучению в училищах отдавать не намерены. Того ради содержать училища желания нашего не состоит и мы не видим для себя от оных пользы». В других случаях малые народные училища прекратили свое существование без каких-либо заявлений со стороны обывателей—просто вследствие слабого посещения их учащимися. Как на другие причины слабого состояния новых училищ исследователи Екатерининской школы указывают также на необеспеченность учительского персонала, принудительное привлечение его на эту службу.

Цифры школ и учащихся обнаруживают тенденции к росту лишь в первые годы реформы. Интересно также и то обстоятельство, что, несмотря на провозглашение законодателем лозунга обучения женщин и допущения в малые и главные народные училища девочек наравне с мальчиками, число первых вообще по России незначительно: в 1796 году оно не превышало 7% общего числа учащихся, если же исключить Петербург, то на всю остальную Россию (с Москвой) приходится еще меньший процент: 362 девочки на 15320 мальчиков.

Условия осуществления Екатерининской реформы в Сибири. Программа.

Все отмеченные черты практического осуществления школьной реформы 1782—88 г.г. мы находим и в Сибири.

Програма главных народных училищ по уставу 1786 года состояла из Закона Божия, чистописания, рисования, русской грамматики, арифметики, географии, истории, алгебры, геометрии, естественной истории, гражданской архитектуры, двух новых языков (из которых один должен был быть какой-нибудь «соседственный»—например в Одессе греческий, в Петербурге—финский и т. п.).

Предметы эти распределялись между классами так, чтобы каждый из этих классов представлял собой замкнутое целое, нечто законченное: программа первых двух классов главного училища была совершенно тождественна с программой малого двухклассного училища, так что ученик, кончивший где-нибудь в уездном городе малое училище, мог легко поступить в 3-й класс главного в губернском городе. Преподавание предполагалось единообразное на всем пространстве Империи, как в смысле учебников, так и метода и курса.

Обращаясь к фактическому проведению сибирскими главными и малыми народными училищами программы, мы видим, что они допустили ряд отступлений, которые существеннейшим образом меняли программу, нарушали ее концентричность и стройность,

делали курс каждого класса отрывочным и значительно суженым по сравнению с проектированным программой.

Что давало Главное Народное Училище конца XVIII века, можно судить по сохранившейся в архиве Тобольской гимназии программе испытаний Тобольского Главного Народного Училища в 1792 году. 1 класс: а) чтение русское, б) священная история до потопа, в) сокращенный катехизис до заповедей, г) чистописание, д) правила для учащихся—начало. 2-й класс: а) арифметика до именованных чисел, б) священная история от потопа до Моисея, в) чистописание, г) из книги «о должностях человека и гражданина» до главы 4-й. 3-й класс: а) арифметика до тройного правила, б) грамматика до глаголов, в) всемирная история до Карфагена, г) российская география: границы, пространство, моря, реки, горы, д) математическая география, естественная география и введение в политическую географию. 4-й класс: а) алгебра до уравнения первой степени, б) геометрия—до стереометрии, в) механика—о силах вообще, машины, г) гражданская архитектура—об основаниях, д) естественная история—ботаника до деревьев, е) всеобщая география—об Африке, ж) всеобщая история —о Пруссии, з) Российская география—северная полоса, и) российская история—период 1-ый.

Сопоставляя пройденное с общей по Империи программой, автор Исторической Записки говорит: «ни в одном классе училища не было выполнено того, что требовалось уставом». Священная история должна была вся проходиться в 1-м классе, во 2-м классе должен был проходиться пространный катехизис, в 3-ьем классе полагалось из'яснение евангелия. «Правила об учащихся» и «книга о должностях человека и гражданина», должны были полностью проходиться в первых двух классах, так чтобы у учащихся оказалось полное представление и они могли оказать придававшееся им воспитательное влияние. Грамматика, история оказываются существенно сокращенными, а из остальных предметов проходятся незначительные отрывки.

В другой Исторической Записке, посвященной Томскому малому народному училищу, мы находим такую характеристику преподавания: «предметы обучения в нем были те-же, что в главном, но занятия велись крайне несистематично. Ученики принимались беспрерывно втечение года, учителям приходилось разбивать их на много групп и заниматься с ними порознь, сообразно с их способностями и потребностями; одни ученики обучались только письму, другие упражнялись в одном чтении».

Чтобы закончить речь о программе, необходимо сказать еще несколько слов о преподавании «соседственных» языков в сибирских главных народных училищах.

В Тобольском предполагалось организовать изучение киргизского языка, но не нашлось преподавателя, а потому он был заменен татарским, по которому имелся преподаватель в местной семинарии. Преподавание татарского языка продолжалось до самого преобразования училища и его изучало (как необязательный) довольно значительное число учеников.

В Иркутском Главном Училище преподавались монгольский, китайский, манчжурский и японский языки. В классе монгольского языка записалось 32 желающих, в класс китайского и манчжурского—27 желающих. Спустя 4 года преподавание этих языков, вследствие трудности их, было прекращено.

Остался только класс японского языка, любопытная история которого рассказана в докладе Министра Народного Просвещения 1816 г. «Вследствие Высочайшего указа, от 13 сентября 1791 года, для сношения по торговым делам с Японией учрежден был при Иркутском Главном Народном Училище, что ныне гимназия, 1-го июня 1792 г. класс по японскому языку, обучение коего было поручено одному из спасшихся от кораблекрушения и принявших наше исповедование, японцу Коротыгину и вытребованы были для сего 5 человек учеников из Иркутской семинарии... В 1810 году учитель Коротыгин умер, учеников же осталось тогда только два человека. На место Коротыгина в июне месяце 1815 года учителем с жалованием определен находящийся в Иркутске из японцев коллежский регистратор Киселев... Ныне Сибирский генерал губернатор сообщил... учитель Киселев из японских простолюдинов, не может обучать японскому языку грамматически, не имеет никаких учебных пособий. По уважении сего и потому, что двое семинаристов (из которых ныне один умер), более 20 лет обучавшихся японскому языку, не могли доныне оказать никаких успехов ни в переводе, ни в разговоре... он, генерал губернатор... испрашивает: дабы японский класс... вовсе был уничтожен, остающемуся ученику сего языка Миронову предоставить свободу избрать себе другой образ жизни». Представление министра, столь красочное при всей сухости казенного языка, конечно, было утверждено. [37]).

Преподаватели.

Как и во все вновь открываемые училища, в Сибирские главные и малые народные училища комиссией были посланы составленные ею учебники, а для главных училищ учителя из числа подготовленных комиссией в Петербурге.

Так в Тобольское Главное народное училище было послано 4 учителя. «Все эти учителя были из духовного звания, все они имели аттестаты духовных семинарий, к учительским же должностям

[37]) Сборник постан. по мин. нар. просв. т. 1, стр. 80.

приготовлялись в Санкт-Петербурге в учрежденной Комиссией училищ учительской семинарии», говорит о первых преподавателях Тобольского Гл. нар. училища историческая записка Тобол. гимназии.

Точно также и в Колыванское Главное училище было послано 4 учителя—все из духовного звания, окончившие духовную семинарию и сверх нее—3 учились в Петербургской Учительской Семинарии Комиссии училищ и четвертый в Киевской академии.

В малые училища комиссия учителей не посылала—предполагалось, что они будут изысканы на местах (в дальнейшем—подготовлены Главными училищами). В сибирских малых народных училищах первыми преподавателями были воспитанники духовной семинарии (некоторые—учившиеся в гимназии). Так первым учителем Томского малого училища был воспитанник Тобольской духовной семинарии, подготовлявшийся к учительству в Тобольском Главном училище. Из семинарии же были первые учителя в Кузнецком и Нарымском малых училищах; о 2-х из них, перешедших с 1791 г. в духовную службу, официальный документ свидетельствует, что они ушли из учительского звания, так как «к дальнейшему понятия нет».

За все время существования училища, до конца прошлого столетия, все учителя Тобольского Главного народного училища аттестовались в прилежании и поведении «хвалы достойными», говорит историческая записка Тобольской гимназии.

Но наряду с таким свидетельством, мы имеем и крайне отрицательные отзывы о преподавателях малых училищ. Правда, сохранившиеся отзывы относятся к позднейшему периоду—начала XIX века; вероятно, их было бы больше, если бы надлежаще был поставлен надзор и если бы требования, которые тогдашняя администрация ставила учителям (особенно малых училищ), были несколько больше.

Так Колыванский Директор народных училищ Ломачевский просил генерал губернатора Пеля потребовать у Иркутского епископа 2-х студентов семинарии не моложе 24 лет «добронравных, хотя бы они в науках и не сильны были, потому что преподавание в малых училищах положенных предметов большего искусства не требует, а нужно из них только хорошего поведения и здравой рассуды». В 1812 году в Каинское малое училище был послан учитель из Тобольской семинарии, который по испытанию оказался «слаб», но в учителя все же был принят.

Число учащихся и оканчивавших, и их социальный и возрастный состав.

Отсутствие положительного отношения со стороны населения к новой школе, очевидно, доказывается цифрами числа учащихся.

Оно все время было не только невысоко, но год за годом падало. В Тобольском Главном народном училище к концу первого учебного года (1790) оно равнялось 165, через 2 года оно опустилось до 146 и через 7 лет, в 1796 году, оно равнялось всего лишь 76, в год же преобразования училища, в 1810 году, оно опустилось до 43 («это в городе с 2000 домов», добавляет к приведенным цифрам Словцов); в Колыванском Главном народном училище оно равнялось в 1790—94, а в следующем—уже 85, в 1794—41. В Томском малом с 80 при открытии уч-ща число учеников спустилось до 36 в 1803 г. «Падение числа учеников—очевидно общее для всех сибирских училищ», замечает современник Словцов. Для 1803 года мы имеем сведения в отчете Министра Народного Просвещения. В этом году в Западной Сибири было одно Главное народное училище (Тобольск) с 66 учениками и 6 малых народных училищ с числом учеников: Тарское 10, Тюменское 25, Туринское 22, Нарымское 20, Томское 36, Енисейское 14, а всего в 7 училищах 193 ученика. В Восточной Сибири было одно Главное народное училище (Иркутск) с 120 учениками и одно Малое народное училище в Верхнеудинске с 18 учениками, а всего 138 учеников. Во всей Сибири стало быть было 8 училищ и 331 ученик общеобразовательной Екатерининской школы.

Первоначальный состав учащихся Тобольского Главного народного училища по возрасту был очень разнообразен: наряду с 5 летними мы встречаем в 1-м классе 20-летних, даже 36-летних. Позднее эта разница сглаживается и в 1792 году колебания возрастные уже лишь между 6—12 в 1-м классе, 11—18 в 4-м классе.

Социальный состав учащихся виден из следующих цифр по Тобольскому и Колыванскому Главным уч-ам и по Томскому и Кузнецкому Малым уч-щам. Так, в Колыванском Главном народном училище было в 1789 году: детей чиновников и дворян 23, купцов 18, мещан 13, военнослужащих 13 и крестьян 2. В Тобольском Главном народном училище в 1790 году было: детей чиновников и дворян 40, купцов, мещан и цеховых 36, военнослужащих 72, крестьян, дворовых и ссыльных 2; в 1793 году в том же училище было: детей чиновников и дворян—12, купцов, мещан и цеховых 15, военнослужащих 47, крестьян, дворовых и ссыльных 2. В Кузнецком Малом народном училище в 1794 году было детей купцов 7, мещан 18, крестьян 5 и инородцев 5. В Томском Малом народном училище в 1803 году было: детей чиновн. и дворян 7, духовных 2, купцов и мещан 51, военнослужащих (казаков) 6.

Большое число детей солдат и казаков в Тобол. Главн. народ. учил. об'ясняется тем, что по распоряжению ген. губернатора Волкова в Главн. училище были переданы ученики гарнизонной школы за отсутствием для их школы свободного помещения. Если исключить их, то окажется, что сначала первое место в главных

училищах занимали дети чиновников, а в малых дети купцов и мещан. Позднее и в Главн. Тобольском училище дети мещан занимают первое по численности место. В составе учеников Тобольского главного, Кузнецкого и Томского малых училищ, состав которых нам известен, мы не видим девочек—это было, конечно, явление нормальное, свойственное вообще тому времени (вспомним приведенные выше цифры о числе девочек, обучавшихся в народных училищах по всей империи). Но все же случаи обучения девочек встречались. В Тобольском журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» за 1789 год мы встречаем письмо учителя Воскресенского Туринскому купцу, в котором автор восхваляет этого купца за то, что он отдал свою дочь для обучения в малое народное училище и, выясняя пользу образования женщин, ставит его поступок в пример другим. Затем в Колыванском училище, по данным 1791 года, училось 6 девочек, были девочки и в Красноярском малом училище.

Если незначительное было число учащихся в народных училищах, то еще незначительнее было число оканчивавших их. В Тобольском Главном народном училище в год наибольшего его переполнения—в 1792 году—окончило курс 7 человек, в последующие же годы, при уменьшающемся контингенте учеников, выпуски еще более были ограничены.

О том, куда шли окончившие курс, Историческая Записка Тобольской гимназии говорит: «по окончании курса большая часть лиц поступала в приказные служители, частью же в военную службу вахмистрами в драгунские полки или сержантами в артиллерию». Вероятно в приказные же служители шла большая часть учеников малых училищ (а часть оставалась в купеческих или мещанских домах своих родителей, используя свою грамотность и арифметику в торговле и хозяйстве).

Материальные средства народных училищ. В именном указе Сибирскому генерал губернатору Волкову 3 ноября 1788 года об открытии главных и малых училищ говорилось, что хотя вновь учреждаемые школы не требуют больших средств на свое содержание, тем не менее процентов с капиталов приказов общественного призрения, определяемых по уставу на содержание училищ, очевидно, не хватит и необходимо приискать другие источники доходов для содержания училищ «без отягощения казны и без оскудения и других полезных заведений».

Заслушав этот указ с его явными намеками на участие городского общества в расходах по содержанию училищ («снабдив города наши разными выгодами в городовом положении изображенными, доставили мы им доходы на их потребности, между таковы-

ми надобностями просвещение народное одною из первых почитаться должно»), Тобольская городская дума в заседании 3 февраля 1789 года постановила, «что приемлет с удовольствием содержание главного народного училища на себя». Через неделю Правитель Канцелярии Сибирского генерал губернатора представил реестр пожертвованиям на содержание главного народного училища в сумме 3118 рублей (из них главная часть 2727 единовременные пожертвования и меньшая часть ввиде регулярных выдач, могущих быть введенными в постоянный доходный бюджет училища).

Но уже в самое ближайшее время, при истребовании об'явленных пожертвований и взносов, обнаружилось, что поступают они очень медленно, вновь совсем не делаются; вскоре не стало хватать на выплату жалования учителям и Приказу Общественного Призрения пришлось целиком взять Главное училище на свое содержание. Долг за городским обществом на содержание училища все рос и рос, и к моменту преобразования его выражался в солидной для того времени цифре—24 тысячи рублей.

История с Тобольским Главным народным училищем повторилась и в других городах. Везде городские управления оказались плохо обеспечивающими содержание училища и везде содержание их главным образом пало на Приказы Общественного Призрения, которым сверх того приходилось содержать больницы, вести разные земские повинности и т. п.

Так в Кузнецке, при открытии в 1790 г. малого народного училища, была подписана довольно значительная для того времени сумма пожертвований на содержание училища. Но когда дошло до сбора пожертвований по подписному листу, то и через несколько лет, к моменту закрытия училища, некоторые суммы оказались не полученными. Там, где это оказалось возможным, и городские Думы, несмевшие в 1789 г. уклониться от исполнения явного намека Высочайшего указа, отказывались от содержания училища, предпочитая, чтобы оно не открывалось, чем тратиться на его содержание. Так. в 1797 году Колыванским ген. губернатором было закрыто Красноярское малое училище, совсем пришедшее в упадок. В следующем году Тобольский Приказ Общественного Призрения, в ведение которого, с упразднением Колыванского генерал губернаторства, перешли училища быв. Колыванского наместничества, обратился в Красноярскую Городскую Думу с предложением открыть училище, если Дума возьмет на себя его содержание. Красноярская Дума отказалась. Также отказалась от содержания малого училища Кузнецкая Городская Дума, мотивируя свой отказ тем, что общество признает достаточным обучение своих детей в частных школах.

Глава IV.

Средняя мужская общеобразовательная школа (гимназии, прогимназии, реальные училища) в Сибири от начала XIX века и до революции.

Школьная реформа 1801—1804 г.

Недостатки Екатерининской школьной системы вызвали реформу ее в начале царствования Александра 1-го, в первые годы XIX столетия. Гуманитарное направление начала царствования Александра 1-го соответствующим образом отразилось и на этой реформе. Как и другие либеральные начинания молодого императора, и школьная реформа 1801—1804 года имела плохую судьбу: будучи памятником всецело теоретического творчества, несообразованного с об'ективными условиями современности, она не смогла претвориться полностью в реальной жизни и вскоре же подверглась ряду существеннейших изменений в порядке административных распоряжений, новых законодательных актов...

В 1801 году было учреждено Министерство Народного Просвещения в качестве «особенной государственной части», ведающей вопросами просвещения. Этим восполнялся первый недостаток Екатерининской школьной системы и подчеркивалось особое значение, придававшееся правительством первого периода царствования вопросам народного образования. «Предварительные правила» Мин. Нар. Просв. 1083 года набрасывали широкий план деятельности нового высшего государственного учреждения. В следующем 1804 году был издан новый устав учебных заведений, который на место Екатерининских главных и малых народных училищ создавал общеобразовательную мужскую школу трех типов и наименований: гимназии, уездные училища и приходские училища.

Дальнейшее развитие каждого из поименованных типов созданной общеобразовательной школы пошло совершенно самостоятельным друг от друга путем, почему и нам удобнее рассматривать их историю, хотя бы и в отношении Сибири, в различных главах. Начнем не с начальной школы—приходского училища, как это казалось бы самым естественным,—а с гимназий, то есть, в том порядке, в котором шло осуществление школьного устава 1804 года.

Программа гимназии по уставу 1804 года.

Прежние народные училища представляли собой по существу одно учебное заведение с программой, концентрически построенной и с различием лишь в количестве классов: и в малом и в главном училище первый класс представлял собой законченное

целое; два первых класса малого училища без малейшего изменения соответствовали первым двум классам главного и, таким образом, главное, находившееся в губернском городе и, следовательно, имевшее дело с населением, могущим пред'явить большие требования к школе, отличалось от малого, находившегося в уездном городе, лишь добавлением двух старших классов.

Совсем иначе была построена программа гимназий, уездных и приходских училищ по уставу 1804 года. Программа приходского училища была построена соответственно программе первого класса бывших Главных и малых народных училищ и этим и ограничивалось. Программа Уездного училища соответствовала программе второго класса бывших главных и малых народных училищ, но была несколько расширена, распределялась на один—два года обучения. Программа гимназий соответствовала прежним 3-му и 4-му классам главных народных училищ, но вместе с тем была настолько расширена, что самый курс гимназии оказался расчитанным на 4 года. Таким образом полное прохождение курса новой обще-образовательной школы растягивалось на 7 лет, вместо 4 прежних и нарушалась прежняя концентричность курса: предметы, законченные на одной ступени обучения, на следующей уже не повторялись.

Вследствие этого в программе гимназии мы уже не находим русского языка и Закона Божьего, зато вводились философские и общественные науки, которые должны были не только развить учащегося, подготовить к поступлению в Университет, но, в случае необходимости заменить ему высшее образование, так как «не всякий имеет возможность продолжать занятия в университете». Гимназии превращались в своего рода маленькие университеты, в которых преподавалась масса предметов (до 30-ти—и иностранные языки, и логика, эстетика, философия, правоведение, коммерция, механика, технология, архитектура и проч.).

Подобный энциклопедический характер программы,—заимствованный с запада, совершенно теоретичный,—не соответствовал ни потребностям населения, ни силам учебного ведомства, в распоряжении которого не было ни учебников, ни учителей, подготовленных к преподаванию столь разнородных и сложных предметов.

«Зная... что дворяне неохотно отдавали своих детей в средние школы, а купцы и мещане по большей части брали их обратно, не доводя их до высших классов, мы недоумеваем, для кого предназначалась эта сложная программа», говорит по поводу гимназических программ 1804 года П. Н. Милюков[38]), приводят ряд свидетельств о недовольстве населения столь обширной программой,

[38]) „Очерки по ист. русской культуры" вып. 2-ой.

не удовлетворявшей ни нуждам университетов, ни потребностям практической жизни. Уже в 1811 году попечитель Петербургского Округа граф Уваров производит ряд изменений в программах гимназий своего округа. Эти изменения скоро воспринимаются и Министерством и постепенно начинают распространяться на все гимназии России.

Далее, в связи с новым пиэтическим направлением в высших сферах, Министерство в ряде циркуляров стремится провести и усилить религиозный элемент в воспитании (о чем совершенно не заботился устав 1804 года). Наконец, новые веяния (в отношении усиления религиозного элемента, сокращения энциклопедической программы, усиления классических тенденций и обособления сословий в школе), получили окончательное выражение в новом уставе 1828 года.

Новый устав гимназии 1828 г.

По новому уставу гимназии превратились из 4-х классных в 7-ми классные, но это увеличение курса произошло не вследствие расширения программы, а ввиду включения в курс гимназии курса приходского и уездного училища. Последние, таким образом, окончательно обособились, став не подготовительными ступенями к гимназии, а параллельно с ней существующими учебными заведениями для лиц, не имеющих ввиду получения среднего и высшего образования.

Новый устав усиливал в программе гимназии значение древних языков: на ряду с латинским языком стал преподаваться греческий язык. Инициатором в этом направлении был граф Уваров, горячий поклонник модного в то время на западе (в частности в Германии) классического направления. Классицизм гимназий того времени основывался, впрочем, не только на подражании Европе, но и на практических соображениях: латинский язык был необходим для учения в университете, так как некоторые профессора—иностранцы, не зная русского языка, читали свои лекции на латинском.

Вся совокупность произведенных изменений в гимназическом курсе откалывала гимназии от широких слоев городского населения, делала гимназии достоянием более обеспеченных групп населения, могущих позволить себе роскошь 7-ми летнего оторванного от потребностей практической жизни обучения и далее естественного за этим продолжения его еще втечение 4-х лет в Университете.

Реформа гимназий 1864 и 1871 году. Реальные гимназии и училища.

Эпоха 60-тых годов—пора широкого общественного оживления России—была периодом исканий новой программы для сред-

ней общеобразовательной школы. Старая борьба между реальным и классическим направлением привела было сначала к учреждению 3-х типов гимназий по уставу 1864 года: классические гимназии с греческим и латинским языком (15 гимназий), реальные гимназии с одним латинским языком (30 гимназий) и реальные гимназии без обоих древних языков (16 гимназий). Классическому направлению считавшему, что только со знанием античной древности можно быть вполне подготовленным к получению высшего образования, была сделана существенная уступка: в то время, как «классики» могли поступать без экзаменов на любой факультет, «реалисты» принимались лишь на физико-математический и в технические высшие учебные заведения. Это обстоятельство, при всем несомненном сочувствии общества именно к реальному направлению, задерживало рост чистого реального и полуреального образования.

Реформой 1864 года не закончилась борьба между сторонниками классической и реальной программы в России. Когда либеральные тенденции начала царствования Александра II сменились реакционными веяниями, к старым аргументам в пользу классической программы присоединились политические мотивы: предполагалось усиленным изучением древних языков устранить увлечение русской учащейся молодежи нигилистическими и материалистическими идеями.

В результате, в 1871 году,—даже вопреки мнению большинства Государственного Совета, не говоря уже об общественном мнении,—Министром Д. А. Толстым была проведена новая программа гимназий. Согласно нового устава, изучение латинского языка начиналось с 1-го класса; в этом классе (при возрасте 8—9 лет учащихся в нем) назначалось для изучения латинского языка 8 уроков, т. е., треть учебного времени; с 3 класса к латинскому языку присоединялся греческий, с его еще более трудными грамматическими формами; введены были в употребление переводы с русского на латинский и проч. Все это страшно усложняло курс,—увеличенный в связи с этим с 7 до 8 лет, делало затруднительным обучение в гимназии лиц, не имевших или больших способностей или средств на наем репетиторов и во всяком случае достаточного количества свободного времени и удобных условий для занятий. Гимназия порывала при такой программе связь с реальной жизнью и становилась лишь школой для муштровки ума и способности в целях дальнейшего обучения в университете. Все это отталкивало от гимназии малоимущие круги населения, не имевшие ввиду продолжать обучение своих детей в высшей школе. Для этих кругов предназначены были реальные училища—новый тип средне-образовательной школы с основным 6-ти летним курсом и без права поступления в Университет и другие высшие учебные заведения.

(Впрочем, возможность дальнейшего продолжения образования предоставлялась учреждением при Реальных училищах дополнительного 7-го класса, но и окончив его, можно было поступить только в технические высшие учебные заведения,—даже на физико-математический факультет, как ранее, реалисты не допускались). Как и в отношении прежних реальных гимназий, это ограничение должно было отразиться задерживающим образом на развитии числа реальных училищ и учащихся в них. Тем не менее, число их постепенно растет и в общественном мнении они пользовались большей популярностью чем гимназии. За исключением латинского и греческого языков, программа реальных училищ в общем соответствовала гимназической,—за счет же древних языков уделялось большее внимание естествознанию, математике и новым языкам.

80 и 90 годы в отношении программ и внутренняго строя гимназии.

Тяжелая эпоха политической реакции 80-х годов является периодом наибольшего развития классицизма в гимназиях и откровенного выявления тенденций власти сделать среднюю школу уделом исключительно привилегированных слоев населения. В противоположность декларациям Екатерининского правительства и правительства Александра I начала его царствования, правительство Александра III резко и неуклонно зявляет о своем взгляде на ненужность среднего образования для «кухаркиных детей» и последовательно проводит свои взгляды в ряде циркуляров и практических мероприятий. Сюда относятся: уничтожение приготовительных классов, повышение платы за правоучение, введение обязательной форменной одежды, воспрещение приема детей некоторых категорий населения, ограничение приема детей евреев процентной нормой и т. п. Трудно, конечно, вкратце и попутно очертить те многообразные формы, в которых проявлялись упомянутые реакционные тенденции Министерства Народного Просвещения; видное место среди них занимал подбор директоров и учителей, изменение внутреннего режима и проч.

Художественная литература, воспоминания питомцев гимназий, лучше всего, лучше истории законодательных актов, характеризуют этот период истории русских гимназий. Я не могу, однако, удержаться от того, чтобы не процитировать несколько характерных строк из одного официального обзора, относящегося к рассматриваемому периоду. («Обзор деятельности Министерства Народного Просвещения за время царствования Александра III (2-го марта 1881 года—20 октября 1894 года)»).

«По уставу 1870 года, говорит «Обзор», при каждой гимназии и прогимназии состоял приготовительный класс... В приготови-

тельный класс начали поступать дети из семейств всех званий и состояний и они стали доставлять для первого класса контингент столь многочисленный, что доступ в этот класс, и даже в ближайшие к нему, детям, получившим лучшее воспитание по семейным их условиям и хорошую домашнюю подготовку, становился затруднительным и не редко совсем невозможным. Таким образом, приготовительные классы, облегчая всем и каждому доступ к гимназическому образованию, послужили к привлечению в гимназии и прогимназии детей из таких классов общества, *для которых несравненно полезнее было бы получение образования в низших училищах, в ремесленных, промышленных и технических* и стали мешать поступлению в гимназии детям из более образованных семейств. Это с течением времени не могло не отразиться неблагоприятным образом и на нравственном уровне учеников гимназии, ухудшив состав учащегося в нем юношества. Статистические данные указывали, что одна треть учеников приготовительных классов гимназий и прогимназий состояла из детей низших податных сословий». [39]). Так об'ясняет «Обзор» мотивы Высочайшего указа 11 апреля 1887 года о закрытии приема в приготовительные классы гимназий с начала 1887—1888 учебного года.

Знаменитый Деляновский циркуляр о воспрещении приема в гимназии «кухаркиных детей» «Обзор» излагает в следующих «гладких» фразах: «5 июля 1887 года с Высочайшего соизволения последовало распоряжение *в видах улучшения состава учащихся в средних учебных заведениях* о раз'яснении начальствам гимназий и прогимназий, чтобы они принимали в эти учебные заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, *представляющих достаточное ручательство в правильном над ними надзоре и в предоставлении им необходимых для учебных занятий удобств* и, сверх того, об ограничении известным процентом приема гимназий и прогимназий детей евреев». [39]).

Изменения в гимназических программах и внутреннем строе гимназической жизни в 900-ые годы.

Недостатки классической системы, мертвящий формализм ее, крайне вредное влияние на умственное и даже физическое развитие учащихся,—вызвали упорную борьбу между общественным мнением и правительственными сферами в области реорганизации ср. школы. Начинающееся общественное оживление конца 90 годов поколебало твердыню классической системы в России. В 1899 году циркуляр министра Боголепова признал недостатки классической системы и об'явил о предстоящей реформе гимназий. Частичные сокращения в преподавании древних языков были про-

[39]) „Обзор деят-сти ведомства МНП. за время царствования Императора Александра III-го" стр. 238—40 СПБ. 1901 г.

изведены еще до циркуляра. Коренной обещанной реформы гимназии не последовало, но в 1901 году министром Ванновским было отменено обязательное изучение греческого языка и сильно сокращен об'ем преподавания латинского языка.

Рядом отдельных законодательных актов и распоряжений Министерства Народного Просвещения втечение следующих полутора десятков лет в гимназические программы были внесены существенные изменения: расширено преподавание естествознания, истории, новых языков, введено преподавание законоведения, логики, психологии, еще далее с'ужен об'ем преподавания латинского языка, в соответствии с прогрессом научного знания и новыми методическими указаниями подновлены программы почти всех предметов, но в целом схема гимназического курса, если не считать исключение греческого языка, осталась неизменною с 1871 г.

Революция 1905 года не могла не отразиться на внутреннем строе жизни средней мужской общеобразовательной школы: появились различные формы ученической общественности и самодеятельности (журналы, кружки, ученические суды и т. п.), установилась связь между родителями и преподавателями школы в форме Родительских Комитетов, не могли не измениться отношения между учениками и учителями и т. д. Послереволюционная реакция во многом смыла новые веяния в средней школе, но кое что от них все же осталось.

Общие замечания относительно влияния изменений, происходивших в общественной жизни последних 10-ти-летий на учебный курс и внутренний строй гимназий, в полной мере приложимы и к реальным училищам. Конечно, им не приходилось бороться с мертвыми языками, но и они пережили ту же эволюцию в отношении постепенного приспособлени учебных программ к требованиям жизни и успехам педагогики и самих наук.

Я не останавливаюсь более подробно на всем изложенном, так как иное изложение завело бы нас очень далеко от непосредственной темы.

Преподаватели гимназий и реальных училищ.

Преподавателей для гимназий по уставу 1804 года предполагалось иметь из лиц, окончивших университеты (или Педагогический Институт в Петербурге до преобразования его в Университет). При слабом материальном обеспечении учителей, большей привлекательности в провинциальных условиях чиновничьей карьеры, при малочисленности студентов в первых университетах,—было очень трудно набрать учителей даже для того незначительного числа гимназий. Выходом из этого положения было учреждение стипендий при университетах для лиц, обязавшихся по окончании университета посвятить себя учительству. Большин-

ство учителей гимназий комплектовалось именно этим способом— из учеников гимназий, на казенный счет отправлявшихся в университет «для подготовления к учительской должности». Никакой специальной педагогической подготовки за этим назначением не скрывалось: педагогические навыки, методические приемы, подобный стипендиат приобретал уже лишь в процессе своей учительской службы.

Лишь во второй половине XIX века, когда вообще увеличилось число оканчивавших высшие учебные заведения, отпала необходимость в комплектовании учителей для средней школы путем казенных стипендий, так как и без того стало находиться достаточное количество кандидатов на учительские должности. (Впрочем, до самых последних дней по некоторым предметам ощущался недостаток преподавателей). В последнее 10-ти-летие, при комплектовании преподавательского персонала средней школы, перестали удовлетворяться одним лишь окончанием университетского курса и для лиц, окончивших тот или иной факультет и желающих посвятить себя учительству в средней школе, стали устраиваться при университетах или округах специальные педагогические курсы методического характера

Рост числа гимназий и реальных училищ в России.

Чтобы закончить общий очерк развития средней мужской общеобразовательной школы вообще в России, мы должны дать цифровые данные о числе соответствующих школ и учащихся в них по годам. К сожалению, я располагаю лишь некоторыми данными в этом направлении.

В 1848 году, в конце царствования Николая I, во всей России было 70 гимназий. Через 34 года, к 1-му января 1882 года (начало царствования Александра III), во всей России было 133 гимназии и 82 прогимназии (4-х классные гимназии) с 65.751 учащимися. Через 13-ть лет, в начале царствования Николая II—к 1 января 1895 года, в России было 167 гимназий и 58 прогимназий с 62.863 учащимися (число гимназий и прогимназий увеличилось на ничтожную величину 4,6%, а число учащихся за тот же период времени даже уменьшилось на 4,4%). Через 11 лет, к 1 января 1906 года, в средине царствования Николая II-го, в России было 234 гимназии и 29 6-ти-классных и 4-х-классных прогимназий с 101,128 учащимися (т. е., число гимназий и прогимназий увеличилось на 16,9%, а число учащихся на 60,8%). За более поздние годы официальных данных в моем распоряжении не было.

Что касается реальных училищ, то к 1 января 1882 года их было 79 с 17,484 учащимися, к 1 января 1895 года—93 (более на 17,8%) с 26,002 учащимися (более на 48,0%) к 1 января 1906 г., реальных училищ было 160 (более на 70,9%) с 51,043 учащими-

ся (более на 92,4%). Для других годов я также не располагаю сведениями.[40]).

Таким образом мы должны констатировать:

а) период 80—90 годов очень задерживающе отразился на развитии гимназического образования; несколько более живо развивалось реальное образование;

б) в следующий период—первой половины царствования Николая II—также замечается более быстрый рост реальных училищ, чем гимназий.

Преобразование главных народных училищ в гимназии в Сибири.

Преобразование народных училищ в гимназии и уездные училища затянулось в Сибири на долгий ряд лет. В 1804 году в Сибири было 3 губернии: Тобольская, Томская и Иркутская, причем две из них имели по Главному Народному училищу и 3-я—Томская—не имела его.

Первоначально предполагалось одновременно открыть по гимназии в каждой из названных губерний. Однако, только в Иркутске было осуществлено в 1806 году преобразование Главного народного училища в гимназию. Преобразование в гимназию Тобольского Главного училища оттянулось до 1811 года. Открытие Томской гимназии осуществилось лишь в 1838 году; в 4-ой по времени сибирской губернии—в Енисейской—гимназия была открыта лишь в 1868 году (через 40 лет после указа 1828 года, которым определенно предписывалось в каждой сибирской губернии иметь по одной гимназии!). В 70-ые годы была открыта 5-ая гимназия в Сибири—в Омске (1877 г.) и 2 прогимназии: в Енисейске и Николаевске на Амуре (позднее переведена во Владивосток).

Чрезвычайно поучительна история открытия Тобольской и Томской гимназий. В 1808 году в Тобольск прибыл назначенный Директором гимназии Эйбер и начал энергично принимать меры к преобразованию в гимназию народного училища, но прежде всего ему пришлось столкнуться с отсутствием достаточного числа учеников для подлежащей открытию гимназии. В донесении Попечителю Казанского Учебного Округа он писал, что «по сделанному им разбору не более 15 человек оказываются способными поступить из Главного народного училища в гимназию» и что ввиду этого он отказывается хлопотать о немедленном открытии гимназии. Далее он обратился к смотрителям Тарского, Туринского и Тюменского малых народных училищ с просьбой выслать в гимназию «способнейших учеников». В ответ на свое обращение он получил следующие ответы: смотритель Туринского училища ответил.

[40]) Данные за 1881 и 1894 г. заимствованы из „Обзора деят-сти МНП. за время царствования имп. Александра III-го" (прилож. в конце книги) и за 1906 г. из. „Всеподданнейшего отчета Мин. Нар. Пр." (также см. прил. в конце).

что «хотя им вообще с учителем чинено было испытание ученикам, и родителям их довольное убеждение, но к поступлению в Тобольскую гимназию из родителей желания никто не из'явил, а из *солдатских детей*, учащихся арифметике, не состоит». Смотритель Тарского училища ответил, что один родитель из'явил свое желание отдать сына в гимназию, в Тюменском народном училище, желающих поступить в Тобольскую гимназию, совсем не нашлось. Таким образом открытие гимназии *за отсутствием учеников* отложилось еще на 2 года. [41]).

Вопрос об открытии Томской гимназии был поднят еще в 1806 году Директором училищ Томской губернии, обратившимся к попечителю Казанского Учебного Округа с соответствующим ходатайством. Попечитель нашел открытие гимназии преждевременным, так как для гимназии требуется большой пространный дом, постройка которого лежит на обязанности местного Общества, и учителя, которых совсем не имеется в достаточном количестве. Спустя 5 лет Директор училищ Томской губернии предложил Томской Городской Думе построить дом для гимназии, но Дума отказалась «за неимением средств». Проходит еще 5 лет и вопрос об открытии Томской гимназии поднимается уже попечителем Округа, но теперь за несвоевременность открытия гимназии высказывается уже Директор училищ, указывая на отсутствие помещения и недостаток денежных средств. После издания указа 1828 года, которым предписывалось в каждой сибирской губернии иметь по гимназии, снова началась переписка об открытии Томской гимназии. Наконец, в 1837 году Министр Народного Просвещения предложил Томскому губернатору открыть в Томске гимназию первоначально в составе 2-х классов, переведя в нее 27 детей чиновников, находившихся в числе 54 учеников Томского Уездного училища. В конце 1838 года гимназия была открыта, при чем от купца Попова, известного своими позднейшими пожертвованиями на женское образование в Сибири, поступило 15,000 рублей в пользу вновь открытой гимназии. [42]).

Малочисленность учащихся в первых Сибирских гимназиях.

Медленному открытию сибирских гимназий соответствовала малочисленность учащихся в них.

До преобразования по уставу 1828 года (из 4-х классных в 7-ми классные) в обоих сибирских гимназиях—Тобольской и Иркутской—число учеников исчислялось несколькими десятками. В Иркутской гимназии при открытии ее в 1806 году оно равнялось—35, в следующие годы оно беспрерывно спускалось и перед назна-

---

[41]) См. „Истор. Записку к 100 юбилею Тобол. Губерн. муж. Гимн." Тоб. 1889 г.

[42]) Чудновский. „Истор. оч. развития просвещения в Томской губ." „Пам. кн. Томской губ. на 1884 г.".

чением Директором гимназии известного П. А. Словцова дошло до 10 человек. В 1825 году число учеников Иркутской гимназии равнялось 47, в 1833 году дошло до 78. В Тобольской гимназии через 2 года после ее открытия в 1813 году было 25 учеников, число учеников в следующие годы (до 1835 г.) выражается в следующих цифрах: 25, 23, 26, 16, 16, 27, 24, 36, 30, 25, 26, 34, 42, 40, 45, 41, 39, 36, 50, 51, 41, 41, т. е., в среднем 31 учащийся в год.

С преобразованием по новому устава 1828 года, открытием 3-ей сибирской гимназии в Томске и вообще повышением стремления населения к образованию,—число учащихся в гимназиях хотя и медленно—растет. В Иркутской гимназии в 1836 году было 147 учеников; число учеников вследующие годы: 164, 147, 133, 138, 145, 117, 138, 114, 135, 131, 130, 140, 159, 205, 175, 180, 186, 190, 199 и 221 в 1855 году; в Тобольской гимназии в 1837 году было 81 ученик, в следующие годы: 102, 113, 121, 127, 114, 114, 105, 127, 142, 136, 107, 114, 132, 134, 131, 135, 154 в 1855 году, т. е., в среднем—123 ученика в год, вместо прежних—31; в Томской гимназии в первый год ее открытия (1838 г.) было 25 учеников, в следующие годы: 35, 52, 71, 72, 77, 83, 88, 84, 98, 92, 95, 116 и 107 в 1855 году, т. е., в среднем по 80 учеников в год. [43]).

Число оканчивавших курс в первых Сибирских гимназиях.

Незначительному числу учащихся соответствовала незначительность числа оканчивавших курс. Приведем в пример число оканчивавших курс в Тобольской гимназии между 1837 и 1855 г.г.: 3, 3, 4, 2, 1, 7, 2, 4, 6, 2, 5, 8, 4, 6, 6, 5, 6, 5, 7, 9. 7. Другими словами, за двадцать лет Тобольская гимназия, единственное среднее учебное заведение на громадный район ½ Зап. Сибири, выпустила 102 человека с законченным средним образованием. Нельзя не признать цифру в 5 человек в среднем на год слишком ничтожной.

Программа курса Сибирских гимназий первой поповины прошлого года, (века)

Что давали своим ученикам первые сибирские гимназии периода их существования по уставу 1804 года можно судить по «Исторической Записке» Тобольской гимназии, которая дает программу переходных испытаний 1812 года в названной гимназии. В эту программу входили: а) физико-математические науки: в 1-м классе—алгебра, геометрия и тригонометрия; во 2-м классе—продолжение чистой математики и начала прикладной математи-

[43]) Данные по Тоб. гимн. взяты из „Истор зап. Тоб. гимн." по Томской гимн.—из книги Мисюрева „50 л. Томской губ. гимнизии", по Иркут. гимн. Из „Восточно Сибирского календаря на 1870 год".

ки, также физика; в 3-м—окончание физики; б) историко-географические науки—в 1 кл. древняя история и география, мифология и древности; в 2-м—новая история и география, отечественная география; в 3-м—общая статистика; в 4-м—статистика Российского государства; в) естественные науки: в 3—кл. природоведение в связи с сельским и лесным хозяйством, в 4-м природоведение в связи с технологией и наукой о торговле; г) философско-общественные науки: в 1 кл. логика и всеобщая грамматика, во 2-м—психология и нравоучение; в 3-м—эстетика и риторика; в 4-м—право естественное и право народное, политическая экономия; д) латинский язык и новые языки: в 1 кл. грамматика и переводы на русский язык, во 2-м—чтение литер. отрывков, в 3-м классе—чтение поэтов и переводы с русского яз. на латинский.

Программа гимназий по уставу 1828 года (по этому уставу Тобольская гимназия была преобразована в 1838 году, с таким же опозданием на несколько лет была преобразована и Иркутская гимназия) представляется по свидетельству «Исторической записки» Тобольской гимназии в следующем виде.

Основное место предоставлено Закону Божьему: в 1 кл. священная история ветхого завета, 2 кл. священ. ист. нового завета, 3 кл. катехизис, 4 кл. тоже, 5 кл. ист. христианск. церкви, 6 кл. из'яснит. чтение священ. писания, 7 кл. христиан. нравоучение. Далее шел латинский язык, которому придавалось громадное значение, как способу развития логических и эстетических способностей в юношах, и который был необходим для продолжения образования в университете: 1—4 кл.—грамматика и хрестоматия, 5—6 кл. окончание синтаксиса и переводы Корн. Непота, Цицерона, Тита, Ливия, Горация, 7 кл. переводы Цицерона, Виргилия. переводы с русского на латинский. По русскому языку в 1—3 класс проходились грамматика, 4—5 кл.—словесность и славянская грамматика, 6—7 кл. логика, эстетика, словесность. Физико-математические науки проходились в след. порядке: 1—2 кл.—арифметика, 3—4 кл. алгебра и геометрия, 5 кл. геометрия, 6 кл. тригонометрия и физика, 7 кл. тригонометрия, приложение алгебры к геометрии, физика, космография. Историко-географическ. науки: 1 кл. физическая география, 2 кл. география стран света, 3 кл. продолжение географии стран света и краткая всеобщая история. 4 кл.—география России и древняя история, 5 кл.—средняя история, 6 кл.—Российская история, 7 кл.—Российская история, статистика всеобщая и Российская. Далее шли языки немецкий и французский, рисование, черчение, чистописание.[44]).

---

[44]) Програму 1804 и 1828 г. излагаю по „Истор. Записке Тоб. губ. гимназии".

Преподавательский персонал.

Первые учителя сибирских гимназий были большею частью из Петербургского Педагогического Института. Так в Тобольскую гимназию еще до открытия ее в 1809 году приехали два учителя—Горстовский и Менделеев (отец знаменитого химика), оба они кончили Петербургский Педагогический Институт. Состав учителей Тобольской гимназии с момента ее открытия до 1838 года нам неизвестен, но по отношению к учителям, преподававшим между 1838 и 1869 г. мы имеем некоторые данные («Историческая записка» Тобольской гимназии). Не считая пастора и законоучителя, за эти годы в Тобольской гимназии перебывало на преподавательских должностях 12 человек; 6 из них были с высшим образованием (из Педагогического института и Университетов), 1 был ссыльный иностранец, 2 окончили местную семинарию и 3 окончили гимназию (в том числе 1 старую 4-х классную гимназию).

Упомянутый выше способ комплектования учителей путем посылки лучших учеников гимназий в Университет на казенный счет с обязательством за это вернуться в родную гимназию ее учителем был глав. способом для пополнения учительского персонала в первых сибирских гимназиях. За недостаточностью его часть учителей приходилось иметь, как видно из данных выше сведений по Тобольской гимназии, из лиц, окончивших лишь семинарию или гимназию. Очень трудно было привлечь учителей с достаточным образованием из России—так при открытии Томской гимназии в 1837 году и 1838 г. была сделана троекратная публикация в «С.-Петербургских Ведомостях» с вызывом желающих поехать в Томск, но желающих первых два раза не нашлось. [45]). Позднее, для привлечения учителей в Сибирь были установлены прибавки за сибирскую службу и двойные прогоны, выдача годового жалования не в зачет при поездке из России в Сибирь.

Всеми этими мерами комплект учителей гимназий до некоторой степени пополнялся. Но он был крайне слаб по своему качеству в своем большинстве, как это мы увидим далее из воспоминаний питомцев сибирских гимназий первой половины XIX века. Светлые исключения были, конечно, и в это время. Укажем, напр., на П. П. Ершова в Тобольске, автора «Конька-Горбунка», очень популярного среди учеников, по словам Голодникова. Лишь с 60 годов состав учителей вообще улучшается и в ряду гимназических преподавателей Томской и Иркутской гимназий мы находим таких видных общественных деятелей литераторов, как Г. Н. Потанин, Е. Г. Кузнецов, М. В. Загоскин, Ю. Н. Милютин.

---

[45]) Мисюрев „50 л. Томской губ. гимназии" стр. .

Число гимназий прогимназий и реальных училищ во 2 половине XIX века и в первые десятилетия XX века.

К началу царствования Александра II к половине XIX века (1855 г.) в Сибири было 3 гимназии с 482-мя учащимися (Иркутская—221, Тобольская—154 и Томская—107 учащихся).

В начале следующего царствования—Александра III (к 1 января 1882 года) в Сибири было уже 5 гимназий. 2 прогимназии и 3 реальных училища, всего 10 мужских средне-учебных заведений с числом учащихся—в гимназиях и прогимназиях 1410 и в реальных училищах 358, всего 1768. Таким образом, за 26 лет число мужских средне-учебных общеобразовательных заведений увеличилось в $3^1/_3$ раза и учащихся в них в 3½ раза.

В начале следующего царствования—Николая II (к 1 января 1895 года) в Сибири было 8 гимназий, 3 прогимназии и 4 реальных училища, всего 15 мужских средне-учебных заведений с числом учащихся—в гимназиях и прогимназиях 2215, в реальных училищах 475, всего 2693. Таким образом за 13 лет число учебных заведений увеличилось в 1½ раза и учащихся тоже приблизительно в 1½ раза.

В середине царствования Николая II—в эпоху непосредственно следующей за первой русской революцией, к 1 января 1906 года,—в Сибири было 7 гимназий, 8 реальных училищ (прогимназий ни одной), всего 15 мужских средне-учебных заведений с числом учащихся в гимназиях 3669, в реальных училищах 1500, всего 5369. Таким образом, число мужских учебных заведений осталось неизменным, но число учащихся в них увеличилось в 2 раза.

К 1 января 1919 года в Сибири, по данным Министерства Народного Просвещения Сибирского правительства, насчитывалось гимназий 19, реальных училищ 23, 4-х классных гимназий 28, 4-х классных реальных училищ 2, всего 72 мужских средне-учебных заведения и плюс к этому числу 30 частных и городских гимназий и реальных училищ,—бывшие частные училища 1-го разряда,—из которых некоторые были смешанные, с совместным обучением мальчиков и девочек. Всего, следовательно, не беря в расчет тех средне-учебных заведений, которые были открыты весною и осенью 1919 года и не успели развернуться к моменту установления советской власти в Сибири, можно считать на территории Сибири 102 общеобразовательных средне-учебных заведения, предназначенных для образования юношества. Данными о числе учащихся в гимназиях и реальных училищах Сибири на 1 января 1919 года я, к сожалению, не располагаю. Число мужских средне-учебных заведений за последние 13 лет увеличилось почти в 7 раз.

Если по отдельности рассматривать Западную Сибирь (Тобольская, Томская губернии, Акмолинская и Семипалатинская области), Восточную Сибирь—(Енисейская, Иркутская губерния, Якутская и Забайкальская области) и Дальний Восток (Амурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области), рост мужского среднего образования может быть представлен в следующих двух таблицах:

А. Число учебных заведений.

	К 1 янв. 1882 г.				К 1 янв. 1896 г.				К 1 янв. 1906 г.				К 1 янв. 1919 г.			
	Гимн.	Про-гимн.	Реальн. учил.	Всего	Гимн.	Про-гима.	Реальн. учил.	Всего	Гимн.	Про-гимн.	Реальн. учил.	Всего	Гимн.	Про-гимн.	Реальн. учил.	Всего
Зап. Сибирь	3	—	2	=5	4	1	2	=7	4	—	4	=8	12	14	8	=34
Вост. Сибирь	2	2	1	=5	2	1	1	=4	4	—	2	=6	} 7	14	17	=38
Дальн. Восток	—	—	—	—	2	1	1	=4	2	—	2	=4				
													кроме того частн. уч. зав. с гимн. курсом ЗС=17 ВС=13 всего стало быть ЗС=51 ВС=51 } 102			

Б. Число учащихся.

	К 1 янв. 1882 г.			К 1 янв. 1895 г.			Увеличение или уменьшение по сравн. с предшеств.		
	В гимн.	В реал. уч.	Всего	В гимн.	В реал. уч.	Всего	В гимн.	В реал. уч.	Всего
Запад. Сибирь	789+	298=	1087	1027+	287	=1314	+30,1%	— 3,4%	+20,9%
Восточн. Сибирь	641+	60=	701	667+	109 }	= 1379	+85,3%	+218,3%	+96,7%
Дальн. Восток	—	—	—	521+	82 }				

	К 1 янв. 1906 г.			Увеличение или уменьшение			К 1 янв. 1916 г.
	В гимн.	В реал. уч.	Всего	В гимн.	В реал. уч.	Всего	
Запад. Сибирь	1520+	891	=2411	+48,0%	+210,4%	+ 83,4%	(только по З. С.) 3139+1547=4686 уч-ся: в %-х—г. +106,4%, р. у. + 73,6%, всего+94,3%.
Восточ. Сибирь	1481+	460 }	=3013	+98,6%	+245,0%	+118,3%	
Дальн. Восток	873+	199 }					

Из этих таблиц мы можем сделать следующие выводы.

А. Развитие среднего мужского образования идет более быстрым темпом в восточной половине Сибири, чем в западной.

Б. В период времени 1882—1894, развитие реального образования, уступая в абсолютных цифрах числа учебных заведений и

учащихся классическому, идет более быстрым темпом, чем развитие классического образования.

В. Это замечание безусловно верно до последнего периода (1906—1919), что же касается этого периода, то в отношении Западной Сибири, для которой мы имеем более исчерпывающие сведения, необходимо признать более быстрый рост гимназического образования, сравнительно с образованием реальных училищ. Причины этого ясны: втечение последних 1½ десятилетий классицизм в гимназиях настолько ослабел, (греческий язык уничтожен, латинский сокращен), что гимназии приблизились к реальным училищам, по своей программе имея перед ними в тоже время существенное преимущество ввиде отсутствия ограничений приема в Университет.[46]).

Небезинтересно еще провести параллель между развитием мужского среднего образования в Европейской России и Сибири, за те годы, по отношению к которым мы располагаем сведениями (1882—1906). Мы видели, что в период глухого безвремения 80-тых и первой половины 90-х годов число учащихся в средних учебных заведениях по всей России в целом увеличилось на ничтожный процент, с 83.235 до 88.865, т. е., на 6%, (по гимназиям даже уменьшилось). В Сибири за этот же период времени число мужских общеобр. среднеучебных заведений и учащихся в них увеличилось в 1½ раза. Таким образом, сократительные тенденции 80-тых годов как будто бы не оказали заметного влияния на рост мужского среднего образования в Сибири.

За период времени 1895—1906 г.г. по всей России в целом число учащихся увеличилось на 71% с 88.865 до 152.171, а в Сибири увеличилось в 2 раза. Таким образом в Сибири как-будто бы мы вообще замечаем более быстрый рост мужского среднего образования. Но не надо забывать, что в Сибири втечение первой половины XIX века среднее образование стояло почти на мертвой точке и таким образом приходилось более ускоренным темпом нагонять Европейскую Россию.

Социальный состав учащихся в Сибирских гимназиях и реальных училищ.

Мы видели выше, что правительство, декларируя при Екатерине всесословную общеобразовательную школу, стремилось превратить ее в школу для привилегированных групп населения, каковые тенденции наиболее резко и определенно выявились в глухую пору политической реакции 80—90-х годов. Насколько эти тенденции проявились в сибирских гимназиях?

---

[46]) Данные 1881, 1894 г. взяты из „Обзора МНП. царств. Ал. III-го", за 1906 г. из „Всеподд. отчета МНП" и за 1919 г. из „Наст. Сибирского Календаря на 1919 г." изд. Колчаковского Мин. Нар. Пр.

Первые сибирские гимназии, будучи естественными преемницами бывших главных народных училищ, не отличались от них в составе своих учащихся. Другими словами, большинство в них составляли дети местного губернского чиновничества, но вместе с тем в них были и дети ссыльно-поселенцев, солдатские дети, дети купцов и мещан. Вообще, состав был довольно разношерстный, как об этом свидетельствуют и печатанные ниже воспоминания современников.

Для 1863 года мы имеем официальные данные о составе учащихся в 3-х тогдашних сибирских гимназиях. [47]).

Гимназии	Общее число	Дети чин. и дв	Дети духовных	Дети купцов	Дети мещан	Дети крестьян и казаков
Тобольская	196	153	4	7	25	7
Томская	148	84	6	32	18	8
Иркутская	215	145	4	32	19	15
Всего	559	382	14	71	62	30
В процентах . .	—	68,3%	2,5%	12,7%	11,1%	5,3%
				33,8% (купцов и мещан)		

Таким образом в 60-тые годы $^2/_3$ учащихся гимназий составляли дети чиновников и дворян. При отсутствии в Сибири местного дворянства (к числу дворян по происхождению принадлежали лишь некоторые приезжие чиновники), можно прямо сосчитать эту группу исключительно чиновничьей. Городские сословия дают лишь ¼ общего числа учащихся. Дети сельского сословия составляют ничтожный процент учащихся, да и то в большинстве, почти исключительно, это дети зажиточных крестьян, переселившихся в город и занявшихся там торговлей без, пока еще, перечисления в другое сословие. Фактически гимназия того времени, конечно, не могла обслуживать сельское население.

Далее мы имеем официальныя сведения о составе учащихся в сибирских гимназиях и реальных училищах для 1881, 1894 и 1905 г. В результате этих сведений мы можем составить следующие таблички. [78]). (См. стр. 67—68).

Приведенные цифры позволяют сделать следующие выводы.

а) Гимназии отличаются от реальных училищ по своему социальному составу тем, что в первых преобладающий процент—дети

[47]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1863 г. ч. 7.

[48]) Данные „Обзора МНП царств. Алек. III-го“ и „Всеподд. отчета 1906 г. МНП.“

чиновников и дворян, во-вторых—дети городских сословий—купцов и мещан; это явление общее и для Сибири и для России и вполне соответствует намерениям законодателя, установившего два различных типа средней мужской общеобразовательной школы с тем, чтобы первая обслуживала, главным образом, дворянство (в России), а в Сибири, за отсутствием его, чиновничество, а вторая—менее привилегированные группы населения, доставляя законченное среднее образование не для продолжения его в высших учебных заведениях, а для практической деятельности—службы в местных канцелярских учреждениях, торговли и промышленности. К укреплению подобного соотношения между социальным составом учащихся в гимназиях и реальных училищах Сибири служило также то обстоятельство, что гимназии были расположены в губернских городах, реальные училища (в большинстве своем) в уездных городах.

б) Сравнивая сибирские и российские гимназии мы видим, что в первых,—особенно в Восточной Сибири и Приамурском крае,—процент детей чиновников и дворян ниже, чем в российских гимназиях, соответствующим образом выше процент детей городских сословий, ниже процент детей сельского сословия. Первые два явления об'ясняются отсутствием в Сибири дворянства, последнее—еще большей разобщенностью города от деревни в Сибири, чем в России.

в) Обращаясь к изменениям социального состава учащихся в сибирских учебных заведениях по десятилетиям, мы видим, что за период 1882—1895 года процент детей чиновников и дворян в гимназиях возрос, в реальных училищах остался неизменным; процент детей городских сословий в гимназиях уменьшился, в реальных училищах (Западная Сибирь) возрос; процент детей сельского сословия уменьшился в тех и других; приблизительно то же соотношение замечается и в России.

А. Гимназии.

1881 год.	Зап. Сиб.	Вост. Сиб.	Приам. Кр.	Тоже в %-х: З. С.	Тоже в %-х: В. С.	%-ное отношение по всей России
Детей двор. и чиновн.	382	227	—	48,4%	35,4%	47,5%
„ духовн. звания	48	25	—	6,1%	3,9%	5,2%
„ город. сословий	308	283	—	39,0%	44,2%	37,2%
„ сельск. состояний	50	61	—	6,4%	9,5%	8%
„ прочих сословий	1	45	—	0,1%	7,0%	2,1%

1894 год.	З. С.	В. С.	Приам.	Тоже в %-х: З. С.	В. С.	Пр	%-ное отношение по всей России
Двор и чиновн.	584	297	229	56,9%	44,5%	44,0%	56,4%
Духовн. звания	29	27	7	2,8%	4,1%	1,3%	3,4%
Городск. сослов.	303	289	225	29,5%	43,3%	43,2%	33.7%
Сельск. состояний . . .	40	38	60	3,9%	5,7%	16,5%	6.0%
Казаков	41	10	—	4,0%	1,5%	—	0,7%
Прочих	30	6	—	2,9%	0,9%	—	1,8%

1905 год.	З. С.	В. С.	Приам.	Тоже в %-х: Сибирь	Вся Сибирь	%-ное отношение и абсолютные цифры по России	
Двор. и чиновн. . . .	822	659	236	1717	44,3%	40.919	40,8%
Духовн. звания . . .	57	53	28	333	2,9%	5.162	
Купцов	189	178	94	1480	30,4%	12.804	38,3%
Мещан	280	403	336			25.642	
Крестьян	73	129	63	410	10,6%	11.796	12,9%
Казаков	39	50	56			1.216	
Прочих	53	53	18	124	?		
						33.396	

Б. Реальные училища.

1881 год.	З. С.	В. С.	Приам.	Тоже в %-х: З. С.	В. С.	%-ное отношение по всей России
Двор. и чиновн.	92	17	—	30,9%	28,9%	41,2%
Духовн. звания	12	3	—	4,0%	5,0%	2,5%
Город. сословий	161	36	—	54,0%	60,0%	40,4%
Сельских сословий	31	4	—	10,4%	6,7%	11,8%
Прочих	2	—	—	0,7%	—	4,1%

1894 год.	З.С. В.С. Пр.	Тоже в %-х:	%-ное отношение по всей России
Дворян и чиновн.	86—23—26	30,0%—21,1%—31,7%	34,7%
Духовн. звания	2— 4— 8	0,7%— 3,7%— 9,8%	0.8%
Город. сословий	167—27—37	58,1%—24,8%—45,1%	43,8%
Сельских сословий	28— 7—10	9,8%— 6,7%—12,2%	11,5%
Прочих	4—48— 1	1,4%—44,0%— 1,2%	6,5%

За период 1895—1906 г. по гимназиям и в Сибири и в России мы видим относительное уменьшение процентов детей чиновников и дворян и увеличение процентов детей, как городских сословий, так и сельских сословий.

Таким образом, если мероприятия правительства 80-ых годов, клонившиеся к приданию средней школе характера школы исключительно для более привилегированных сословий и состоятельных групп населения и удались до некоторой степени в свое время, то за последний период они уже потеряли свою силу и замечается некоторая демократизация средней школы. Последняя тесно связана (и обусловлена) с увеличением числа гимназий и реальных училищ, открытием их не только в губернских и крупных уездных городах, а и в более мелких городах и местечках. В самом деле, для населения мелких городов и сельских местностей одним из серьезнейших тормозов к осуществлению среднего образования их детьми является необходимость посылать детей на сторону в другой город, содержать их в пансионе или на частной квартире. Связь между социальным составом учащихся в средней школе и местонахождением ее ярко видна из цифр Попечительского отчета по Западной Сибири за 1887 год. Этот отчет дает по каждой гимназии сведения о том, у скольких учащихся родители живут в том же городе, в котором расположена гимназия. Оказывается, что в Тобольской гимназии при общем числе учащихся 168, у 111 учащихся родители живут в губернском городе Тобольске (65,5%); в Томской гимназии при общем числе учащихся 259, у 208 учащихся (80,3%) родители живут в губернском городе Томске.[49]).

Последние полтора десятка лет в Сибири, как мы могли видеть выше из таблицы о числе уч. зав., характеризуются созданием массы гимназий и реальных училищ—полных и 4-х классных—по всем почти городам Сибири. Это обстоятельство должно было сильнейшим образом изменить социальный состав учащихся в них. К сожалению, мы не располагаем данными о социальном составе учащихся за этот период времени. К тому же надо прибавить, что сведения о сословном происхождении очень мало характеризуют состав учащихся для последних десятилетий: более ценны и показательны были бы данные о классово-профессиональном составе.

Число окончивших курс и выбывших до окончания его.

В первой половине прошлого столетия число ежегодно оканчивавших курс в сибирских гимназиях не превышало 10 человек для каждой. Даже в более поздний период времени—в начале царствования Александра III—в 1881 г.—в 5-ти гимназиях Сибири окончило курс 44 человека (в среднем это дает 8 человек на гим-

[49]) „Извлечение из отчетов Зап. Сиб. Учебн. Округа 1887/1888 г." Томск.

назию) и 6 человек окончило курс в этом году в 3-х реальных училищах Сибири (т. е., в среднем 2 человека на реальное училище). Таким образом общее число получивших законченное мужское общее среднее образование в этом году равняется—50 человекам.

Через 13 лет число окончивших в 11 гимназиях и прогимназиях Сибири равняется 114 человекам и в 4-х реальных училищах 31 человек, а всего 145 человек. Еще через 13 лет, в 1905 году, в 8 реальных училищах Западной и Восточной Сибири оканчивает курс 96 человек и в 7-ми гимназиях 247 человек, а всего 343 человека. По отдельным областям Сибири число окончивших курс в этот год: Западная Сибирь 59 в реальных и 113 в гимназиях, Восточная Сибирь 27 в реальных и 91 в гимназиях, Дальний Восток 10 в реальных и 43 в гимназиях. Число выбывших до окончания курса, как обычно, превышает число окончивших: для гимназий оно составляет—188 в 1881 г., 265 в 1894 г. и 708 в 1905 г.; для реальных училищ—59 в 1881 г., 61 в 1894 году и 234 в 1905 году.

Процент окончивших курс к общему числу учащихся интересен тем, что до некоторой степени характеризует успешность обучения в данном учебном заведении. По сибирским гимназиям и реальным училищам за рассматриваемые годы он будет следующий:

годы:	в гимназиях	в реальных уч.
1881	3,1%	1,6%
1894	5,1%	6,4%
1905	6,4%	6,4%

Другими словами, процент окончивших курс к общему числу учащихся хотя и медленно повышается и уравнивается по обоим типам школы.[50]). Число окончивших курс в средних учебных заведениях Сибири за названные годы, в качестве удовлетворения школой потребности края в образованных лицах, приобретает особенное значение. Если мы сопоставим это число с громадной территорией, которую обслуживали сибирские гимназии и реальные уч-ща, а мы должны будем признать убийственно ничтожной не только цифру 50 человек, получивших законченное среднее образование в 1881 году, но в цифру 343 человек для 1905 года! (Правда, для большей правильности расчета к цифре окончивших курс в гимназиях и реальных училищах мы должны еще прибавить цифру числа выдержавших испытание за курс гимназии и реальных училищ в качестве «экстернов», но и с этой поправкой мы не получим достаточно утешительной цифры: в 1905 году получили аттестат зрелости таким путем около 60 человек).

[50]) Данные „Обзора" и „Всеподд. Отчета".

Источники содержания гимназий и реальных училищ.

Говоря об Екатерининских народных училищах, мы нашли, что одним из тормозов к их развитию было отсутствие твердой материальной базы существования. Содержание училищ возлагалось на несозревшие еще в общественном отношении городские общества (магистраты), которые настолько небрежно отнеслись к этой задаче, что некоторые училища пришлось закрыть за отсутствием средств (например Красноярское), другие целиком взяты на иждивение Приказа Общественного Призрения, накопляя за городским магистратом безнадежный долг на содержание училища (Тобольск). При открытии гимназий, также на городские общества возлагались заботы по обеспечению гимназий помещением, но содержание ее казна брала уже на себя.

Эта новая постановка, конечно, упрочила существование гимназий, поставила их на ноги, но в то же время, впоследствии, когда гражданское общество выросло, лишило его возможности хотя бы косвенно принимать участие в жизни гимназий, ставших наиболее ярким образцом чистой казенной школы.

Несколько в ином положении оказались реальные училища, возникшие в 60—70 годах. Предполагая их главным образом для детей среднего городского класса, правительство открытие реальных училищ ставило в зависимость от инициативы городского общества и его готовности принять участие в расходах по содержанию училища. И вот, все три первые реальные училища в Сибири—реальная прогимназия в Иркутске (1865 г. впоследствии техническое или «Промышленное» училище), реальное училище в Томске (1877 г.) и Тюмени (1879 г.) возникают по ходатайствам городских дум при значительных материальных средствах с их стороны.

Остановимся несколько подробнее на бюджетных источниках сибирских мужских гимназий (прогимназий) и реальных училищах, взяв для сравнения отчетные годы 1881, 1894, 1905.

Из всех приведенных цифр мы можем сделать следующие выводы:

а) Гимназии, прогимназии и реальные училища почти в одинаковой степени основаны на правительственных ассигнованиях; средства государственного казначейства составляют около $^2/_3$ всего бюджета тех и других.

На содержание гимназий, прогимназий и реальных училищ расходовалось.

Гимназии	Госуд. казнач.	Плата за пансионеров и стипенд.	Плата за учение	Всего плате	Пособие город. обществ	% с капиталов	Единовр. пожертв.	Всего	Разные источники и остатки	ВСЕГО
1881 год	160.346=74,2%	10.718+20.	488=14,	4%	2.626=1, 2%	7.151+14.	685=10,	1%	—	216.034
1894 год	271.049=71,1%	24.093+50.	376=18,	4%	8 680=2, 3%	6 135+ 9.	467= 4,	1%	12.280 3, 2%	381.180

Прогимназии.	Госуд казнач.	Плата за учение и с пансионеров	Город. об-в.	% с пож. кап.	Единовр. пожертв.	Всего	Разные источники и остатки	ВСЕГО
1881 год	47.432=82, 1%	2.987=5, 1%	—	44+5.	515=9,	7%	1.747=3, 0%	57.725
1894 год	44.664=77, 8%	4 839=8, 4%	1.985=3,5	1.377+7.	741=3,	7%	3.713=6, 5%	57.379
Гимн. и прогимн.								
1905 год	352. 519=56,4	29.142+146.304=28,1	23.891=3,8	8.606+1.991=1,7			53 929=8,6%	624.983

Гимн. и прогимн. по всей России.	Госуд. назнач.	Сбор с пенсионеров и за учение	Пособия городских обществ	Пособия земск. самоуправл.	Пособия дворянства	Войсковые сумм	Разные остатки
1881 год	57.8%	28.0%	3.7%	2.8%	1.4%	1.7%	0.8%
1894 год	46.6%	38.4%	3.4%	2.0%	0.1%	0.4%	0 9%

Реальные училища.	Гос. казнач.	Сбор за учение	Поообия городских обществ	% пожерт. капитал.	Единовр. пожертв.	Разные источн. и остатки	ВСЕГО
1881 год	50.783=53.6%	6.086=6.9%	28.680=32.8%	700+945+204=2.7%		—	87.398
1894 год	66.019=71.8%	7.253=7.9%	15.884=17.2%	410+1170+500=2 9%		—	91.866 (без Вост. Сибири)
1908 год	217.950=72.1%	50.959=16.7%	20 058=66 %	2627,47+3,99=0.7%		10.423.18.34%	302.003,69

Реальные училища по России:	Госуд. казнач.	Сбор за учение	Пособия городских обществ	Пожертв. капитала	Зем. сборы	Дворян.	Войск.	Разн. ист.
1881 год.	52.0%	18.7%	15.0%	2.8%	9.5%	0.1%	0.6%	1.0%
1894 год.	41.1%	28.7%	10.7%	3.4%	7.0%	0.1%	4 0%	4.9%

б) В гимназиях второе место запимают суммы, полученные в качестве платы за правоучение и очень невелики ассигнования городских обществ; в реальных училищах, с платой за обучение по своим размерам конкурируют пособия от городских обществ; далее в том и другом случае идут % с пожертвованных капиталов и единовременные пожертвования.

в) Вообще по России замечается почти то же соотношение между бюджетами гимназий и реальных училищ (присоединяя в России к ассигнованиям городов ассигнования земств).

г) Рассматривая во времени изменения в составе подвергаемых анализу бюджетов, мы констатируем, что с течением времени бюджет гимназий и реальных училищ сближается, и что в ряду бюджетных источников возрастает значение платы за правоучение и падает доля частной благотворительности; значение городских пособий постепенно (хотя и незначительно) возрастает в гимназиях и падает в реальных училищах.

Увеличение относительного значения платы за правоучение связывается с повышением ее размеров в 80-х годах, под влиянием очерченных выше «сократительных» тенденций власти.

Говоря о бюджетах мужской среднеобразовательной школы, мы не можем обойти вопроса о стоимости ее—средней величине расходов на школу и на учащегося.

Средняя величина расходов на 1 гимназию, прогимназию и реальное училище возрастала следующим образом:

Годы.	Гимназии.	Прогимназии.	Реальные училища.
1881	43.206,8 р.	28.862,5 р.	29.132 р.
1894	47.647,9 „	15.793 „	30.622 „
1905	62,438,3 „	—	37.750,4 „
1915 (только по Зап. Сиб.).	42.255 „	—	40.694 „

Один учащийся в 1905 г. стоил.	В гимназиях и прогимназиях:	В реальных училищах.
Западная Сибирь	130 р.	142,0 р.
Восточная Сибирь	193,16 р.	223,8 р.
Приамурский край	154,90 р.	360,4 р.

[51] Все бюджетные данные извлечены из „Обзора 1881—1894 г.“, „Всепод. отчете 1906“ и „Пам. кн.“ Зап. Сиб. Учебн. Округа на 1916 г.“.

Значение сибирских гимназий и реальных училищ в истории сибирского просвещения.

Целью гимназий было прежде всего дать местному краю людей, могущих обслуживать его нужды в качестве чиновников и учителей и затем подготовить известный контингент слушателей для университетов. Вплоть до 60—70-ых годов сибирские гимназии очень слабо выполняли как то, так и другое назначение. «Прибыль образованных людей в Сибири из существовавших там учебных заведений была ничтожна и незаметна, говорит по этому поводу Ядринцев. Гимназии, дававшие от 3-х до 9-ти лиц ежегодно на 4,000,000 населения каждая, едва ли могли оказывать заметное влияние» [52]. Как невелико было число лиц, поступавших после окончания гимназии для продолжения образования в высшие учебные заведения, также незначителен был и процент людей с законченным гимназическим образованием, вступавших в среду местного сибирского населения. О законченном гимназическом образовании среди лиц, занимавшихся торговлей и промыслами, конечно, не приходится и говорить. Что же касается чиновничества, то по отношению к нему мы имеем даже некоторые цифры: в Восточно-Сибирском календаре на 1875 год приведены сведения об образовательном цензе лиц, служивших в 1873 году на службе по гражданскому ведомству в Восточной Сибири,—оказывается, что из 513 человек с высшим образованием было 65 чел. и со средним 168, в том числе с гимназическим 101, большинство же было с образованием низших учебных заведений, главным образом, уездных училищ.

Малочисленность учащихся в гимназиях первой половины XIX века и небольшое количество лиц, выходивших из гимназии с законченным полным образованием, об'ясняется тем, что само население было чуждо сознания значения образования и тем обстоятельством, что для стремления к получению гимназического диплома не было внешних стимулирующих поводов. В 1824 году один из ближайших сотрудников Сперанского Цейдлер, писал в письме к Сперанскому: «Намерение учредить здесь Азиатское училище, которого польза очевидна, подало мне случай обдумать о людях, которые пожелали бы посвятить себя сему трудному учению... Чиновники здешние стараются только обучать детей своих грамоте и спешат записывать их в канцелярскую службу для достижения скорейшего офицерских чинов и потому обучаются ими без старания и поступают без сведений и малолетние на службу и потому нет надежд, чтобы кто сыну своему предназначил таковой трудный путь и потому скоро развращаются и делаются неспособными к

[52]) „Сибирь как колония".

прилежанию и занятию трудною наукою. Купечество, имея ввиду только приобретение богатства, ведет детей своих особою дорогой, приучая ходить с обозами за пушниной в Якутск, на белку, лисицу, соболей, отвозить их в Ирбить и к ярмарочным оборотам и довольно, ежели 14-ти летний мальчик преодолевает трудности дороги дальней. Духовенство в рассуждении обучения и определения совершенно обеспечено и здесь их так мало, что едва могут наполняться места священнические. Сообразив все затруднения, я полагаю, что для обучения азиатским языкам самое полезное было бы употребить воспитанников здешнего воспитательного дома». [53]).

В общем необходимо признать, что сибирские гимназии первой половины прошлого века в истории сибирского просвещения сыграли очень скромную роль. В смысле распространения школьного образования среди местного общества этого периода гораздо большую роль сыграли уездные училища. Что же касается второй половины века, то здесь гимназии приобретают исключительно значение подготовительной школы к университету, так как почти все оканчивающие курс поступают для продолжения своего образования в Университеты или специальные Институты и так как окончание гимназического курса—аттестат зрелости—является условием беспрепятственного доступа в высшую школу. Исключительно это значение и было причиной того, что местное общество добивается учреждения правительственных гимназий, хотя перед ним в последнее время (начало XX века) уже имеются средне-учебные заведения более передового типа, менее схоластические, чем классические гимназии. Реальные училища, предназначенные для того, чтобы давать законченное среднее образование детям средних сословий, не имеющих ввиду дальнейшего продолжения образования, также фактически превращаются в подготовительные ступени к высшей школе.

Таким образом, если в первый период гимназическое образование затушевывалось более распространенным образованием уездных училищ, то, приближаясь к нашим дням, мы видим гимназическое мужское образование затушевывающимся высшим образованием.

---

[53]) Вагин „Истор. сведения о деятельности гр. Сперанского в Сибири“, т. II прил. к гл. о нар. обр.

Приложение 1-е.

Гимназии первой половины века в мемуарах и воспоминаниях современников.

Безусловно ценный и любопытнейший материал представляют мемуары, воспоминания современников, в частности, бывших питомцев той или иной школы. В отношении сибирских гимназий первой половины XIX века мы имеем ряд ценных свидетельств современников, дополняющих картину, нарисованную нами на основании официальных документов и отчетов.

Первое место среди этих воспоминаний (хронологически) принадлежит запискам писателя 30—40-х год. И. Т. Калашникова, характеризующим Иркутскую гимназию второго десятилетия прошлого столетия[54]). Свои воспоминания об Иркутской гимназии Калашников начинает с характеристики первых ее директоров.

„При открытии гимназии, говорит он, поступили в нее 30 учеников. В первые годы состояние ее было весьма удовлетворительно, но потом, не будучи покровительствуема местным начальством, смотревшим на нее, как на заведение не нашего прихода, гимназия, при плохом ближайшем управлении, постепенно клонилась к упадку и, наконец, при директоре Миллере, родом немце, пришла в окончательное расстройство. Член СПБ Академии Наук, член различных ученых обществ, следовательно без всякого спора муж ученый, Миллер, казалось, был не директор, а клад для Иркутской гимназии, а вышло наоборот. Ни прежде, ни после гимназия не страдала так ни в учебном, ни в хозяйственном отношении, как при этом многоученом муже. Самый дом гимназический пришел в разрушение... Директор Миллер ко всем прочим своим недостаткам присоединил еще одно—стремление к пьянству и сказывали, что однажды вечером, с которым-то из учителей, осушив штоф сивухи, он поднял с ним драку... Жители потеряли всякое доверие к гимназии, перестали отдавать туда своих детей. Число учеников, постепенно уменьшаясь, дошло до жалкого количества—десяти человек, так что на каждого учителя приходилось не более двух. По причине частого отсутствия учителей преподавание в гимназии почти прекратилось и ученики большую часть времени проводили в разных шалостях. Начитавшись какого-то старинного романа, в котором героем был разбойник Ринальдо-Ринальдини, они сами вздумали представлять разбойников: где-то около города устроили притон и шуточными нападениями пугали ездивших по дороге деревенских женщин“.

Несмотря на такое жалкое положение школы, благодаря недостойным ее руководителям, автор воспоминаний отмечает, что многие из этих подражателей Ринальдо Ринальдини усовершенствовали впоследствии свои познания и сделались замечательными или, по крайней мере, полезными членами общества. „Таким образом, заключает он, гимназия даже и в период крайнего своего упадка все-таки приносила пользу самым существованием своим, даже одним своим именем поддерживая в молодых людях любовь к науке и вливая в душу своих питомцев жажду знания“.

Зато крайне печально, по свидетельству Калашникова, это печальное состояние гимназии и небрежение со стороны начальства отразилось на гимназических учителях. „Некоторые из них в жалкое управление многоученого Миллера впали в неизлечимую апатию, в безнадежность и погибли безвозвратно“. Так погибли два молодых талантливых учителя гимназии—один после неудачного сватовства спился, другой кончил умопомешательством.

Новую эру в жизни Иркутской гимназии Калашников считает с назначением ее директором известного историка Сибири и друга Сперанского, бывшего преподавателя Тобольской семинарии П. А. Словцова. „По вступлении в должность директора Иркутских училищ первым делом Словцова было восстановить полуразрушенный дом гимназии... в самое короткое время, как в наружном, так и в внутреннем виде гимназии не осталось и следов прежнего запустения и беспорядка. Словцов ежедневно два раза посещал гимназию, хотя жил от нее довольно далеко и не имел экипажа“. Была произведена чистка учительского персонала, введены в преподавание танцы и т. п., и в результате „доверенность к гимназии,

---

54) „Русская Старина“ 1905 г. № 7—9, „Записки иркутского жителя“.

давно потерянная, опять возобновилась и от 10 учеников, которых застало определение Словцова, число их быстро возросло до 40 человек".

К более позднему периоду Иркутской гимназии относятся записки известного педагога В. Н. Виноградского, учившегося в Иркутской гимназии дважды в 1850—51 и 1859—62 г.г.[55]) „Меня отдали в гимназию рано, едва ли не 7 лет,—пишет Виноградский. В Иркутской гимназии директором был К. П. Бабановский... Бабановский был очень хороший человек и вел гимназию прекрасно". Зато инспектор Сементковский—„какой то сухой человек, кажется, совершенно бессрдечный"—пользовался крайней антипатией со стороны учеников. Из преподавателей этого периода в памяти автора воспоминаний сохранились воспоминания об учителе естествоведения Мааке (впоследствии—Инспектор училищ Восточной Сибири) и учителе чистописания Новоселове. „Маак был прекрасный педагог... преподавал он прекрасно и мы, мальчики, 2 го класса, с величайшим удовольствием учились зоологии. По указаниям Маака мы делали без учебника описание приносимых им костей, черепов и т. п. Почти каждый из нас должен был приготовить часть скелета, то есть кто приготовит ногу, кто череп какого нибудь домашнего животного, больше всего, конечно, появлялись скелеты петухов, поросят и кошек". Зато другого метода держался учитель географии, выезжавший на зубрежке. „Парневский любил задавать ученикам вопросы, как проехать из одного места в другое, причем ученик должен был перечислить все промежуточные станции. Помню, что сначала делалось это по карте, а потом на память. Множество географических названий заучивалось довольно твердо". Учитель чистописания—„по старинному учил нас писать. с прописей и, конечно, гусиными перьями. Употребление стальных перьев, тогда только что появившихся, было строго запрещено... необходимо было самому научиться очинить гусиное перо... иногда режешь, режешь перо; а оно либо мажет, либо задевает за бумагу и брызжет чернилами, тут как раз получишь единицу или двойку и следовательно субботнюю порку". Немногими, но яркими строками Виноградский характеризует воспитательную сторону гимназической жизни того времени „По обычаю того времени воспитанников секли порядочно, но такая мера взысканий нисколько не поднимала успехов самых ленивых учеников; шалуны также мало смущались поркой и даже считалось, что кричать под розгами не следует и крик выражал малодушество. Были просто артисты, выдерживавшие 30—40 ударов без всякого крика. Периодическое сечение повторялось обычно по субботам. В класс являлся надзиратель Н. В. Новоселов и по журналу вызывал всех получивших в эту неделю единицы и двойки. Такая группа учеников обыкновенно отводилась в пансионную спальню и в присутствии директора или инспектора производилась торжественная порка. За каждую единицу давалось 10 ударов, за двойку—2. Все это исполнялось очень точно, так что ученики заранее знали сколько кому достанется. Впечатления особого порка не производила". Впрочем далее автор приводит и пример крайности порки. Однажды, по жалобе инспектора, распоряжением губернатора наказывали одного воспитанника пансиона. „Наш класс находился рядом с залом и мы слышали, как начали пороть несчастного Лукьянчикова, слышали как он отчаянно кричал, как крики становились все тише и тише и, наконец, замолкли; после мы узнали, что Лукьянчикова унесли в больницу без сознания. Не помню сколько времени спустя после порки Л., наказанного за самовольный уход из пансиона, подобный же случай ухода произошел вновь; когда инспектор пригрозил сообщить об этом губернатору, то виновный пансионер Кривошапкин убежал из пансиона и со страха застрелился. Это сильно подействовало на начальство гимназии и почти вывело из употребления розги".

Во время обучения автора розги уже начинали выходить из всеобщего употребления в светской школе, так как, пишет он, „уже тогда начиналось новое веяние и молодые учителя сильно восставали против розог. Учитель математики Геск, преподаватель естественной истории Маак и другие были противниками принятого порядка и не дозволяли Новоселову уводить воспитанников с их уроков на экзекуции. Конечно, эти учителя пользовались особым расположением всех учеников".

Вторично Виноградов поступил в Иркутскую гимназию в 1859 году и учился в 6—7 классе, до 1862 года, живя в гимназическом пансионе. „Директором состоял все тот же К. П. Бабановский". Из учителя автор, уже старшиклассник, отмечает учителя латинского языка Месса, великолепного латиниста, сумевшего приохотить учеников к преподаваемому им предмету, учителя истории, увлекавшего учеников разсказами и чтением исторических книг, прекрасного учителя физики Геска и учителя русского языка Никонова. „Это был замечательный человек, говорит он о последнем. Какая то причина вызвала у него нелады со своим воспитателем (то есть директором гимназии Бабановским, который мальчиком—сиротой воспитал его в гимназии и содержал на свой счет в университете) и он начал покучи-

---

[55]) „Рус. Старине" 1916 г. № 9, 10.

вать, а главное совсем забросил занятия с учениками. Если, он приходил в класс то только для того, что бы почитать какую нибудь книгу, а надо заметить, читал он превосходно. Его чтение Гоголя, Успенского, Щедрина и др. просто приводило в восторг всех учеников и, обещаясь вызубрить все учебники, ученики просили его только почитать. Для учеников он был каким то идеальным человеком". Впоследствии он уехал в Казань, куда был приглашен приватдоцентом, но своим пьянством сгубил свою карьеру и там, и умер учителем на Кавказе. Он писал иногда стихи, выучивавшиеся наизусть учениками. Довольно подробно автор воспоминаний останавливается на пансионе при гимназии, в котором он жил, обучаясь в 6—7 классе Внешняя обстановка пансионской жизни была довольно скудна, бедная одежда, скудный стол „на соде жание воспитанников отпускалось по 11 к. в день", зато в пансионе чувствовалось свободно, никто не докучал усиленным надзором. Всякий занимался как ему было угодно. Инспектор посещал пансион очень редко, а директор едва ли бывал в нем раз—другой в день. Это связывалось вообще с представлением о гимназии, как исключительно образовательном, а не воспитательном учреждении. „В те времена воспитание не лежало на обязанности учебного заведения, а предоставлялось семье...

Никаких классовых наставников, на квартирных надзирателей, ни обязательных посещений церкви, ни даже классных дневников не было, но я убежден, что ученики были религиознее, благовоспитаннее, и вели себя несравненно лучше учеников конца столетия", говорит автор (директор нескольких средних учебных заведений в конце XIX века).

Переходим теперь к воспоминаниям того же Виноградского о Томской гимназии 50-х годов прошлого столетия. Он учился в 1—5 классе ее между 1853 и 1858 годом. „Гимназия, пишет он, находилась кажется в плохом положении. Директором был старичок Мещеряков, учителя в младших классах были плохи, и у меня остались только воспоминания об учителе рисования Кокшарове. Это был действительно хороший учитель. Никаких пособий в гимназии не было, однако Кокшаров сумел заставить ребятишек полюбить этот предмет".

„В общем учились очень плохо... В числе учителей старших классов вспоминаю еще учителя истории Игнатьева—он сумел заставить нас полюбить свой предмет и мы с удовольствием занимались чтением историческхих хрестоматий". Как и в Иркутске в Томске были в ходу порки, но только в младших классах и не еженедельно, а раз в месяц, когда директор обходил классы „с отметками". „Хождение с отметками занимало целый день и то в том то в другом классе слышны были крики".

Томской же гимназии средины 50-х ходов посвящены воспоминания П. Б. (Буткеева) в „Сибирской Газете"[56]). Живо и ярко написанные, они, по свидетельству Ядринцева, очень точно воспроизводят картину жизни Томской гимназии этих годов. Автор рисует гимназию, как сборище разновозрастных подростков и юношей разных состояний и вида". „Среди этих разного возраста и вида сюртуков виднеются так и сям коротенькие, иногда даже очень коротенькие, куртки казеннокоштных. Из общей массы вдруг выростает высокая, как каланча, фигура какого нибудь уже почтенного с бородой мужа, в гимназической форме, пребывающего в одном и том же классе быть может лет восемь". Далее следуют портреты учителей: „хер пастор", плохо изъясняющийся по русски, и совсем не уважаемый учениками; „кокос", угощающий учеников щелчками; „le singe'", злой до истеричности француз; учитель русского языка Иван Гаврилович, который „уже давно послал к чорту всю русскую грамматику с ее этимологией и синтаксисом и всех кто только ее выдумал и на этом милом основании преподавание своего предмета предоставил на волю судеб, а сам никогда в него не вмешивался" (для того же „чтобы показать на экзамене уменье учеников делать правильные грамматические разборы, изобрел в минуту вдохновения особенный собственной системы телеграф"—(пуговицы и прочие части сюртука, изображавшие части речи и т. п.) Грозой не только для учеников, но и для учителей был суровый инспектор в отсутствие которого гимназия фактически не работала: „учителя собрались в учительской и весело и безопасно ведут приятельскую беседу, вполне полагаясь на зоркость и на вольную или подневольную честность караулов (выставленных учениками на случай возвращения инспектора—Н. Ю.) Воспитанники предоставлены сами себе, каждый из них располагается как можно удобнее, приискав занятие, не производящее шума".

В эти же годы в Томской гимназии учились известный сибирский журналист и общественный деятель Н. М. Ядринцев, писатель-романист И. А. Кущевский, писатель народник-новеллист Н. Н. Наумов. В своих воспоминаниях, а Кущевский в сатирическом романе „Николай Негорев", они отметили годы своего учения в Томской гимназии. На художественном изображении Кущевского мы не будем останавливаться, так как, как говорит Ядринцев, „эти воспоминанья перемешива-

---

[56]) „Сиб. Газета" 1882 г. П. Б. „Томская гимназия в средине 50-х годов".

ются с безудержным вымыслом и искажены фантазией" и так как выписка художественного воспроизведения школьной жизни талантливым романистом (погибшим от пьянства, как и многие другие русские таланты) заняла бы очень много места. К тому же рисуемые Кущевским картины очень близки к рисункам П. Б.[57]). Зато заслуживают быть отмеченными воспоминания Наумова и Ядринцева.

„Мы не учились, говорит Наумов, потому что нам нечему было научиться у наших,преподаватетей, к которым даже нельзя и применять слово „преподаватель". Это было что то невозможное, состоящее из грязных, вечно пьяных драчунов, которые и сами то ничего не знали".[58])

„Припоминая типы и фигуры наших педагогов, говорит Ядринцев,[59]) я задумываюсь не над тем, способны ли были эти типы дать представление о науке, как понимали ее, сколько над их злосчастной судьбой. В самом деле, оставить после себя в воспоминаниях поколений только образ каррикатуры, что может быть печальнее? Ведь была же личная жизнь у этих людей, было воспитание, не гориллы же это были? Это были люди, хотя люди забитые, сбитые с колеи, истрепанные и заеденные жизнью, что же за драматическая судьба окружала их, что измяло,стоптало?" Вот вопрос, на который тот же Ядринцев дает следующий ответ. „Слабый, неподготовленный персонал педагогов с университетских скамеек явился в глухую неприветливую жизнь провинции и обстановку 40-х г. Это были люди случайно занесенные в Сибирь из старого Педагогического Института, и из старых университетов, не успевшие ознакомиться с жизнью, люди без всяких идеальных стремлений, дети глухого беспросветного времени эпохи Магницкого и Шишкова. Многие передавали нам воспоминания о своем прошлом. Это также были люди из бурсы, семинарий и старых Аракчеевских гимназий; как били и угощали их „кокосами", так они угощали и нас. Это была уже общерусская принадлежность воспитания,— не Бог весть чего они видели на свете... „Многие учителя явившиеся в открывавшуюся сибирскую гимназию, Бог знает, попали из какого мира, но только не из педагогического. Я. С. Сергеев рассказывал нам, что при открытии Томской гимназии было 3 или 4 учителя Многие пожелали сюда, но не явились... Один из первых преподаваталей гимназии, промотав дорогой деньги, пришел с партией следующих по этапу, затем прибыл какой-то ветеран Г.. без ног и на костылях... Переходили в гимназию, продолжает от себя Ядринцев, люди из военных училищ, семинаристы, в роде учителя грамматики Ивана Гавриловича, прямо из вятских мещан пробившего дорогу ползком, и известного Т-нора, который служил то смотрителем училищ, то переходил в частные пристава, и потом опять воротился в гимназию. Кроме чудака Тецлава „(хер пастор" в воспоминаниях П. Б.—Н. Ю.), в гимназии был и настоящий помешанный Э... которого то садили в сумасшедший дом, то он опять являлся преподавателем. Что можно было ожидать от такого контингента? Сибирь была с'издавна глухой страной, куда ехали люди по нужде и безвыходности и часто такие люди, которым нигде в России не находилось места, то есть как и во многих случаях Сибирь получала брак. Явившись в местную среду, со своим казенным запасом знаний, безо всякой силы и веры в свое признание, они могли только затереться и опуститься".

Были, конечно, примеры учителей и иного склада. Но и на них губительно действовала среда и о них Ядринцев говорит, что они „сами постепенно теряли свои знания; забывали, облепивались, усвaивали жизнь и привычки невежественной среды, опускались до мещанской жизни или спивались и сходили с ума. Я. С. Сергеев передавал о своем товарище из Педагогического Института, прекрасном математике, который, прибыв, через год-два, впал в меланхолию и перешел прямо к зап ям, при нас он уже таскался по кабакам и вел несчастную жизнь, так и погиб. А—в учитель латинского языка имел наклонность заниматься даже этнографией, печатал статьи в „Губведомостях", но периодически предавался страшным запоям и тоже умер от пьянства. На моих глазах приехал из Педагогического Института молодой учитель С—ко, джентльмен, элегантный, красивый. Когда я приехал из Петербурга, через 3 года, я видел его в трактире, обрюзгшим, опустившимся и пившим горькую, скоро он вышел из педагогической среды. Математик Ч—рь тоже пил горькую... „Кокос" не ходил по целым неделям в класс от той же болезни... Так, одна часть опускалась и пила горькую, некоторые, как Э.. сходили с ума, оставались люди, примирившиеся с обыденной обстановкой, они переженились на кухарках или простых бабах и погрузились в довольно прозаическую жизнь... В сущности наши педагоги не имели никакого интеллигентного позыва", говорит автор воспоминаний, заканчивая характеристику своих бывших учителей. Только двух—трех личностей из учителей своих

---

[57]) „Николай Негорев, или благополучный Россиянин"—„Отеч. Зап." 1871 г. № 1—9.

[58]) „Н. М. Ядринцев в Томской гимназии"—„Сиб. сборник" 1894 г.

[59]) „Воспоминания о Томской гимназии"—Сиб. сборник" 1888 г.

Ядринцев отмечает, как заслуживших ученические симпатии по их мягкости и гуманности и в числе их художника академии учителя рисования П.М.К. (то есть Кокшарова, о котором столь же положительно отзывался выше и Виноградский Н. Ю.).

Но если незавидны были учителя гимназии, если суров был режим ее, в котором порка, зуботычины занимали виднейшее место, („расправа была жестокая, грубая, секли учеников в прежние времена до 7 класса и секли, как секут крестьян"), зато благотворное влияние оказывало общение в ученической среде детей разнообразных сословий, званий и материального положения. „Разнообразное демократическое общество из разных слоев города, сидевшее вокруг меня на скамьях, имело и еще свое взаимодействие и влияние впечатления жизни, круг понимания ее выносился из среды нисших классов и среднего общества, стало быть, отличался плебейским складом... Были ученики, которые в свободное время торговали в лавках на базаре, даже был один, который самостоятельно торговал лошадьми, были в гимназии и дети ссыльнопоселенцев.. Демократическая среда гимназии воспитывала равенство... Да, эта грубая плебейская среда имела много симпатичных сторон и я полюбил здесь народ, нашу „чалдонократию", как мы впоследствии ее окрестили. Эти институты равенства, наложенные школой, это уважение честной бедности и поклонение труду и таланту, откуда бы он ни выходил, облегчили восприятие впоследствии общечеловеческого идеала. Среди тяжелой обстановки нашей школы мы сплели нечаянно прекрасный душистый венок нашей юности". Эту демократизацию среды, ученического общения Ядринцев горячо защищает от подозрения в растлевающем влиянии примеров со „дна" жизни „Правда, говорит он, здесь слышалась масса рассказов, понятий, неподходящих к детскому возрасту, проявлялся грубый цинизм, рано проснувшиеся страсти... Взрослые воспитанники, правда, дрались с мещанами и отличались дебошами и драками в предместьях. Иные шлялись по трактирам и не уступали в поведении приказчикам, живущие на квартирах своекоштные компаниями пьянствовали, многие были жертвами ужасных пороков. Все это было. Но в то же время многих не коснулось растление в самой горькой школе—бедности".

Извне, не от педагогического рвения получили импульс к общественным интересам, жажду знания, питомцы Томской гимназии 50-х годов, составлявшие ученический кружок будущих сибирских деятелей. „Среди ленивой казенной обстановки заведения учение и знание из казенных книжек весьма туго прививалось к нам... как ленивые животные, кое-как мы перебирались из класса в класс. Но в то время, как казенная наука ровно не давала нам ничего, в нас пробудилась страсть к чтению, и любознательность. У моего отца была большая библиотека с журналами и лучшими произведениями литературы.. читая сам понемногу я сделал ее достоянием гимназическим.. скоро у нас образовался литературный кружок... мы мужали и достигали высших классов. Я думал уже об университете, но меня тянула внешняя сторона жизни, грезилось товарищество, какая-то веселая буршеская жизнь. А между тем в России уже кипела новая жизнь: пятидесятые годы выступали в полном блеске Чуялось обновление, шумела журналистика, но до нас ничего не доходило". И вот, в этот момент знакомство с одним студентом было поворотным, пунктом в жизни кружка юношей Томской гимназии. „Студент Щ (Щукин—Н. Ю.) подвижной неугомонный Рудин по натуре, студент в душе, человек, искавший деятельности и прозелитов нового учения, упал к нам точно с неба. От него мы узнали впервые, что переживала Россия. Целый поток света осенил наше сознание, заставил волноваться кровь, трепетно биться сердце... Мы в первый раз услышали о прогрессе, о человеческом братстве, о лучших стремлениях человечества"... Я привел эту длинную цитату, чтобы показать, что если из старой гимназии с ее педагогами, обрисованными выше, могли выходить такие люди, как Ядринцев, Наумов, Менделеев (ученик Тобольской гимназии), то гимназия сама по себе была тут не при чем...

Глава V.

Женское образование в Сибири Частные смешанные учебныя заведения I-го разряда.

Женское образование в России и Сибири до второй половины XIX века.

История женского образования в России начинается со времени Екатерины II, когда были учреждены первые правительственные учебно-воспитательные женские заведения (Смольный Институт, училище для девиц мещанского звания в Москве и пр.), а при открытии первых народных училищ разрешено было принимать в них девочек на равных основаниях с мальчиками. Выше мы видели, что случаи обучения девочек в главных и малых народных училищах были единичны. Если население вообще обегало правительственную школу, предпочитая частных мастеров, как в Допетровской Руси, тем естественнее, конечно, нам ожидать малого успеха правительственных мероприятий в отношении насаждения женского образования до поднятия общего культурного уровня страны. Девочки оставались или вовсе без обучения грамоте, или обучались ей на дому вместе с рукоделием или учились у частных учителей. Писатель Калашников, воспоминания которого относятся к 20-ым годам прошлого столетия в следующих выражениях говорит о современном ему образовании женщин в Иркутске: «Для женщин в Иркутске не было никакого училища. Они учились грамоте кое-как самоучкой и то не все, а только избраннейшие чада фортуны: прочие были безграмотные или весьма малограмотные, читали и особенно писали с грехом пополам. Но нет правила без исключения, добавляет он далее. Я говорил уже в первой части моих записок о дочери купца, Поповой, удивившей меня своими познаниями. Сверх того я знал еще одну даму, также из купеческого сословия, весьма умную, начитанную». [60]) Известный натуралист Сиязов, в своих воспоминаниях приводит рассказ своей матери, относящийся в 30-м годам, в Томске, о том, что ее домашним учителем был гимназист, обучавший ее закону Божьему, арифметике, истории, географии, русскому и французскому языкам и рисованию. [61]).

В 30—40-ые годы появляются первые женские учебновоспитательные учреждения и в Сибири. В 1838 году в Иркутске на

---

[60]) „Рус. Старина" 1905 г. № 7, 9 „Записки Иркутского жителя".

[61]) „Сиб. Архив" 1914 г. № 7, 9 „Воспом. сибирского натуралиста".

средства, пожертвованные купчихой Медведниковой, устраивается сиропитательное заведение для девочек со школой при нем. Обычно оно считается первым женским учебных заведением в Сибири, хотя это не совсем верно. Вагин в своих воспомин. говорит об основанной в 1837 году Ф. Н. Волковым школе в Троицкосавске, [62]), Адрианов в книге «Город Томск» упоминает про существовавшую в 1835—37 г.г. частную женскую школу некоей Кирилловой в Томске. Но Медведниковская школа имела специальное назначение и по отзыву Ядринцева, не имела большого значения в истории сибирского просвещения «превратившись в заведение для приготовления прислуг», [63]) другие же частные школы (вероятно были и еще кроме поименованных) имели небольшой район и незначительный контингент учащихся, самое существование их не было устойчивым. Из открытых в первой половине XIX в., по частной инициативе, женских школ необходимо лишь особо отметить школу, открытую для девочек в память умершей жены декабристом И. Д. Якушкиным в Ялуторовске в 1846 году. Школа была открыта по инициативе Якушкина, при живом сочувствии местного общества: дьячек взялся безвозмездно преподавать в ней, местная купчиха на свой счет построила здание для школы. Позднее эта школа, просуществовав без каких либо перерывов в своей деятельности и при беспрерывном повышении числа учащихся в ней, была принята в ведение города и Министерства Народного Просвещения, послужив зародышем женской прогимназии в Ялуторовске. [64]).

Второй момент в истории женского образования в Сибири—это открытие Девичьего Института Восточной Сибири в Иркутске в 1845 г. Следом за ним было учреждено Мариинское женское училище (также для девиц благородного звания) в Тобольске в 1854 году. К этому же периоду (50-х годов) относится учреждение училища для девиц духовного звания в Иркутске в 1854 году (позднее оно преобразовано в обычное женское епархиальное училище) и существовавшего недолгое время в Томске частного пансиона для благородных девиц, устроенного купцом Асташевым. Характерной чертой всех этих учебных заведений является их сословный характер. В первые два и в Асташевский пансион в Томске принимались лишь дочери купцов, чиновников и дворян, в Иркутское училище девиц духовного звания—лишь дочери духовенства. Правда, как Иркутский институт, так и Тобольская Мариинская школа не носили исключительно дворянского характера, как соответствовавшие им учреждения в России (за отсутствием

---

[62]) „Вагин „Сороковые годы в Иркутске"—Сиб. сборн. 1885 г."

[63]) Ядринцев „Сибирь как колония".

[64]) Палопеженцев „Ист. Ялутор. школ."—„Ежег. Тобол. губ. музея." 1894 г. в 1. Знаменский, „И. Д. Якушкин" „Сиб. сборн". 1889 г.

в Сибири самого по себе дворянства), тем не менее некоторые ограничения при приеме все же были и хотя первое время это обстоятельство не чувствовалось, так как дети остальных кругов городского общества в редких лишь случаях стремились к получению образования, но в дальнейшем это ограничение должно было суживать культурное значение названных выше учебных заведений. Отмечая симпатичность и своевременность учреждения женского института в Иркутске, Вагин пишет в своих воспоминаниях о сороковых годах в Иркутске: «Нельзя сказать, чтобы при этом отдавалась слишком большая дань современной рутине. Институт не был исключительно дворянским учреждением, как подобные заведения во внутренней России: в него могли приниматься дочери чиновников, купцов, бурятских тайшей. Тем не менее, с самого основания института во всей его системе воспитания появилась аристократическая закваска, которая сохранилась и до сего времени (писано в 1885 г.). И это в стране, которая по составу своего населения, никогда не была и не может быть аристократической!» [65]). В другой своей статье (написанной по поводу 30-тилетнего юбилея института) тот же автор находит и положительные черты в воспитанницах института. Наряду с «наивностью, изнеженностью, отвращением от черного труда, и изнеженностью и аристократизмом» иркутские институтки «в черствую и грубую среду часто даже неприкрытую наружным лоском, погруженную только в свои корыстные интересы, лишенную нравственных идеалов вносили новые жизненные начала»... «Жизнь брала свое, продолжает Вагин, она всасывала в себя новых прозелиток и перерабатывала по своему масштабу, но она не могла заглушить запавшие в их души искры... Не видя возможности осуществить свои идеалы в настоящем, она (институтка Н. Ю.) старалась осуществить их в будущем. Ее понятия, ее взгляды на жизнь переходили от нее к детям. Не было своих детей, она сообщала эти понятия чужим». (Цитирую по Сукачеву «Город Иркутск»).

В воспоминаниях Виноградского рассказывается как в 60-ые годы, вследствие чрезвычайных обстоятельств (землетрясение), его сестра, учившаяся в Иркутском институте, могла приехать на святки домой (в том же городе): «Это был для всех нас большой праздник. По заведенному порядку институток не отпускали по домам во все время шестилетнего курса и, выходя из института, они были какими то странными барышнями, так что название институтки было синонимом неразвитой, непрактичной девушки. Посещение институток родными происходило под надзором классных дам и выходило как то торжественно. Я ходил к сестре в институт почти каждое воскресение и носил от бабушки какие нибудь кон-

[65]) „Сиб. сборник“ 1885 г.—Вагин „Сороковые годы в Сибири“.

фекты и сладости».[66]). Тобольская Мариинская женская школа менее была заражена аристократическими тенденциями, так как Тобольск в эпоху ее основания потерял былое значение столицы Сибири и был глухим захолустным губернским городком, но еще в начале XX века она делилась на два отделения: «верх», с правами 7-ми классной гимназии и «низ» с правами и программой прогимназии». В «верх» принимались только дочери дворян, чиновников, духовных и купцов, в «низ»—дочери крестьян, мещан и ссыльно-поселенцев; в «верху» преподавались иностранные языки и танцы, в «низу» ни языки, ни танцы не преподавались; отметки ставились по 12 балльной системе, классов было три, с двухгодичным курсом в каждом, и счет их шел наоборот: третий, второй и первый. Аристократически-институтского оттенка, конечно, не имели женские епархиальные училища типа Иркутского уч-ща девиц духовного звания, открытые во второй половине века в каждой губернии—епархии по одному, но в них царил дух замкнутости, и процент иносословных был невелик, что с'уживает их культурное значение.

Развитие женского образования в Сибири и России в 60 годы.

Третьим и вместе основным моментом в развитии женского образования в Сибири как и в России был конец 50 и начало 60-х годов прошлого столетия, когда, под влиянием общего под'ема в стране, стали учреждаться всесословные женские учебные заведения, носившие первоначально наименование «женских училищ 1, 2 и 3 разряда (по положению 1860 года).

В 1858 году Мин. Внутренних Дел обратился с циркуляром к Начальникам губерний, в том числе и к Сибирским, в котором писал, что «Его Императорское Величество изволил обратить внимание свое на то, что принятые доселе меры к образованию детей женского пола не вполне удовлетворяют потребностям сего времени. Заведения, обязанные существованием своим и успехам высоким попечениям Августейшего Дома (Институты и Мариинские училища НЮ), предназначены для детей одного сословия—дворян и чиновников. Лица среднего сословия в губерниях и уездных городах лишены средств дать дочерям своим необходимое образование соответственно их скромному быту». В дальнейшем циркуляр рекомендует «учреждение открытых школ для девочек в губернских и уездных городах и даже больших селах», которое «дополнило бы великую и стройную систему народного образования, обнимая собою общие и частные нужды всех состояний и обоих полов».[67]).

---

[66]) „Рус. Старина" 1916 г. № 9—10 Виноградский. „Воспоминания".

[67]) Цит. по ст. Линькова в „Сиб. Архиве" 1912 г. № 3.

Под влиянием этого циркуляра в ряде уездных и губернских городов Сибири в период между 1859—1863 г.г. создаются кружки чиновников, духовных и купцов, которые при благожелательном отношении высшей губернской администрации приступают к учреждению женских училищ.[68]. Так создаются женские училища 2-го разряда в городах: 1859—Семипалатинске, 1860—Иркутске, Енисейске, Тюмени, Ишиме, Каинске, Верхнеудинске, 1861—Ялуторовске, 1862—Троицкосавске, 1863—Тюкалинске, 1866—Чите, 1868—Нерчинске; в эти же годы появляются и первые женские училища 1-го разряда—в 1863 г. в Томске и Омске. Втечение первых годов следующего десятилетия продолжается открытие новых женских училищ 2-го разряда и некоторые из открытых преобразуются в женские училища 1-го разряда (Иркутск); в это же десятилетие за женскими училищами 1-го разряда упрочивается название «женских гимназий» и за женскими училищами 2-го разряда—название—женских прогимназий». В более мелких городах открываются женские училища 3 разряда, соответствующие по программе мужским приходским училищам: 1860—Барнаул, 1861—Бийск, 1862—Кузнецк, 1863—Усть-Каменогорск.

В начале 60-ых годов (1863) в 2 женских гимназиях Западной Сибири (Омской и Томской) насчитывалось 241 ученица, в прогимназиях 426 уч. (от 16—до 129 по отдельным училищам, в 6 приходских женских училищах—139 уч. (от 11 до 36 по отдельным училищам). В те же приблизительно годы (1867 г.) в Восточной Сибири было 1 женское училище 1 разряда, 1 женское училище 2 разряда и 3 женских училища 3 разряда.[69]).

Рост женского образования в Сибири в 80 ые—900 ые годы.

Для определения количественного роста женского среднего образования в Сибири последней четверти прошлого и первых десятилетий настоящего столетия мы располагаем отчетными данными Мин. Нар. Просвещения за 1881, 1894 и 1905 г.г., годы начала двух царствований Александра III и Николая II и первой русской революции или переходя к другим признакам: годы приступа к основанию сибирского университета, постройки сибирской жел. дороги и русско-японской войны.

---

[68]) В иркутской летописи Романова („Тр. В. Сиб. Отдел. Геогр, Об-ве“), мы находим интересную запись под 1861 годом, характеризующую энтузиазм, который в это время возбуждала сама о себе идея сословного женского образования: группа студентов, собравшись однажды вместе, собрали между собой 270 р. и внесли их в Иркутское женское училище для содержания в нем одной ученицы в качестве „воспитанницы русских университетов“.

[69]) Данные по Зап. Сиб. беру из „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1864, № 7, данные по Вос. Сиб. ст. Линькова в „Сиб. Архиве“ 1912 г., № 7.

Представим эти данные в следующей таблице.

	Число уч. зав.			Число учащихся			% увелич. за посл. 11 лет
	1881 г.	1894 г.	1905 г.	1881 г.	1894 г.	1905 г.	
Западная Сибирь.							
Гимназии. . .	2	3	9	806	864	4601	+432, 4
Прогимназии .	12	12	8	1247	1580	1516	— 2,12
Те и другие	14	15	17	2053	2444 (+19,0%)	6117	+150,3%
Вост. Сибирь и Приамурс. край.							
Гимназии . .	3	7	8	507	1183	4372	
Прогимназии .	9	9	5	780	1080	1202	
Те и другие .	12	16	13	1287	2263 (+75,7%)	5574	+141,8%
Вся Сибирь.							
Гимназии . .	5	10	17	1313	2087	8973	
Прогимназии .	21	21	13	2027	2660	2718	
Те и другие .	26	31	30	3340	4707 (+46,2%)	11691	+148,3%
Вся Россия.							
Гимназии. . .	84	154	399	29958	47854	170502	(+260,5%)
Прогимназии .	178	171	165	21400	23977	30259	(+ 25,8%)
Те и другие .	262	325	564	51358	71731 (+39,7%)	200761	(+179,6%)

Данные эти позволяют сделать следующие выводы.

а) В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке мы замечаем более быстрый рост женского образования, чем в Западной Сибири—за 24 года число учащихся в гимназиях и прогимназиях Восточной Сибири учетверилось, а в Западной Сибири лишь утроилось.

б) Гимназии обнаруживают более быстрый рост, чем прогимназиях.

в) Вторая половина рассматриваемого периода—конец 90 и

начало 900-х годов обнаруживает больший рост женского образования, нежели первая.

г) Установленные нами тенденции в развитии женского образования Сибири не расходятся с таковыми же по России.

д) Рост среднего женского обр. в России выше чем в Сибири.

Для последнего периода 1905—1919 года мы располагаем данными, приведенными в Настольном Календаре Сибирского Мин. Нар. Просв. на 1919 г. Данные эти, к сожалению, лишь говорят о числе женских гимназий и прогимназий, не указывая числа учащихся в них. Согласно этим данным на 1 января 1919 года в Сибири было 70 средних женских учебных заведения, не считая смешанных учебных заведений с гимназическим курсом для детей обоего пола. В числе этих 70 жен. учебн. заведений было:

женских институтов .	—	1	1
женских гимназий . .	26	27	53
частн. жен. гимн. . . .	3	13	16
			70

Число окончивших курс женских гимназий и прогимназий.

Остается еще коснуться числа оканчивавших курс в женских учебных заведениях Сибири. Мы знаем, что население, пред'являя к образованию своих детей минимальные требования, обычно не доводило до конца обучение своих сыновей в мужских учебных заведениях и число оканчивавших в них полный курс было очень ничтожно, обнаруживало очень медленный рост. Тем более, конечно, подобное явление должно было замечаться в женских учебных заведениях на первых порах их существования. Как малочисленно было вообще число учившихся в них девочек, так единицами исчислялось и число окончивших их. В 1863 году в Западной Сибири окончило курс женских училищ II-го разряда (прогимназий по позднейшему их наименованию) всего 18 человек. Курс женских училищ 1-го разряда в этот год не закончило еще ни одного человека, так как сами училища (гимназии) еще не развернули полного числа классов. По отдельным прогимназиям число окончивших курс равнялось: Петропавловск 2, Тара 3, Тюмень 4, Семипалатинск 4, Каинск 5, в процентах к общему числу учениц это составляет 13, 5, 5 и 7%. [70]).

Через 24 года в Западной Сибири в 1887 году кончает курс в двух гимназиях 76 человек (Омская 40 и Томская 36) и в 12 прогимназиях 108 человек. По отношению к общему числу учившихся в названных учеб. зав. это составляло 15,4% и 11,0% в гимн. и 8,3% в прогимн. [71]). Сопоставим с этими данными данные по

[70]) „Журн. Мин. Нар. Просв." 1863 г. № 1.
[71]) Извлеч. из Отчета Попечителя Зап. Сиб. Уч. Окр. 1887 г.

мужским гимназиям того же округа и мы увидим, что число окончивших женские гимназии превышает таковое же по мужск. гимназиям и абсолютно и относительно к общему числу учащихся: число окончивших прогимназии относительно ниже, чем в гимназиях, стало быть стремление населения брать своих детей до окончания ими курса («выучился де, довольно») не потеряло еще силы в уездных городках, в которых были расположены прогимназии, но значительно уже ослабело в губернских центрах с гимназиями.

На грани перелома первой русской революции в 1905 году окончило курс и выбыло до окончания курса (в гимн. и прогимн. вместе).

	Окончило курс.	Выбыло до оконч.	% ок. курс.	% выб. до оконч.
Западная Сибирь.	582	770	9,5	10,9
Восточная Сибирь	443	716	9,5	15,1
Приамурский край	93	131		
	1.118	1617	9,5,	13,8

По всей Империи в этом году в женских гимназиях окончило курс 19.829 чел. и выбыло до оконч. курса 23.361, что при общем числе учащихся 182.159 составляет 10,8% первых и 12,2% вторых. [72]). Таким образом % оконч. в Сибири несколько ниже, а выбывших до окончания курса выше, чем по всей Империи.

Социальный состав учащихся в женских уч. зав.

Социальный состав учащихся первых женских учебных заведений Сибири определяется следующей табличкой. [70]).

	Чин. и двор.	Купц. и мещ.	Духовных.	Крест. и каз.
Омская гимназия .	87=75 %	24=20 %	5=4%	—
Томская гимназия .	54=41 %	55=44 %	8=6%	8= 6%
8 прогимназий . .	88=18,3%	258=60,5%	14=3%	74=16%

Из таблички ясно видна во первых большая демократичность состава учащихся в женских прогимназиях, во-вторых зависимость состава учащихся от города, в котором находится данное

[72]) Всепод. отчет Мин—ра Нар. Просв. за 1906 г.
[70]) „Журнал Мин. Нар. Просв.“ 1863 г. № 1.

учебное заведение: так город Омск, исключительно военноадминистративный центр, не имевший в 60-ые годы того торгового значения и характера, который приобрел позднее, отличается от Томска чуть не вдвое, большим преобладанием в составе учениц дочерей чиновников (и военных).

Для 1887 года мы располагаем сверх данных о социальном составе учащихся обычного типа—по сословиям родителей—еще данными о жительстве родителей учениц. Обнаруживается то же явление, которое мы выше констатировали относительно учащихся в мужских гимназиях: из 325 учениц Омской гимназии 200 имели жительство родителей в Омске же; из 298 учениц Томской гимназии 213 имели родителей, живущих в Томске; из 1247 учениц прогимназий у 1141 родители жили в том же городе, в котором находилась прогимназия. [71]).

Социальный состав учащихся женских гимназий и прогимназий в 1905 году в отношении всей Сибири и параллельно для России в целом виден из следующей таблицы. [72]).

СИБИРЬ.	Дв. и чин.	Духов.	Купцов и мещан.		Сел. сосл.
Гимназии.	1372=29.8%	150=3.2%	630—13.7%, 1567=34.0%	49,9%	814=17.9%
Прогимн.	217=14.3%	42=2.7%	49= 3.2%, 764=50.4%		239—15.7%
те и другие	1589—26.4%	192=3.1%	679—11.2%, 2331=35.7%		1053=17.5%

РОССИЯ	Дв. и чин.		Духов.		Купцов и мещан.		Сел. сосл.	
Гимназ.	50.534=	—27.7%	7853=	=4.6%	22143= ,59082=	12.5+38.6%	25.587=	16.7%
Прогимн	4.497=		1466=		2981= ,12445=	=48.0%	8.001=	

Приведенные данные дают возможность сделать следующие выводы: а) социальный состав учащихся в женск. учебн. заведениях Сибири и России почти одинаков; б) прогимназии более демократичны по составу учащихся, чем гимназии; в) состав учащихся за 40 лет изменяется и в России и Сибири в сторону большей демократизации его.

Бюджет женских гимназий и прогимназий.

Материальная основа женского среднего образования, как в России, так и в Сибири, обнаруживает существенные отклонения от построения бюджетов мужских общеобразовательных средних

[71]) Извлеч. из Отчета Попечителя Зап. Сиб. Уч. Окр. 1887 г.
[72]) Всепод. отчет Мин-ра Нар. Просв. за 1906 г.

учебных заведений. В то время, как в мужских гимназиях и реальных училищах основу бюджета составляют ассигнования из государственного казначейства, в женских гимназиях и прогимназиях правительственные средства в общем доходном бюджете занимают третье и второе место. Из истории возникновения первых женских учебных заведений мы знаем, что они открываются всецело по частной инициативе и существуют без какой либо правительственной денежной помощи. Мы знаем, что при учреждении в уездных городах в 60-ые годы женских училищ 2-го разряда—позднейших прогимназий—учителя уездных училищ предлагали безвозмездно свой труд, что помещались эти училища в зданиях уездных училищ. Мы знаем, что первые женские гимназии в Сибири в Томске и Омске возникли на капитал, пожертвованный купцом Поповым ввиде общественного банка, прибыли которого должны были идти на развитие женского образования в Сибири. Мы знаем, что следующая женская гимназия—в Иркутске—настолько обязана своим возникновением местному филантропу И. С. Хаминову, что впоследствии ей было даже присвоено наименование Хаминовской. Позднее, когда женское образование стало на ноги, когда окончившие женские гимназии стали заполнять ряды учительства, в котором была основная нужда при расширении школьной сети, когда женский труд стал применяться на всех почти жизненных поприщах и стало расширяться и высшее женское образование,—доля участия правительства в содержании средней женской школы увеличилась, но первенствующего значения в бюджете ее оно все же не приобрело.

В 1881 году в бюджете сибирских гимназий и прогимназий первое место занимают единовременные пожертвования и проценты с пожертвованных капиталов, далее идут остатки прежних лет, разные источники и сбор платы за учение, еще далее—пособия городских обществ и на последнем месте—ассигнования из государственного казначейства.

Через 13 лет, в 1894 году, процент правит. ассигнований повышается, но все же стоит за другими бюджетами источниками, понижается значение частных пожертвований, но возрастает значение платы за учение и пособий от городских обществ и из сумм земских сборов.

Для самых последних лет мы имеем бюджетные данные по женским гимназиям и прогимназиям Западной Сибири за 1915 год. Первое место в бюджете гимназий и прогимназий занимают сборы за учение, составляющие в первых почти три четверти всех доходных поступлений и во-вторых более половины; далее идут пособия городских обществ для гимназий и уже на третьем месте в гимназиях и на втором в прогимназиях—пособия государственного казначейства, составляя в первых ⅛-ую и во-вторых ¼-ую

бюджета; частные пожертвования, скрываясь в графе «разные источники», дают ничтожный процент.

ВСЯ СИБИРЬ.	1881 г.	1894 г.
Государствен. казначейства	15.216— 6,2%	51.320—10,1%
Городские общества	27.393—11,4%	69.405—13,7%
Земские сборы	—	17.012— 3,3%
Сборы за учение	45.169—18,5%	123.217—24,4%
Частн. средства	87.704—35,9%	37.109— 7,3%
Ост. разн. ист	62.155—25,4%	515 — 0,1%

ВСЯ ИМПЕРИЯ.	1881 г.	1894 г.
Государствен. казначейства	16,2%	12,5%
Городские общества	15,9%	12,6%
Земства	11,9%	8,0%
Сборы за учение	30,9%	41,2%
Частн. средства	7,3%	6,8%
Ост. разн. ист.	17,0%	—

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.	1915 г.	
Государствен. казначейства	77.370—12,0%	11.000—23,3%
Городские общества	86.315—15,0%	7.424—16,9%
Сбор за учение	462.453—72,3%	25.860—54,9%
Ост. разн. ист.	13.141— 2,0%	2800 — 5,9%

Значение, которое в бюджетах женских гимназий и прогимназий имеет плата за учение, заставляет особо остановиться на ней. В 80-х годах прошлого столетия плата за обучение в женских гимназиях колебалась между 30—50 руб. в год, то есть, в среднем равнялась плате в муж. гимн., в прогимназиях она колебалась между 1 руб. 20 к. и 5 рубл. В двух прогимназиях Зап. Сибир. Учебн. Округа мы встречаемся с интересной попыткой варьировать плату по социальному положению учащихся: в Каинской прогимназии было установлено 7 р. с дочерей чиновников и духовн., 5 руб. с остальных, в Тарской прогимназии: 10 руб. с дочерей куп-

цов, 4 руб. с дочерей чиновников и 3 руб. с дочерей мещан и крестьян. В 900-ые годы плата за обучение в старейших правительственных гимназиях повышается сравнительно незначительно—колеблясь между 40 и 60 руб. в год, она опять таки равняется средней плате за учение в муж. гимн., а в прогимназиях колеблется между 14 и 20 руб., то есть, немного выше платы за обучение в высших начальных училищах. Но в большинстве гимназий и части прогимназий, возникших за самые последние годы, под влиянием преимущественно частной инициативы, плата за обучение значительно выше и доходит до 150 руб. в год. Такая плата, конечно, должна быть признана очень высокой и непосильной широким слоям населения. При этом характерно, что плата обычно варьируется внутри самой гимназии, повышаясь по классам и что даже в старейших правительств. гимназиях некоторые предметы—языки, танцы, оплачиваются особо.[73]).

Общая сумма расходов на все женские гимназии и прогимназии Сибири в 1884 и 1894 г. равняется 244.204 руб. в первом случае и 504.180 руб. во втором. На одну гимназию и прогимназию это дает такие цифры среднего расхода.

	1881 год.		1894 год.	
	гимн.	прогимн.	гимн.	прогимн.
Зап. Сибирь	24.133 р.	3177 р. 97 к.	46.624 р.	11 587 р.
Вост. Сибирь	38.181 р.	4523 р. 81 к	21.984 р.	5728 р.
На одну учащуюся за те же годы средний расход:				
Зап. Сибирь.	59 р 88 к.	30 р. 51 к.	104 р. 01 к.	25 р. 50 к.
Вост. Сибирь	225 р. 98 к.	52 р. 20 к.	97 р. 15 к.	60 р. 30 к.

Частные учебные заведения I-го разряда.

Как ни значителен был рост числа мужских и женских средних учебных заведений за последние годы, он все же не мог удовлетворить всей потребности в среднем образовании среди городского населения. Революция 1905 года дала толчок к появлению в сибирских городах частных учебных заведений с гимназической программой. Некоторые из них развились из детских садов, из маленьких частных начальных школ, другие были созданы коллективами преподавателей, которым было душно в казенной школе, третьи были созданы вследствие волокиты, связанной с открытием в данном месте нового среднего учебного заведения на казенные средства. Большинство этих частных гимназических учебных за-

[73]) Данные „Обзора деят. Мин. Нар. Пр. 1881—1894 г.". „Всеподд. отчета МНП 1906 г." и „Извл. из отчета Попечителя Зап. Сиб. Уч. Окр. 1887 г.".

ведений были смешанными—нововведение, на которое еще не решалась казенная средняя школа—или женские.

Некоторые краткие сведения о частных учебных заведениях 1-го разряда, существовавших в 1915 году в Западной Сибири, дает «Памятная Книжка ЗСУО на 1916 год».

Значение женских гимназий и прогимназий в истории сибирского просвещения.

Значение женских гимназий и прогимназий в общей истории сибирского просвещения, очень велико. Оно более заметно, чем значение соответствующих учебных заведений, предназначенных для образования мужского юношества. Правда, как и мужское среднее образование, оно ограничивается пределами среднего и привилегированного городского населения, так как крестьянство и беднейшее городское население по общим социально-экономическим причинам было лишено возможности пользоваться им для своих детей. Но в рамках означенных пределов, общих и для мужской общеобразовательной школы, женское среднее образование было стимулирующим моментом вообще для развития образовательных потребностей среди населения Сибири.

Нужно ли говорить о том, что мать, получившая законченное среднее образование, будет стремиться к тому, чтобы дать образование не ниже своего детям, что в семье наличность образованной матери значит для образования и воспитания детей гораздо больше, чем наличие отца, хотя бы даже и с большим образованием. Пусть женские гимназии и прогимназии давали небольшой круг знаний, очень хромали в отношении постановки, учебного и воспитательного дела (не только с общепедагогической, априорной точки зрения, но даже сравнительно с мужской общеобразовательной средней школой)—дело не в этом общем недуге дореволюционной школы, а в том, что эта школа так или иначе приобщала будущую мать к сокровищам общечеловеческой культуры, приучала ее к книге, забрасывала в нее уважение к знанию и образованию. Это первое и основное значение женских гимназий и прогимназий.

Далее, как и мужская общеобразовательная школа, женские гимназии с развитием в России женского высшего образования стали посредствующим звеном, подготовительной ступенью к высшей школе. Уже в 80-х годах десятки сибирских гимназисток учились в высших учебных заведениях столиц и других российских университетских городов. В предреволюционные годы число сибирячек-курсисток в высших учебных заведениях всей России насчитывалось уже многими сотнями. Развитие среднего женского образования было, конечно, предварительным условием подобного явления.

Наконец, средняя женская школа (и полусредняя, в лице прогимназий) давала своим питомцам возможность выступления наряду с мужчинами на различнейших жизненных поприщах. Первоначально для окончивших женские гимназии и прогимназии предоставлялась лишь одна возможность применить свое образование в практической жизни: учительство. Ниже, говоря о педагогическом персонале народной школы, мы увидим какой значительный процент составляют учительницы среди общего количества учительского персонала. В начале 60-х годов крестьяне одного из уездов Тобольской губернии, ходатайствуя об открытии у них сельской школы, просят «только чтоб учительницы к нам не присылать». На грани нашего времени подобная просьба уже немыслима. Учительницы—а они все из женских гимназий, женских епархиальных училищ или прогимназий—завоевали общее признание своей самоотверженной работой, как в глухих таежных углах, так и в городах Сибири.

Приближаясь к нашему времени, мы видим женщин с гимназическим и прогимназическим образованием и на других поприщах общественной жизни. Возьмем ли мы медицинский труд, или канцелярско-конторский, или иной какой,—всюду женщины начинают конкурировать с мужчинами. Война окончательно упрочила широкое применение образованного женского труда.

Глава VI.

Сословнопрофессиональное и специальное образование в Сибири XIX и XX века.

Из предшествующих глав мы знаем, что образование в Сибири, как и в метрополии, шло путем развития сословно-профессионального и специального образования, предварительно общего, всесословного. Первые школы в Сибири—это духовные, то есть, сословно-профессиональные по той группе населения, которую они обслуживали и специальные, по своему назначению и характеру преподавания. Первые светские школы в Сибири носят тот же профессиональный и специальный характер: школы навигации, геодезии, горного искусства, восточных языков, гарнизонные. Зарождение общеобразовательной школы в России и Сибири относится уже к концу века и стоит на грани двух столетий, развитие ее целиком относится к XIX веку.

Итак, уже из XVIII века в XIX-ый перешли в Сибирь некоторые виды специального образования. С них мы и начнем свое рассмотрение развития специального образования в Сибири.

Духовно-профессиональное образование в Сибири первой половины XIX века.

В начале XIX века в Сибири существовали две духовные семинарии—Тобольская и Иркутская. Та и другая были очень многолюдны, в частности в Тобольской общее число обучавшихся в разных классах достигало одно время до 711 человек и классы занимали несколько зданий. Сверх того, в той и другой епархии существовали в некоторых городах нисшие школы, игравшие роль подготовительных к семинарии. Выше мы видели, что при столь громадном количестве учащихся семинарии давали небольшое число прошедших полный курс, как ввиду трудности схоластического обучения, так и ненадобности полного обучения при карьере рядового сельского и даже городского священника, не говоря уже о прочих священно и церковно-служителях.

В 1808 году семинарии были реформированы. Они были рассечены на духовные училища и семинарии. Была создана для них обширная энциклопедическая программа, при действительном осуществлении которой семинарии должны были бы оставить за собой и гимназии. Сибирские семинарии были реформированы по новому уставу значительно позднее—так Тобольская была преобразована в 1818 году. Реформа, однако, мало что изменила во внутреннем строе духовноучебных заведений, отразившись лишь на внешней структуре и программах.

Для характеристики духовной школы этого периода мы имеем два ценных и интересных документа. Это во 1-х неоконченный роман преподавателя Иркутской семинарии и гимназии и редактора газеты «Сибирь» М. В. Загоскина «Магистр», отпечатанный без подписи в сборнике газ. «Сибирь» 1876 г. и во 2-х «Автобиография» известного сибирского историка и публициста С. С. Шашкова, отпечатанная в газ. «Восточное Обозрение» 1882 года.[74]).

Роман Загоскина изображает Иркутское Духовное училище 40-х годов прошлого столетия яркими художественными штрихами, не уступающими знаменитым «Очеркам бурсы» Помяловского и не расходится с ними в общем наброске жизни Иркутской бурсы. Отдельные места его трудно читать без содрогания—так ужасна рисуемая автором картина той казармы—монастыря, в которой приходилось учиться детям духовенства. Не удивительно, что они бежали, замерзали, топились или делались полуидиотами.

Автобиография Шашкова рисует его обучение в Иркутской семинарии, в средине 50-х годов. В духовном училище автор почти не учился. «Самого меня, признается он, бурса ужасала. Некоторые из знакомых мне певчих и упомянутый Михайло рассказыва-

---

[74]) Вост. Обозрение 1882 г. № № 27—39.

ли мне ужасные вещи о розгах, в которые палач бурсы К. вплетал тонкие проволоки, об инспекторе М., который однажды дал какому то ученику 1000 розог и засек его до смерти и т. п.». Непривлекательными красками он рисует и самую внешность бурсы. «Старое здание училища, в котором прежде помещалась семинария, с громадным двором, с темными и холодными корридорами, наводило тоску. Классы зимой никогда не топились и все сидели в шубах. В жилых комнатах вонь и грязь превосходили всякое представление». Пребывание в первом классе семинарии—риторике—автор описывает так. «Сечения в семинарии вовсе не было, но ректор Нифонт и некоторые учителя нередко били семинаристов, как солдат». Среди учителей были светлые личности, которых с теплым чувством вспоминает автор воспоминаний (в том числе автор романа «Магистр» М. В. Загоскин), но им приходилось давать ученикам светские книги читать тайком от педанта инспектора, вообще не признававшего чтения светских книг. Описывая обучение в следующем классе семинарии—философии—Шашков говорит: «По переходе в философию занятия сделались разнообразнее, и уже не ограничивались долбней: мы занимались физикой, ворочали мозгами над вопросами логики и психологии, и я дополнял чтением то, что узнавал в семинарии. Ректор и инспектор были уже новые и несколько лучше старых. Наступление нового царствования действовало возбудительно на молодые умы. Я начинал уже интересоваться общественными вопросами». В следующем высшем классе семинарии—богословии—учеников мучили проповедями. Иронизируя над составлением их по вековому трафарету (или путем прямого списывания), автор попутно отмечает развивающее действие на семинаристов его времени массы сочинений, которые им приходилось писать за время обучения в семинарии. Вместе с тем Шашков дает представление о громадности семинарского курса, перечисляя предметы входившие в него до реформы семинарий в 60-х годах.

«Я обучался, говорит он, 40 предметам. Я учился: богословию 1) догматическому, 2) нравственному, 3) пастырскому, 4) гомилетике, 5) церковной археологии, 6) истории церкви, 7) истории русской церкви, 8) медицине, 9) сельскому хозяйству, 10) изъяснению священного писания, преподававшемуся в течении 6 лет, 11) герменевтике, 12) патристике, 13) библейской истории, 14) логике, 15) пению, 16) русской истории, 17) минералогии, 18) зоологии, 19) ботанике, 20) физике, 21) всеобщей истории, 22) православному исповеданию веры, 23) учению о богослужении, 24) землемерию, 26) пасхалии, 27) риторике и пиитике, 28) алгебре, 29) геометрии, 30) географии, 32) русской грамматике, 33) славянской грамматике, 34) арифметике, 35—40) языкам латинскому, греческому, еврейскому, монгольскому, француз-

скому, немецкому». После сделанного перечисления ясно, конечно, что обучение многим из названных предметов было лишь фикцией и делается понятен рассказ автора, как многие экзамены при нем были комедией по молчаливому соглашению учащихся и преподавателей.

Дальнейшее развитие духовного образования в Сибири.

В 1858 году к двум старейшим сибирским семинариям присоединяется третья—в Томске. В эти же годы в Якутск переносится духовная семинария, в зародышевом состоянии существовавшая в Русской Америке. Открываются кое где новые мужские духовные училища. Внутренний строй семинарий и духовных семинарий изменяется. Программа семинарий и училищ принимает тот вид и содержание, которое они имеют до наших дней, до ликвидации всех дух. проф. школ советской властью. Курс духовных училищ устанавливается в 4 года, семинарий в 6 лет (четыре класса со смешанной программой—общеобразовательные и специальные предметы—и два класса с исключительно специальной программой). Окончившие 6-ой класс семинарий по первому разряду имели право поступать в духовные академии. Что же касается приема в светские высшие учебные заведения, то здесь не было определенной линии. Одно время семинаристы свободно принимались в университеты по окончании общеобразовательных 4-х классов, затем им разрешен был доступ лишь в окраинные университеты и в некоторые лицеи и институты; политическая весна 1905 года опять было раскрыла свободный доступ в высш. учеб. зав. для семинаристов, но последующая реакция снова привела к прежнему положению. В общем, семинаристы все время не признаются вполне равноправными с гимназистами, как и реалисты, но уже не из-за древних языков, а вследствие меньшего об'ема преподавания физико-математических наук. В действительности же, в ограничении приема семинаристов сыграли роль опасения Синода, что большинство семинаристов будет уходить в светскую высшую школу и общие политические соображения о нежелательности чрезмерно широкого расширения кадра русского студенчества.

По отношению к одной из сибирских семинарий—Тобольской—мы имеем данные за довольно большой период времени о том, куда ушли воспитанники семинарии, окончившие курс или выбывшие из школы до окончания курса. Данные эти чрезвычайно показательны. Автором статьи «П. Д. Головин» в «Тоб. Еп. Вед.» [75]) собраны сведения о судьбе 1367 воспитанников, обучавшихся при названном ректоре—Головине—между 1869 и 1905 годом. В

[75]) „Тоб. Еп. Вед.“ 1910—1911 г., ст. Н. Бирюкова „Протоиерей П. Д. Головин—ректор Тобольской Духовной Семинарии“.

духовные академии поступило по окончании курса 50 человек, по отношению к общему числу окончивших по первому разряду (со званием «студента семинарии»), это составляет 20%. В светские высшие учебные заведения поступило 140 человек, то есть, в два с половиной раза более.

Исключив из общего числа (1367 чел.) всех умерших во время обучения или вскоре по окончании курса, обучавшихся в момент собирания сведений в высших учебных заведениях и в семинарии и тех, о ком не получено никаких сведений, автор делает подсчет в отношении 967 чел., судьба которых и дальнейшая профессия ему известна. Оказывается, что на епархиальную службу поступили 660 чел. или 69% (в том числе священниками 459, дьяконами 42, псаломщиками 143 и учителями церк. прих. шк. 11), на гражданскую службу ушли 84 или 8,2%, в учителя светской школы—78 или 8%, на военной службе остались 14, газетными работниками 3 и на частную службу поступили 24. Из этих цифр видно, что семинарии довольно слабо выполняли свое профессиональное значение и, конечно, еще слабее бы выполняли его, если бы не рогатки, ставившиеся перед ними при поступлении на высшие учебные заведения. Связь этих рогаток с поступлением в вузы видна по годам. Историк Тобольской семинарии отмечает, что в 1878 году, когда семинаристы были допущены в университеты с дипломом 4 классов семинарии, из 18 перешедших в V класс ушли в университет 4, то есть, 22%, в следующем же году, когда потребовался аттестат зрелости—в университет ушел лишь один; с 1888 года, когда семинаристов стали принимать в Томский университет «обильный поток воспитанников Тобольской семинарии хлынул в светские школы; своего апогея поток этот достиг в 1906 г.» Из приведенных показательных сведений видно, что духовная семинария не была чисто специальной школой и стремилась стать в действительности общеобразовательной школой лишь с преимущественным сословно-профессиональным характером. Мы говорим «преимущественно», так как и сословность в ней не была строго выдержана: в составе учеников Томской семинарии в 1900 году на 169 духовного звания приходилось 81 иносословных, т. е., 32%; 24% иносословных было в том же году в томск. дух. училище.

В начале второго десятилетия XX века в Сибири было уже семинарий (к старым прибавилась еще Благовещенская семинария) и духовных училищ. Число учащихся в 6-классных духовных семинариях колебалось между 200 и 300, в 4 кл. мужских духовных училищах между 100—250. С иносословных бралась плата 30—40 рублей. Существовали семинарии и училища на средства Госуд. Казначейства, местные епархиальные средства (сбор

в церквах и т. п.) и на сбор с приходящих иносословных и плату за пансионное содержание с детей дух. звания.

Сверх мужских духовных гимназий и прогимназий (семинарий и училищ), в средине века возникли и женские духовные гимназии. В Сибири начало им положено учреждением в 1854 году в Иркутске на средства купчихи Кузнецовой «Училища для девиц духовного звания». Начиная с 80-х годов эти училища под названием «женских епархиальных духовных училищ» распространяются по всей Сибири и открываются по одному на каждую епархию. В то время как семинарии имелись к началу войны не в каждой сибирской епархии и число их равнялось 5, женские епархиальные училища были везде и число их равнялось 8-ми. Оканчивавшие женск. еп. училища пользовались одинаковыми правами с гимназистками и часть их шла в высшие учебные заведения, часть выходила замуж, часть устраивалась учительницами. Ниже мы увидим как велик был процент епархиалок среди сельских учительниц Сибири. Здесь основное культурное значение наших епархиальных училищ. По всей программе они значительно уступали женским гимназиям, но за последнее время стремились приблизиться к ним. Учтя выбор многими из числа кончавших курс в епарх. уч. учительской профессии, за последнее время почти во всех жен. епарх. училищах Сибири были добавлены 7-ые классы (одногодичные и двухгодичные) с педагогическим назначением.

Таким образом и здесь перед нами не специальная школа, а общеобразовательная с сословным характером по социальному составу учащихся.

Военно профессиональное образование в Сибири XIX в.

Военно-профессиональное образование в Сибири прежде всего было представлено в Сибири гарнизонными или кантонистскими школами (еще иначе—военно-сиротскими отделениями). О жизни их, внутреннем строе и учебных программах мы имеем очень скудные сведения. Вагин [76]) утверждает, что они далеко не были так плохи, как этого можно было бы ожидать. В одной из этих школ—именно Иркутской—Сперанский впервые в Сибири применил модный в то время на Западе, самый передовой по тому времени, метод взаимного обучения (Ланкастерский). В 60—70-е годы военно-сиротские отделения были или преобразованы в военные прогимназии или упразднены. Но и военные прогимназии, существовавшие в Омске и Иркутске, как таковые просуществовали недолго. К концу XIX века военно-профессоинальное образование в Сибири было представлено двумя типами учебн. заведений: юнкерское училище в Иркутске, возникшее ввиде такового в

[76]) Вагин „Истор. сведения о деят. гр. Сперанского в Сибири“ т. II, гл. о нар. образ.

70-ые годы, и кадетские корпуса в Хабаровске и Омске. Хабаровский возник в конце века, Омский преобразован из Войскового училища, открытого в 1813 году. Первоначально оно имело узкую програму—чистописание, арифметика, русская грамматика и было расчитано на 20 учащихся. В ближайшие же годы програма была расширена включением закона божьего, математики, физики, новых языков, поднялась, таким образом, до уровня гимназии и самое число воспитанников было расширено сначала до 70, а в 1820 году дошло уже до 300. Далее, в программу Войскового училища были введены военные науки, преподавание ветеринарных наук и татарского языка. Последние нововведения об'яснялись положением училища—в центре Степного края, на границе земель киргизов. В результате принятых мероприятий и хорошего подбора преподавателей в половине столетия Омское Войсковое училище представляло собою одно из лучших в России средних учебных заведений. [77]).

Кадетские корпуса были средним учебным заведением вполне соответствующим мужским гимназиям или правильнее реальным училищам, так как в програму их не входили древние языки. Курс обучения в них был 7-летний. Самое значительное отличие их от общеобразовательных средн. школ заключалось в преподавании военных наук и, главное, во внутреннем строе, в режиме, проникнутом кастовым духом, шагистикой.

Чисто специальный характер, почти без оттенка общеобразовательной школы, носили юнкерские училища. Кроме них, как на специальные военные школы низшего уже характера надо указать на существовавшую в 60-х годах в Иркутске школу военных писарей и на школы военных ветеринарных фельдшеров в Иркутске и Омске. Все эти школы были малочисленны по своему составу и не имеют серьезного значения в истории сибирского просвещения.

Другие специальные школы.

Помимо духовных и военных школ в Сибири в первой половине XIX столетия мы имеем еще следующие виды специального образования: обучение языкам туземцев, и народов крайнего Востока, навигации, геодезии, горному искусству, ветеринарии и профессиональные низшие училища для детей канцелярских и почтовых чиновников (мелких служащих) в Тобольске и Иркутске.

Изучение туземных языков (остяцкого, татарского и бурятского) и языков восточных народов (китайского, монгольского, манчжурского) было организовано в обоих сибирских семинариях и гимназиях. Об учреждении классов китайского, японского и мон-

[77]) „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1836 г. № 12 в смеси заметка „Педагогич. Сборник“ 1879 г., № 9 — „Ист. очерк сибирской военной гимназии“.

гольского языков при Иркутском Главном народном училище мы уже говорили выше и попутно изложили его печальную историю. Преподавание татарского языка в Тобольском Главном народном училище, повидимому, было также кратковременно и, очевидно, не удержалось в гимназиях. Можно считать, что в XIX веке лишь в семинариях для целей миссионерства изучение туземных языков продолжалось втечение всего столетия. Конечно, оно не могло быть поставлено серьезно и фактическое его преподавание стояло в полной зависимости от лиц, на которых оно было возложено.

Еще в XVIII веке в Омске была учреждена специальная школа для изучения туземных и восточных языков—Азиатская школа (1789 год). Практическое назначение ее было—готовить переводчиков, столь необходимых при пограничных сношениях с еще неокончательно присоединенной и усмиренной Средней Азией. В 30-х годах прошлого столетия в Омской Азиатской школе было 25 учащихся, из которых 20 учились татарскому языку, 5 манчжурскому и монгольскому. В училища принимались только казачьи дети, позднее стали приниматься и дети киргиз и татар, состоящих на государственной службе. Из общего числа учащихся в Азиатской школе наиболее способнейшие посылались в Казанский университет для дальнейшего продолжения образования. С введением в курс школы закона божьего, истории, географии, математики, она приближалась к типу средних школ. Но в 1836 году, как самостоятельное учреждение, она была упразднена, а ученики ее переведены в Омское Войсковое Казачье училище, при котором были открыты, так называемые, азиатские классы. Впрочем и при Войсковом училище преподавание восточных языков удержалось недолго—в 60-ых годах оно было упразднено.[78]). Некоторое время восточные языки (татарский и киргизский) преподавались при Омской школе кантонистов (военная прогимназия).

Практические потребности жизни—соседство с Востоком, постоянные торговые и иные сношения с ним,—вызывали особенную потребность в изучении китайского и монгольского языков в Восточной Сибири. В первой половине века мы видим здесь несколько попыток организации таких школ. В 1813 году купец Игумнов организует небольшую русско-монгольскую школу в Верхне-Удинске, такая же школа организуется в Троицкосавске, (позднее она была перенесена в Селенгинск), русско-китайская школа открывается в Кяхте.[79]). Все это были небольшие школы начального типа, возникновением своим они обязаны частной инициативе и

---

[78] Журнал Мин. Нар. Прос̌в. 1836 г., № 12 в отделе смеси заметка „Акмол. Обл. Ведом. 1873 г., № 16—18 Золотов, Вр. ист. оч. бывшей Омской Азиатской Школы“.

[79]) По Щеглову „Хронолог. перечень важн. данных из истории Сибири“.

в конечном итоге не оказались жизнеспособными. Повидимому, для удовлетворения практической потребности того времени было достаточно практическое, нешкольное научение языку при постоянных соседственных отношениях.

Государственные умы того времени, как Сперанский, не были чужды идеи организации в Сибири специальной школы для изучения восточных языков. Но печальный опыт восточных классов при Иркутской гимназии и общие соображения, приведенные в цитировавшемся выше письме Цейдлера, заставили Сперанского отказаться от мысли об открытии Азиатского училища в Иркутске.[80]). Позднее проект Магницкого об учреждении в Барнауле отделения Казанского университета предусматривает изучение в нем восточных языков для подготовки лиц, подготовленных как для дипломатической службы в Китае и Японии, так и для торговых сношений с этими странами. Проект Магницкого, как известно, не получил осуществления.

Только в конце XIX столетия с открытием в 1897 году во Владивостоке Восточного института—высшего учебного заведения с 4-х-летним курсом—дело изучения востока и восточных языков становится в Сибири на прочный и правильный путь. В 1920 году к Восточному институту во Владивостоке присоединяется Отделение Восточных языков (с курсами востоковедения) при Гумманитарном факультете Иркутского университета. До учреждения Восточного института изучение восточных языков сосредоточивается в России на Восточном факультете Петербургского университета и в Лазаревском Восточном институте в Москве. Изучение некоторых туземных языков в Сибири было организовано на Историко-Филологическом факультете Казанского университета и в Казанской духовной академии (после открытия Истор. Фил. факультета Томского университета в кратковременный период его существования по 1922 год при нем была сделана попытка преподавания киргизского языка).

Изучение навигации (мореходного дела), мы имеем в Охотской Навигацкой школе, с грехом пополам (см. выше) существовавшей втечение всей первой половины XIX века,—когда она прекратилась, точно указать не могу. В середине века мореходное училище существовало в Николаевске на Амуре; в 80—90-х годах существовали мореходные классы в Тобольске (открыты в 1883 г.) и Владивостоке. Первая в 1894 году имела 20 учащихся. В 900-ые годы мореходные классы в Тобольске уже не были, училище дальнего плавания было во Владивостоке и Речное училище в Благовещенске.

---

[80]) Вагин „Ист. свод. о деят. гр. Сперанского в Сибири", т. II—прил. к гл. о нар. обр. (письмо Цейдлера).

Геодезические классы, взамен прежней Навигацкой школы, некоторое время существовали при Иркутской гимназии, пока в 1836 году не были окончательно упразднены (юридически, фактически они умерли много ранее). Обучение горному искусству существовало в Барнаульском Горном училище, открытом в 1779 году и преобразованном в 1789 году и 1837 году. Это была профессиональная и вместе с тем по существу обще-образовательная средняя школа: в нее принимались дети служащих горного ведомства, по курсу она соответствовала реальным училищам, окончившие курс шли или на службу горного ведомства в качестве техников или по канцелярской части, или поступали в Горный и Технологический институты. Отсутствие в Барнауле нормальной общеобразовательной средней школы, которая предоставляла бы права поступления во все высшие учебные заведения, вынуждала местное общество хлопотать о преобразовании училища в гимназию. В 70-ых годах это ходатайство было утверждено высочайшей властью, но далее не было осуществлено и лишь в 1897 году было произведено преобразование Барнаульского Горного Окружного училища, и то не в гимназию, а в Реальное училище. [81]).

Тобольское училище для детей почтовых чиновников и Иркутское училище для детей канцелярских служителей, существовавшие в 20—40-ых годах прошлого столетия были низшими элементарными школами, из которых способнейшие могли переходить в гимназии. Учащиеся в них содержались на казенный счет, за что обязаны были прослужить определенное количество лет на казенной службе. [82]). К этим школам близко подходят устроенные в Омске в конце 60-ых годов училища для крестьянских и киргизских детей для подготовки их к писарским должностям. Все эти школы существовали ограниченное количество времени и не оставили после себя серьезного следа.

Специальное образование в Сибири во второй половине XIX и в начале XX столетия.

Во второй половине века в Сибири появляются и обнаруживают наиболее сильный и быстрый рост—новые виды специального образования: образование техническое, сельско-хозяйственное, коммерческое, землемерное, педагогическое. Появление и развитие их вызвано и обусловлено новыми условиями жизни, потребностями новой экономической и культурно-общественной жизни края.

Учреждение первой технической школы в Сибири относится к 70-ым годам. В 1873 году, открытая в 1865 году, Иркутская Ре-

[81]) Сборник „Алтай“ гл. о нар. образ.; „Сиб. Газета“ 1887 г., № 52—юбил. заметка.

[82]) Вагин, т. II, Щеглов „Хронол. перечень“.

альная Прогимназия была преобразована в Среднее Техническое училище с 6-ью (позднее с 7-ью) классами. Первоначально оно состояло в ведении Министерства финансов, затем вместе с прочими учебными заведениями этого типа перешло в Министерство Народного просвещения и, наконец, опять возвратилось в Министерство финансов (и позднее, Министерство Торговли и промышленности). Программа Иркутского Технического училища включала в себя общеобразовательные предметы, специальные (прикладная механика, химия, технология, горно-искательское дело, бухгалтерия, счетоводство) и практические занятия. Для ведения последних училище располагало специальными механическими мастерскими. Курс был очень обширный, вкруг обязательных занятий учеников старших классов входили осмотры фабрик и заводов, летом производилась с'емка планов и проч. Большинство учащихся принадлежали к среднему сословию—дети купцов и мещан (из 192 учеников училища в 1891 г. дети купцов и мещан составляли 70%—131 человек, детей чиновников и духовных было 37, сельских состояний 24). Содержание в значительной мере лежало на городском обществе и в меньшей степени на казне (в 1891 г. из 46.640 руб., расходовавшихся на его содержание, поступило от Городского Общества 23.728 руб., т. е., 50%, из Государственного Казначейства 14.000, т. е., 30%, от платы за обучение 8.735 руб. и разных источников 75 руб.). В 1890 году училище было преобразовано в Промышленное в составе 9 классов: 5 общеобразовательных, соответствовавших 5-ти классам реальных училищ и 4 специальных, соответствовавших курсу механико-технического училища. Училище пользовалось большой популярностью среди местного общества, неоднократно получало крупные пожертвования на свое расширение и оборудование и, хотя не отличалось большим количеством учащихся, за время своего существования выпустило значительное количество техников, обслуживающих различные предприятия и учреждения восточной Сибири.[83]).

Вторым техническим учебным заведением Сибири было Омское Механико-техническое училище, открытое в 1882 году в составе 4-х классов и преобразованное в 3-х классное по новому уставу 1890 года. В противоположность Иркутскому, оно не имело характера средней общеобразовательной школы со специальным уклоном и было чисто специальной школой без общеобразовательных предметов. В него принимались окончившие начальное училище. В 1887 году в Омском Техническом училище было 59 учащихся в возрасте 14—21 год. Социальный состав учащихся определяется следующими цифрами: детей чиновников 8, духовного звания 2, детей купцов, мещан и ремесленников—22, детей кре-

---

[83]) См. „Вост. Сиб. Календарь 1875 г." и „Обзор Мин. Нар. Пр. 1881—1894 г.".

стьян 22, казаков 1 и инородцев 4. Окончило курс в 1887 году—6 человек, из них трое поступили слесарями на завод, один мастером цеха в Омском же училище, 1 на писчебумажную фабрику и 1 открыл свою мастерскую. У половины учеников (27 человек) родители проживали в городе Омске. На открытии Омского Технического училища дело технического образования в Сибири надолго остановилось. Лишь в годы, последовавшие за революцией 1905 года, под влиянием указаний прессы и Сибирских депутатов Министерство Народного Просвещения открыло такое же Техническое училище с осени 1914 года в Барнауле.[84]).

Близко к типу Омского Технического училища подходят также 3-х-классные Технические училища, открытые для детей железнодорожных сужащих в 900-ые годы по линии Сибирской железной дороги. Первое из них—Томское—было открыто в 1902 году. В 1912 году в нем было 67 учащихся. Для поступления в училище необходимо было представить свидетельство об окончании начальной школы не ниже 2-х-классного училища. К началу войны в Сибири было 4 таких училища: в Омске, Томске, Красноярске и Хабаровске. Содержались они всецело на казенный счет, из доходов Сибирской железной дороги. Оканчивавшие курс их шли мастерами и техниками в железнодорожные мастерские, депо, машинистами и т. п.

В 900-ых годах в Сибири появляются первые Коммерческие средне-учебные заведения. История этих учебных заведений представляет собою любопытную страницу в истории сибирского просвещения (равно как и в России). Это были обыкновенные общеобразовательные средне-учебные заведения с 7-ми—8-ми летним курсом, нечто среднее между реальным училищем и гимназиями, без древних языков, с усиленным преподаванием новых языков, естествознания, математики, с добавлением в качестве специальных предметов бухгалтерии, счетоводства, экономической географии и политической экономии.

Оканчивавшие курс коммерческих училищ в отношении поступления в высшие учебные заведения приравнивались к реалистам. Особенностью коммерческих училищ заключались не в их программе, а в том, что они находились в ведении Министерства финансов, позднее Министерства Торговли и промышленности. При той тяжелой атмосфере, которая царила в Министерстве Народного Просвещения и характеризовалась приведенными выше Деляновскими циркулярами о неприеме кухаркиных детей, подбором директоров и педагогов, получивших классическое наименование «человеков в футлярах»,—это обстоятельство было большим плюсом для развития количественно и качественно коммерческого

---

[84]) Изв. из отчета Попеч. Зап. Сиб. Уч. Округа 1887 г.

образования в России. Частная инициатива в деле организации среднего образования пошла по пути коммерческого образования, тем более, что купечество, к эпохе 900-ых годов уже значительно изменившейся по сравнению со своими дедами и прадедами, легче других общественных групп могло обеспечить содержанеим подобные учебные заведения. Открытие средних коммерческих училищ Министерством Торговли и промышленности разрешалось более быстро, с меньшими формальностями, чем открытие гимназий и реальных училищ Министерством Народного Просвещения; внутренний режим в них был свободнее; доля влияния родителей естественно больше и возможности проникновения нового педагогического духа гораздо шире. При большей материальной обеспеченности, благодаря щедрой поддержки крупных коммерсантов и городских самоуправлений, они были лучше оборудованы учебно-вспомогательными учреждениями.

В результате при высокой плате за обучение (так в Томске плата за учение в Коммерческом училище равнялась 100—120 рублям против 55 руб. в реальном училище и 60 р. в гимназиях) коммерческие училища привлекли к себе детей всех сословий, стали по существу всесословными, неузко профессиональными как должно бы быть; в отношении своих конечных итогов они также не отличались от нормальной общеобразовательной школы. Так из 23 человек первого выпуска Томского Коммерческого училища в 1909 году поступили в технологический институт 19 человек. Коммерческие училища, на ряду с частными и учебными заведениями 1-го разряда, были в Сибири первыми средними учебными заведениями, осуществившими после первой русской революции 1905 года смешанное обучение мальчиков и девочек (Тюменское Коммерческое училище). Перед войной в Сибири было 6 Коммерческих училищ: в Тюмени, Омске, Томске, Иркутске, Чите, Владивостоке. Каждое из них имело довольно значительное количество учащихся.

Старейшее и наиболее замечательное из них—Томское. Мысль об учреждении его зародилась в среде Томского купечества в 1896 году, когда купеческое общество установило специальный сбор на купеческие документы в фонд имеющего быть открытым училища. Ряд крупных купеческих пожертвований дал возможность уже в 1901 году открыть училище. В 1911—1912 учебном году в Томском Коммерческом училище насчитывалось 365 учащихся и было 8 классов: 6 основных и 7-й—8-й с двумя специальными отделениями: коммерческим и землемерным. По сообщению «Коммерческой школы и жизни» в 1910 году среди общества распространения коммерческого образования в Томске, содержавшего Коммерческое училище, возникла мысль о преобразовании его в Коммерческую академию. Эта идея, однако, не была осуществле-

на, а училище подверглось в 1912 году иному преобразованию: оно было преобразовано в среднее Политехническое училище с 3-мя специальными отделениями: Коммерческим, Землемерным и Горным. Томское Политехническое училище было первым средне-учебным заведением подобного типа не только в Сибири, но и вообще в России. Впоследствии при советской власти оно преобразовано в Практический Политехнический Институт.

На ряду со средними коммерческими учебными заведениями в Сибири после 1910 года возникают низшие коммерческие училища—Торговые школы и классы (Омск, Тобольск, Томск, Красноярск и Иркутск). Все эти училища, как и средние коммерческие, возникают благодаря инициативе возникающих в некоторых из Сибирских городов обществ распространения Коммерческого образовании, в своей деятельности руководствовавшихся примером Московского общества распространения коммерческого образования. Кое где они возникают и существуют по инициативе и поддержке приказчичьих профессиональных об'единений.

Как и в отношении средних коммерческих училищ, необходимо отметить тенденцию и этих коммерческих школ превращаться в школу обще-образовательную, сохраняя за собой специальность лишь в названии да в присоединении некоторых предметов. Так в Томской первой Сибирской Торговой школе, основанной в 1911 году с 4-х летним курсом по первоначальной программе ее, из 110 обязательных уроков во всех классах на специальные предметы приходилось только 27 часов. В Томскую Торговую школу принимались окончившие двухклассное сельское и городские начальные училища, материальные источники для содержания школы в 1911—1912 году складывались из 3.000 рублей субсидии Министерства Торг. и промышл., 3.000 субсидий Городского о-ва и плата за обучение (30—40 рублей в год).[85]

К 900-м же годам, после 1905 года, относится учреждение в Сибири средних землемерных училищ. К 1915 году их было 3 в Омске, Красноярске и Чите. Находились они в ведении Министерства Юстиции и, судя по сообщению «Сибирских вопросов», открытие первого из них возникло по инициативе групп сибирских депутатов Государственной Думы. Впоследствии в эпоху Советской власти Омское землемерное уч-ще преобразовалось в высшее учебное заведение—Межевой институт. Незадолго до войны были открыты два средних Сельско-Хозяйственных уч-ща—одно в Западной Сибири в Омске и другое в Восточной Сибири—Жердовское под Иркутском. Первое из них послужило зародышем Сельско-Хозяйственного института (ныне Сибирская Сельско-Хозяйственная

[85]) Сборник „Город Томск“ 1912 г.

академия). Втечение 900-ых годов сеть специальных школ в Сибири пополняется учреждениями ряда нисших специальных школ —сельско-хозяйственных, лесных, молочного хозяйства.

К 70-ым годам прошлого столетия относится появление в Сибири первых специальных учебных заведений педагогического назначения. В 1873 году были открыты учительские семинарии в Омске, Красноярске и Иркутске. Открытие этих учительских семинарий таким образом не отставало от открытия учительских семинарий в России, впервые основанных по уставу 1872 года. Но в то время, как в Европейской России, втечение второй половины XIX века число учительских семинарий хотя и медленно возростало, в Сибири на 3-х учительских семинариях дело специально-педагогического образования остановилось на долгий ряд. Лишь в 1903—1904 г.г. были открыты еще 2 Учительские семинарии в Западной Сибири: в селе Павловском (позднее переведена в Ново-Николаевск) и в городе Семипалатинске. Далее между 1910 и 1916 г.г. открыты учительские семинарии в Западной Сибири в городах Ялуторовске, Тобольске, Барнауле и Акмолинске. Года открытия учительских семинарий в Восточной Сибири точно указать не могу, во всяком случае все они открыты после 1900 года. К 2-м старым семинариям Иркутской и Красноярской за эти годы до войны 1914 года присоединились Учительские семинарии в Минусинске, Нижне-Удинске, Чите и Никольско-Уссурийске. Первые Учительские семинарии были все мужские и лишь в числе самых позднейших по открытии мы находим Женские Учительские семинарии. (Ялуторовская, Никольско-Уссурийск).

В Европейской России почти одновременно с открытием первых учительских семинарий были открыты учительские институты—Педагогические учебные заведения, предназначенные для подготовки учителей повышенной народной школы (уездные училища, городские 1874 года), в то время как Учительские семинарии должны были готовить учителей для обыкновенной начальной школы. В Сибири первый Учительский институт открывается в городе Томске в 1902 году, второй Учительский институт был открыт в Иркутске в 1909 году, третий в Омске в 1912 году. Между 1912—1916 г. открывается еще 2 Учительских института в Тобольске и Красноярске. Число учащихся в Учительской семинарии в 1915 году колеблется между 50 и 100. Содержание их всецело лежит на государственном Казначействе при небольших субсидиях из земских сборов и Городских Управ. В Учительских институтах Западной Сибири в 1915 году училось в Томском 79 человек, в Омском—52 человека. Содержание их также почти целиком лежало на Государственном Казначействе. До самых последних лет Учительские семинарии считались нисшими учебными заведениями, а Учительские институты—средними, (стоящими,

однако, вне связи с высш. учеб. заведениями). Закон 14 июня 1917 года преобразовал учит. семинарии в средние учебные заведения, а Учительские институты приблизил к типу высших учебных заведений. Но так как издание закона совпало с революцией и началом гражданской войны, практическое значение этого закона не успело достаточно проявиться.

К 1 января 1919 года в пределах Сибири было:

учит. инст. Зап.-Сиб.—4, Вост. Сиб.— 4, всего— 8.
учит. семин. » » 8, » » 17, » 25.

К числу специальных педагогических учебных заведений необходимо также причислить краткосрочные-годичные педагогические курсы при некоторых высших Начальных училищах и Женских училищах, возникшие во 2-ой половине 900 годов ввиду недостаточности числа учителей, выпускаемых из учительских семинарий. По данным Памятной Книжки Западно-Сибирского учебного округа за 1916 год, в 1915 году в Западной Сибири такие курсы существовали: при Томском Городском училище—23 учащихся, Петропавловском Городском училище—45 учащихся, Павлодарском 40 учащихся и Усть-Каменогорском—38 учащихся.

Специально-педагогический характер имели также 8-ые классы женских гимназий и дополнительные классы Женских Епархиальных училищ. В Духовном ведомстве целям подготовки Учительского персонала в церковных школах служили церковно-учительские второклассные школы и практические занятия учеников старших классов духовных семинарий в образцовых начальных училищах, устроенных при семинарии. Число Церковно-Учительских школ в каждой епархии равнялось от 1 до 3, по своей постановке они далеко уступали учительским семинариям.

Значение первых Сибирских учительских семинарий в истории Сибирского просвещения было достаточно серьезным, как видно из данных о педагогическом персонале начальных школ Сибири, относящихся к концу XIX века. В дальнейшем же, при большом количественно росте начальных школ в Сибири, учительские семинарии, даже при увеличении числа их, не могли дать заметного числа учителей и учителя с образованием Учительской семинарии тонут в общей массе учительниц с образованием женских гимназий и епархиальных училищ.

Глава VII.

Уездные училища. Городские по полож. 1874 г. Высшие Начальные Училища.

Уездные училища по уст. 1804 и 1828 г.

Уездные училища, по мысли устава 1804 года, открывались для того, чтобы «открыть детям различного состояния необходимые

понятия, сообразные состоянию их и промышленности» и учреждались во всех уездных городах империи на средства городских обществ. По программе своей они соответствовали второму классу бывших малых и главных народных училищ, представляя собою естественное продолжение приходских училищ. В них изучались русская грамматика, арифметика, закон божий, чистописание, начальные понятия из истории и географии (преимущественно отечественных), книга о должностях человека и гражданина. В 1828 году по новому уставу гимназий, уездных и приходских училищ в программу уездных училищ были введены незначительные изменения. Вместе с тем, при издании нового устава подчеркнуто, что целью уездных училищ является «детям муж. пола купцов, ремесленников и других городских обывателей вместе со средствами лучшего нравственного образования доставить те сведения, кои по образу жизни их, нуждам и упражнениям могут им быть наиболее полезны». В числе положительных изменений, внесенных нов. уст., отметим: бесплатность обучения, расширение числа учителей, переход от классной системы преподавания к предметной, допущение преподавания дополнительных практических предметов в старшем классе: сельского хозяйства, делопроизводства, бухгалтерии, начал технологии. [Впрочем, улучшающие дело предложения устава мало прививались—за недостатком учителей, ненахождением желающих обучаться новым предметам и пр. Лишь в позднейшие годы—в 60—70-ые—мы встречаем в уездных училищах Сибири курсы бухгалтерии, немецкий и латинский языки, даже чтение лекций по гигиене (напр. в Ялуторовском уч-ще) и ознакомление с судопроизводством (Томское уездн. училище)]. В то же время устав 1828 года, в связи с новыми веяниями, усиливал религиозный элемент в преподавании и воспитании; для позднейших лет характерно ограничение поступления в уездные училища детям солдатским, считая для них достаточным обучение в кантонистских школах.

Уездные училища в Сибири в первой половине XIX ст. открытие их.

Столь же медленно, как преобразование главных училищ в гимназии и открытие новых гимназий, шло и преобразование малых училищ в уездные и открытие новых уездных училищ. Первые уездные училища были открыты одновременно с преобразованием Иркутского главного училища в гимназию—в Иркутске и Верхнеудинске в 1806 году. В Западной Сибири первые уездные училища были открыты одновременно с преобразованием в гимназию Тобольского главного училища в Тобольске в 1810 г. и в Томске в 1811 г. В промежутке между 1806 и 1811 г. в Вост. Сибири были открыты уездные училища в Якутске (1809) и Троицкосавске (1811). Преобразование остальных малых народных училищ

сильно затянулось: между 1817—26 г.г. были открыты уездные училища в Нерчинске, Красноярске, Ялуторовске, Кургане, Нижнеудинске, Киренске, Таре, Туринске, Березове, Ишиме, Каинске, Кузнецке, Ачинске. В самом конце первой половины столетия открыты первые уездные училища в степных областях—в Омске и Семипалатинске 1859)[86]).

Учащиеся в уездных училищах Сибири в первую половину XIX в.

Как и гимназии, уездные училища в начале своего возникновения не отличаются многолюдством. С большим трудом приходится привлекать в них учащихся. Так, в Томском уездн. училище между 1833 и 1856 г. ежегодное количество учащихся выражалось в следующих цифрах: 55, 54, 34, 46, 47, 69, 56, 63, 53, 63, 52, 49, 35, 41, 43, 48, 47, 41, 42, 41, 41, 44, 56; в Ялуторовском уездном училище число учащихся колебалось между следующими цифрами; с 1817 г. по 1836 г. 30, 33, 29, 34, 29, 50, 33, 23, 27, 33, 43, 42, 51, 50, 43, 47; с 1837 по 1856 г.,—69, 65, 67, 62, 64, 49, 33, 29, 40, 48, 52.[87]). Столь же невелико было число оканчивавших эти училища: в Ялуторовском число оканчивавших ежегодно курс колебалось за те же годы между 3—7 (лишь в одном случае 11, да в другом 17 чел.) также, и в Томском—между 2 и 5 в год.

Для средины 60-х годов мы имеем более подробные цифры по всем уездным училищам Западной Сибири. В 1863 году число учащихся в 13 уездн. уч. было 678 в среднем 52 на училище или по отдельным училищам от 29 до 108 (29 Курганское, 33 Кузнецкое, 30 Тарское, 33 Березовское, 33 Туринское, 43 Каинское, 45 Семипалатинское, 47 Ялуторовское, 51 Томское, 48 Ишимское, 87 Тобольское, 101 Тюменское, 108 Омское). Число окончивших курс по всем училищам равнялось 92, что составит 13,5% общего числа учащихся; по отдельным училищам оно составляло от 3% де 40% учащихся (Томское 4, Каинское 4,6, Березовское 3, Тюменское 6, Семипалатинское 11, Тобольское 11,5, Кузнецкое 12, Туринское 9, Ялуторовское 13, Омское 21, Ишимское 23, Курганское 24, Тарское 40%). В абсолютных цифрах число окончивших курс колебалось от 1 до 23 (Березовское 1, Томское 2, Каинское 2, Туринское 3, Кузнецкое 4, Семипалатинское 5, Ялуторовское 6, Тюменское 6, Курганское 7, Ишимское 11, Тарское 12, Тобольское 10, Омское 23). Социальный состав учащихся: при общем числе учащихся—678, было детей дворян и чиновников—132=18%, детей купцов, мещан 406=60,1%, детей ду-

---

[86]) Года открытия взяты из „Хронолог. перечня важн. соб. Сибири" Щеглова и „Извлеч. минист. отчета 1863 г. „ЖМНП" 1867 г. № 7.

[87]) По „Истор. зап. Томского уезд уч-ща" Мизюрева и Палопеженцева „Нар. обр. в Ялуторовске" (Ежег. Тоб. музея 1894 г.).

ховенства 15=2,0%, детей крестьян и ссыльных—135=19,9%. Средства существования—ассигнования из государственного казначейства и сбор за учение, в отдельных случаях—пожертвования почетных смотрителей. Так Ялуторовское училище имело 2530 р. от казны, 49 р. платы за учение и 200 р. от почетн. смотрителя; Омское—3298 руб. от казны и 316 руб. от платы за проучение и т. д. За 1867 год мы имеем сведения о числе учащихся в уезд. училищах по Восточной Сибири: Иркутское уч.—138 уч., 10 ок.; Нижнеудинское—28 уч., 3 ок.; Киренское—32 уч., 4 ок.; Красноярское—131 уч., 20 ок.; Енисейское 86 уч., 10 ок.; Ачинское 36 уч., 7 ок.; Якутское 84 уч., 9 ок; в уездных училищах Забайк. обл.—84 уч., 14 ок. [88]).

Преподаватели. Для подготовки учителей в уездные училища при каждой губернской гимназии предполагалось содержать определенное количество стипендиатов («казеннокоштных»), которые за это обязаны были прослужить на учительских должностях не менее 8 лет. Такой порядок до некоторой степени обеспечивал наличность учителей для уездных училищ, так как в противном случае, при скудости учительских окладов и возможности лучшей карьеры на гражданской службе, никто из окончивших гимназии в учителя не пошел бы. Само собой разумеется, что на стипендии для подготовки к учительству шли дети беднейших мелких чиновников, мещан, сироты, которые в противном случае были бы совсем лишены возможности учиться. Никакого соответствия с призванием здесь не было.

При всем том, в уездных училищах с первых дней их открытия и вплоть до конца обозреваемого нами периода замечалась громадная недостача в учительском персонале. Так, в Томском уездном училище первоначально был полный комплект учителей, но затем, остался один, которому пришлось исполнять должности остальных учителей, смотрителя и даже временно директора училищ; в следующем году перевелся и он и не стало ни одного учителя, так что исправление должности одного из учителей поручено было помощнику землемера, некоему Барсуку, окончившему курс в Пермской гимназии. [89]). В 1826 году Томский директор насчитывал 9 вакантных учительских должностей в 3-х уездных училищах губернии. Позднее, такие же неутешительные сведения мы имеем для Восточной Сибири. В 1874 году в 9 уездных училищах Восточной Сибири было 20 вакантных учительских мест и по отзыву местной учебной администрации «ввиду нет желающих занять их». В 1875 году в губернском городе Красноярске в уездном училище две учительские должности исправляли гимназисты VII класса. В Ниж-

---

[88]) „Журн. Мин. Нар. Обр." 1867 № 7 и ст. Линькова в Сиб. Архиве" 1912 г. № 7.

[89]) Чудновский „Ист. очерк разв. просвещения в Том. губ." Пам. кн. Том. г 1884 года.

неудинском уездном училище до 1875 г. арифметику преподавал местный телеграфист, после него—местный священник, законоучитель училища. [90]). Недостаток учителей, как видно из приведенных примеров, не устранялся даже крайним понижением требований, пред'являемых к учительству.

К недостатку учителей в уездных училищах присоединялась крайняя неудовлетворительность их. Так, в Томском уездном училище в 1829—30 г. был учителем некий Мельшанский, уволенный перед тем из Кузнецкого уездного училища Визитатором училищ Словцовым за пьянство и распутство. Кузнецкий смотритель его аттестовал следующим образом: «склонность к горячим напиткам давно мною была замечена в Мельшанском, постепенно дошла до крайности: ходит по кабакам, закладывает там с себя одежду, ходит в распутные места, имеет связь с людьми подозрительного поведения, пропускает уроки и, если иногда придет в класс, то в пьяном виде, в классе спит».[89]). Несмотря на такую рекомендацию Мельшанский был принят и прослужил в уездном училище губернского города целый год. В преподавателях зачастую замечался недостаток знаний. В отзыве Томского директора за 1825 г., говорится, что «учителя из семинаристов, хотя им в способности отказать нельзя, в предметах преподаваемых ими в уездных училищах мало сведущи: физикоматематические предметы им совсем не знакомы, а история и геометрия мало знакомы». Тот же директор, давая в 1831 году отзыв о письменных работах учеников Кузнецкого училища и речах старшего учителя говорит: «их стыдно показывать кому бы то ни было... даже в волостном правлении правила правописания и грамматики соблюдаются лучше, чем они соблюдены Ананьиным, учителем грамматики... речи его наполнены натянутым пустословием и умствованием, ни с возрастом учеников, ни с местными особенностями, несообразованным». [89]).

За всем тем, среди учителей уездных училищ и в глухое время 30—40 годов прошлого столетия попадаются светлые исключения. Так Чудновский приводит переписку, возникшую между Томской губернской администрацией и учителем Кузнецкого уездного училища некиим Колмаковым по поводу предложения последнему (в связи с каким то запросом из Петербурга) дать описание публичных орудий наказания, употребляемых и употреблявшихся в Кузнецке. Колмаков в ответ на предложение губернатора категорически отказался выполнить заданное, так как де он «до сих пор не имел таких занятий, которые бы тяготили честь и совесть других». Подобный ответ характеризует высокогуманитарное направление скромного захолустного учителя и представляют собою проявление большого по тому времени гражданского мужества.

[90]) Сиб. Архив 1912 г. № 3 „Из учебного мира“ (недостаток учителей в 70-ые годы.)

Общие условия существования уездных училищ в первой половине XIX века.

Отсутствие определенных казенных ассигнований, общее равнодушие местного общества к образованию своих детей, его прямое недоверие к казенной школе, дефекты в самой постановке казенной школы,—все это приводило к тому, что общее состояние уездных училищ в первой половине прошлого столетия было очень и очень печально. Официальные документы, извлеченные из архива старых уездных училищ и дирекций народных училищ, дают достаточно материалов в этом отношении. Приведем лишь некоторые из них.

В 1817 году Нарымское уездное училище, впервые за его существование (с момента учреждения малого народного училища), посетил директора училища. Он нашел в нем всего 8 учеников, из которых 1 обучался сокращенному катехизису, 2 «правилам для учащихся» и 5—букварю. Учитель об'яснил плохое состояние училища тем, что родители отбирают учеников до окончания курса, так как им «другие знания не нужны», родители об'ясняли нехождение детей в школу тем, что учитель сам далеко не всегда бывает в училище и просили дать им другого учителя.[89]). Состояние школьных помещений характеризуется донесением Томского губернатора от 1831 года, в котором последний писал: «дом, занимаемый Томским уездным училищем, по ветхости, крайней тесноте и низкому болотистому положению для сего помещения признан совершенно неудобным.... Дом Кузнецкого училища требует исправлений и пристроек... Дом Каинского училища пришел в столь ветхое состояние, что представляется совершенно необходимым выстроить новый» и т. д.[89]).

В 1821 году в Кузнецк приехал учитель Ананьин для открытия переведенного из Нарыма уездного училища. В своих донесениях по начальству он рисует такую плачевную картину. Дома, пожертвованные Кузнецким Городским обществом, он не может принять ввиду «разстройки» печей, окон, нечистоты двора и т. п.; на наем сторожа, на расходы по отоплению и освещению училища он не имеет средств. Временно учитель открывает занятия в своей квартире. К нему являются всего 3 ученика и с большим трудом число учащихся он доводит до 14. В то же время несколько десятков мальчиков и девочек учится у частных учителей. Эти учителя—комендантский писарь, унтер-офицерская вдова, под'ячие из казначейства и т. п.

В результате, считая себя не в силах конкурировать с ними, Ананьин возбуждает ходатайство о воспрещении преподавания частным учителям. «Доколе, пишет он, не воспрещено будет таковое преподавание, училище не может иметь твердого основания и я не

могу питать себя надеждами видеть отличных учеников по всем предметам, ибо я должен буду угождать прихотям родителей: учить тому, а не этому и т. д.». [89]).

Своеобразна история открытия Каинского уездного училища. Официально оно считалось открытым с марта 1822 года, а между тем фактически начало функционировать еще в августе 1818 года. Инициатором учреждения училища в Каинске был учитель Тобольского приходского училища Чудинов, предложивший в 1817 году пожертвовать в Каинске дом под училище, с условием, что он будет назначен его учителем. Условие было принято, Чудинов купил дом и пожертвовал его под училище, но переписка об открытии училища затянулась на несколько лет, так что Чудинову пришлось начать занятия не дожидаясь утверждения, каковое последовало лишь через 4 года.

Характерно также, что закрытие Нарымского училища и перевод его в Кузнецк было основано на приговоре Нарымского городского общества от 7 февраля 1823 года, которым о-во отказывалось от содержания училища ввиду своего «малолюдства и малосостоятельности». [89]).

Отзывы современников.

Среди мемуарной литературы старого времени мы находим два отзыва об уездных училищах 30-х—40-х годов прошлого столетия.

Томскому уездному училищу средины 30-х годов прошлого столетия посвящает несколько страниц в своих воспоминаниях поэт-журналист Н. В. Берг. [91]). Отец его в 1830—1834 г.г. служил в Томске Председателем Губернского Правления (вторая должность в губернии после губернатора). Будущий поэт учился в уездном училище, так как гимназия тогда еще не была открыта и уездное училище было «единственным в Томске казенным учебным заведением, в котором соединялись все классы и сословия: дворяне, купцы, мещане, солдатские дети и дети крестьян». В училище было тогда три учителя и смотритель, никаких воспитателей или надзирателей не существовало и «наблюдение за приходящими в училище с разных концов города учениками предоставлялось до прихода учителей двум сторожам, добродушнейшего свойства отставным солдатам, которые жили в особой каморке при училище и ни о каком наблюдении за учениками не думали». Интересен рассказ Берга о положении в училище детей различных сословий, соединенных в одни стены отсутствием других учебных заведений. «Дворянское сословие представлялось детьми чиновников, которые ходили в училище для проформы, чтобы только не

---

[89]) Чудновский.

[91]) Рус. Старина 1890 г. № 2.

повесничать и не баловаться дома; но учиться, как учились мещане, солдатские дети и крестьяне, никто из чиновничьих детей и не думал; учителя их никогда ни о чем не спрашивали, смотрели на них, как на сословие привилегированное, имевшее право ничего не делать. Сидели они на первой и второй лавке во всех трех классах, а плебеи держались на задних скамейках». Перед экзаменами учителя приглашали к себе на дом «благородных» и подготовляли к той части предмета, которую намерены были спросить и таким образом и экзамены не страшили этих баловней школы. Несмотря на такое, начальством проводившееся, разделение учеников по «чести» их родителей, автор воспоминаний отмечает, что ученики привилегированных сословий «держали себя относительно всех других сословий очень правильно, по дружески и просто,— и вся вместе куча ребят от восьмилетнего возраста представляла одно целое—веселый и живой кружок».

Другой отзыв принадлежит учителю Ялуторовского уездного училища 40-х годов, сибирскому публицисту Голодникову. В своих воспоминаниях он так характеризует то училище, в котором сам состоял учителем: «В училище не было определенного для занятий времени: смотритель и учителя приходили когда им вздумается и иногда в столь нетрезвом виде, что едва держались на ногах. От таких менторов ученикам, разумеется, порядочно доставалось: розги и оплеухи раздавались ими щедрой рукой. [92]).

Значение уездных училищ.

В исторической записке Томского уездного училища мы находим интересные данные о том, куда шли его ученики, оканчивавшие в нем курс. Сведения даны составителем за период между 1836 и 1890 г. Оказывается, что из 212 окончивших, о которых собраны сведения, поступило в средние и специальные учебные заведения для продолжения своего образования 49 чел., т. е., 20%, $^1/_5$ часть (в том числе в гимназию 8, в реальное училище 5, в учительскую семинарию 16, в техническое училище 6, в юнкерское училище 3, в ремесленное училище 3). Что касается остальных, то 90 чел. (42%) поступили на канцелярские должности в канцелярии, на полицейские должности, волостными заседателями, волписарями, 6 чел. сделались учителями, 22 поступили на телеграф, 2 ветеринарные фельдшера, 1 фармацевт, 3 псаломщика, на частную службу приказчиками, доверенными, управляющими пошли 33 (16%) самостоятельно занялись торговой деятельностью 26; музыкантов 6, рабочих-ремесленников 14 (столяры, наборщики, ямщик, парикмахер, разносчик). Выше мы приводили данные Вост. Сиб. Календаря об образовательном цензе чиновни-

[92]) „Сиб. Вестник“ 1888 № 2—3 „40 лет назад—из восп. сибир. учителя“.

ков Вост. Сибири, из которых видно, что 36% (184 из 515) всех чиновников получили образование в уездных училищах. Таким образом, в противоположность гимназиям, уездные училища не были промежуточною ступенью образования, а заканчивали, в подавляющем большинстве случаев, школьное образование своих воспитанников и поставляли главный контингент мелкого чиновничества.

При всей незначительности учащихся и оканчивавших курс, уездные училища поставляли для Сибири значительно больше, сравнительно с гимназиями, число получивших хотя бы и низшее образование. В этом их основное значение, заставляющее нас отвести им в истории сибирского просвещения до половины прошлого века более видное место, чем гимназиям.

Уездные и городские по положению 1874 года училища в 80-ые—90-ые годы.

В 1874 году было издано новое положение об уездных училищах. Новые училища получили наименование «Городских 1874 года» и представляли собой повышенный тип народной школы с 2-мя—5-ью классами, столь же обособленно стоящей от сети средне-учебных заведений (гимназий и реальных училищ) как и прежние уездные училища. От старых уездных училищ они отличались более повышенной программой и лучшей постановкой дела. Учителями в них предполагались лица, окончившие специальные педагогические учебные заведения—учительские институты. Преобразование уездных училищ в городские, по положению 1874 года, должно было происходить постепенно по мере подготовки учителей, нахождения соответствующих средств, постройки новых зданий и т. п.

Преобразование это затянулось на долгий ряд лет. Медленность преобразования министерский отчет (Обзор 1881—1894 г.) об'ясняет тем, что оно стояло в зависимости от воли городских обществ, которые при одинаковых правах уездных и городских училищ не спешили с преобразованием, требовавшим все же известных средств. За период времени 1881—1894 г.г. по всей Империи в городские училища были преобразованы лишь 30% уездных училищ. Но уже к 900-ым годам преобразование всех уездных училищ было закончено и по министерскому отчету за 1906 год уездных училищ в Империи не числится. Новые училища повышенного типа, начиная с 70-ых годов, открываются почти исключительно, как городские по положению 1874 года.

Первоначально, как уездные, так и городские по положению 1874 года училища открываются исключительно в городах и обслуживают преимущественно городское население. Сельское население, за редкими единичными исключениями довольствуется

начальной школой. Положение меняется в 900 годы. Среди сельского населения появляется тяга к повышенному типу образования, оно перестает довольствоваться элементарным образованием церковно-приходских и одноклассных, редко 2-х классных, сельских училищ, вместе с тем некоторые сельские центры по своей оживленности начинают приближаться к небольшим городам. С другой стороны перестает удовлетворять практическим потребностям жизни и повышенному образовательному интересу населения старая программа уездных и городских училищ. Многие из окончивших городские 4-х классные городские училища обнаруживают наклонность к поступлению в среднюю школу для продолжения образования и несоответствие программы дает себя при этом знать. Все это приводит к реформе 1912 года—городские училища по положению 1874 года переименовываются в Высшие начальные училища, программа их значительно меняется, окончившим предоставляются некоторые права по поступлению в средне-учебные заведения. Новое наименование с исключением из него термина «городские» более соответствует начинающему складываться в жизнь положению: за эти годы училища повышенного типа начинают устраиваться не только в городах, но и в крупных селах. Большая дешевизна школ этого типа сравнительно с гимназиями и реальными училищами, большая возможность обеспечения их педагогическим персоналом, так как к нему не предъявляются требования иметь диплом высшей школы,—служат причиной чрезвычайно быстрого роста числа городских училищ и позднее Высших начальных училищ по всей империи за последние годы.

В дальнейшем мы не будем при различных подсчетах различать уездные, городские 1874 года и высшие начальные училища.

Рост числа городских училищ со второй половины века.

Вместо 13-ти уездных училищ с 678-ю учащимися в 1865 году (52 уч-ся на училище) по Западной Сибири, в 1887 году, через 22 года, в той же Западной Сибири мы имеем 23 уездных и городских училища с общим числом учащихся—2404 человека (по 104 учащихся в среднем на училище). Через 10 лет в Западной Сибири в 1897 году мы имеем 24 уездных и городских училищ с 3.495 учащимися. За 10 лет училищ увеличилось на 1 и уч-ся на 1091 чел. (на 45%). Еще через 9 лет в 1906 г. в Западной Сибири насчитывается 27 городских училищ с 3671 учащимся. За 9 л. число училищ увеличилось на 3, учащихся на 176 (на 5%). Наконец, для 1915 года «Памятная Книжка Западно-Сибирского Учебного Округа» дает следующие цифры: 52 высших начальных училищ, (46 в городах и 6 в селах и в станицах) и 7643 учащихся в

них (6979 в городах и 664 в селах.[93]). За 9 лет число училищ увеличилось почти вдвое, учащихся более чем вдвое.

Вообще для всей Сибири мы имеем цифры 1883, 1906 и 1919 года. К 1 января 1883 года в Сибири было 36 уездных училищ с 1719 учащимися. Через 23 года к 1 января 1907 года—50 городских училищ с 7381 учащимися. На 1 января 1919 года по всей Сибири мы имеем 349 Высших начальных училищ с 65701 учащимися. В то время, как в 1883 году все уездные училища были исключительно мужскими учебными заведениями, среди Высших начальных училищ большинство—смешанные: 213 для детей обоего пола, 102 мужских и 104 женских.[94]).

Таким образом, период 80-ых и 90-ых годов и даже начало 900-ых годов дает сравнительно медленное увеличение числа учебных заведений, данного типа и учащихся в них. Что же касается последнего периода 1906—1919 года, то здесь перед нами колоссальный рост. По словам Настольного Сибирского календаря на 1919 год, изданного Сибирским Министерством Народного Просвещения, особенно быстрый рост высших начальных училищ в Сибири падает на последние два года—1917—1918: в губерниях Тобольской, Акмолинской, Семипалатинской и Якутской число в. н. у. удвоилось за эти два года, в Алтайской губернии более чем утроилось.

Социальный состав учащихся.

В нашем распоряжении имеются данные попечительского отчета о Западной Сибири за 1887 год, характеризующие социальный состав учащихся уездных училищ в этом году и данные министерского обзора за 1906 год по всей Сибири. Согласно первым, в составе учащихся уездных училищ было: детей чиновников и дворян 649, духовного звания 65, детей купцов 194, мещан 687, крестьян и казаков 406. В процентах эти цифры выразятся: 30%, 3%, 8%, 33% и 23%. Безусловно уездные училища выходят более демократичными по своему составу, чем современные им гимназии и реальные училища, тем не менее мы видим, что и они на $^1/_3$ обслуживают привилегированные слои местного общества. Об'ясняется это тем, что гимназии и реальные училища в это время имеются лишь в губернских городах, и чиновничество и купечество уездных городов не всегда решается посылать своих детей для получения среднего образования на сторону. Согласно Министерского отчета за 1906 год социальный состав учащихся городских

[93]) Данные „Отчета Поп. Запад-Сиб. Уч. Окр. 1887 г.", ст. „Нар. Обр. в Зап. Сиб. Уч. Окр. 1897—1906 г." (Ж.М.Н.П. 1909 г. № 9, 11) и „Пам. кн. Папки З.-С. Уч. Окр. 1916 г."

[94]) Данные „Обзора МНП. 1881—1894 г.", „Всеподд. Отчете МНП за 1906 г." и „Наст. Сиб. Кал. 1919 г.".

училищ Сибири на 1 января 1907 г. был таков: дворян и чиновников 617—8,3%, духовного звания 68—0,9%, (тех и других 9,2%), купцов 262—3,5%, мещан 3893—52,7% (тех и других 56,2%), казаков 511—0,7%, крестьян—1666—22,6% (тех и других 23,1%), инородцев и прочих 374—5,0%. Таким образом при сохранении прежнего процента детей сельских сословий, мы видим увеличение процентов детей мещан за счет детей чиновников, духовных и купцов. Если бы в нашем распоряжении были данные о социальном составе учащихся на первое января 1919 года, вероятно процесс демократизации этого типа школ был бы еще явственнее.

Бюджет городских училищ.

Уездные и сменившие их городские и высшие начальные училища содержатся, главным образом, за счет государственного казначейства. Вторым бюджетным источником для них являются пособия городских обществ и затем—плата за учение. В 1883 году из 82.708 рублей, израсходованных на содержание уездных училищ, 56.701 руб. были получены через Государственное казначейство, остальные поступили от Городских самоуправлений от платы с учащихся, от частных жертвователей и т. п. Бюджет городских училищ Сибири в 1906 году складывается из следующих цифр: от Государственного казначейства 201.881—54,0%, от городских обществ 111.332—30%, плата за учение 36.015—9,0%, проценты с капиталов 9.921—2,3%, взносы и пожертвования 1.650—0,4%, разные источники, остатки 10.859—2,5%, итого 372.385 рублей, в среднем это дает стоимость одного училища 7.301 руб. 66 коп. и стоимость одного учащегося 50 руб. 61 коп. По прежнему мы видим, что более половины бюджета городских училищ составляют ассигнования из казны и немного менее $^1/_3$ пособия городских обществ. Почти $^1/_{10}$ дают суммы, поступающие в качестве платы за учение.

Плата эта по училищам Западной Сибири в 1915 году колебалась между 3-мя и 20 рублями (впрочем 3-х рублевая и 20-ти рублевая плата являются единичными, обычная плата за учение в высших начальных училищах 5—8 и 10 рублей).

Мужские гимназии и реал. уч., женские гимназии и прогимназии, высш. нач. уч. в Западной Сибири в 1915 г.

По данным „Памятной Книжки Зап. Сиб. Учебного Округа на 1916 г. в Западной Сибири (Акмолинская, Семипалатинская области, Тобольская и Томская губернии) в 1915 году было: 12 восмиклассных правительственных мужских гимназий, 6 правительственных реальных училищ, 10 частных среднеучебных заведений (2 мужск., 2 женск., 6 смешанных), 20 жен. гимн., 5 жен. прог. и 52 высш. нач. училища.

„Памятная кннжка“ дает о каждом из этих учебных заведений подробные сведения: год учреждения, характер помещения, источники содержания, число учащихся, педагогический персонал. Группируя даваемые ей сведения по разрядам учебных заведений, мы получаем следующие интересные таблички.

МУЖСКИЕ ГИМНАЗИИ—ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ.

ГИМНАЗИЯ.	Год основания (или преобразования).	Число учащихся.	Плата за учение.	ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНИЯ. Государс. казнач.	Городск. Управл.	% с капиталов.	Сборы за учен. и пансион.	Разные источн.	ПОМЕЩЕНИЕ.
Тобольская	1789	273	45	57404	150	3269	10493	321	Собственное.
Курганская	1911	178	50	31562	5000	—	—	—	Времен. гор.
Ишимская	1910	198	40	36562	5000	—	—	—	„
1-ая Омская	1876	423	60	52805	—	—	—	—	Собственное.
2-ая Омская	1912	170	60	30240	2000	—	—	—	Времен. городск.
Семипалатинск.	1894	318	50	38105	4500	2000	—	—	Собственное.
1-ая Томская	1838	572	60	—	—	—	—	—	„
2-ая Томская	1913	263	60	41408	2000	—	—	—	Наемное.
Ново-Николаев.	1914	142	50	24132	—	—	—	—	„
Барнаульская	1912	261	40	36542	—	—	—	—	Времен. гор.
Бийская	1900	238	40	43100	3700	—	5391	—	Наемное.
Каинская	1914	103	60	21948	2000	—	4530	—	„
ИТОГО	—	3139	—	413894	24250	5269	20421	321	

РЕАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩА.

УЧИЛИЩЕ	Год основания (или преобразования).	Число учащихся.	Плата за учение.	Государс. казнач.	Городск. Управл.	% с капиталов.	Сборы за учен. и пансион.	Разные источн.	ПОМЕЩЕНИЕ.
Тюменское	1879	294	45	36170	7475	(Сведений не дано).	(Сведений не дано).	(Сведений не дано).	Собственное.
Петропавловск.	1903	238	30	35170	5000				„
1-ое Томское	1877	272	55	36745	6780				„
2-ое Томское	1911	198	50	43510	—				Наемное.
Ново-Николаев.	1910	286	60	30170	6000				Собственное.
Барнаульское	1897	259	40	35175	2000				„
ИТОГО	—	1547	—	216940	27255	—	—	—	

Женские гимназии.	Год учреждения	Число учащихся	Плата за учение	Помещение	Бюджетные источники а) гос. назн.	б) город. ср.	в) сбор учение и панс.	г) разн. ист.
Томская Мариинская	1863 г.	933	55	Собств.	4070	19500	56502	—
Вторая Томская	1902	337	120	„	4070	—	33819	—
Третья Томскяя	1907	271	120	„	4070	—	24172	—
Четвертая Томская	1915	348	35	„	4070	14000	9013	—
Новониколаевская	1907	360	100-150	„	4070	2500	30000	—
Мариинская	1910	293	50-60	„	4070	1500	12000	—
Каинская	1910	222	50-60	„	4070	500	9315	2385
Барнаульская	1900	480	60-80	„	4070	2200	27725	1728
Барн. им. Будкевич	1907	376	70-90	„	4070	2500	26485	—
Бийская	1905	331	45-60	„	4070	3000	15035	3714
Тюменская	1904	684	30-60	„	4070	8660	20467	2130
Курганская	1903	479	40-60	„	4070	5600	20700	1751
Ишимская	1911	262	30-80	„	4070	5000	10820	1298
Первая Омская	1863	828	70-75	„	10770	2000	53700	—
Вторая Омская	1908	472	40-75	„	св	еде	ний	нет
Третья Омская	1907	342	70-100	„	4070	—	28755	639239
Павлодарская	1915	193	40-60	„	4070	4800	3650	—
Усть-Каменогорская	1914	121	40-60	в город.	4070	3000	3380	—
Семипалатинская	1902	568	40-80	собств.	4070	4075	24765	134
Петропавловская	1904	522	40-75	„	4070	7500	19450	—
Итого	—	8420	—	—	77330	86315	462453	13141
Женские прогимназии.								
6 кл. Новониколаевск.	1913	256	60-75	наем.	2200	5150	12390	—
5 кл. Барнаульская	1910	130	50-75	„	2200	—	6072	—
4 кл. Тарская	1872	243	18 20	собств.	2200	1524	4041	—
4 кл. Туринская	1873	135	8-18	„	2200	300	1366	1200 (зем. сб.)
4 кл. Ялуторовская	1873	160	14	„	2200	450	1991	1600 (в т. ч. 1000 зем. сб.
Итого	—	924	—	—	11000	7424	25860	2800=47084
Частн. учебн. завед. с гимназическим курсом.								
Томское—об. пола	1905	300	60-120	—				
Каменское—об. пола	1909	225 (118м 107д)	30-120	собств.	сод. о-вом			
Омское (Каеш) об. п.	1914	127	80-100	наем.	сведений нет.			
Омск. (Шанской) об. п.	1914	87 (61м 26д)	80-100	„		„	„	
Омск. (Лимонова) муж.	1915	124	75-100	св. нет		„	„	

	Год учреждения	Число учащихся	Плата за учение	Попечение	
Омск. (Эйнарович) жен.	1903	67	90	наем.	Сведений нет.
Омское (Лезевитц) жен.	1915	273	60-100	св. нет	„ „
Бийск. (Арской) об. п.	1915	21 (8 м, 13 д)	70	„	„ „
Омск. (Бегичева) об. п.	1915	33 (23м, 10д)	80	„	„ „
Мариинское муж.	1914	53	80-120	„	при субсид Мар. гор. упр.
Итого	—	—	—	—	—

Суммируя данные по женским гимназиям, прогимназиям и част. уч зав. 1-го разряда и сравнивая с приведенными выше данными того же порядка о числе учащихся в муж. гимназиях и реальных училищах Зап. Сиб. Учебн. Округа, мы видим, что число учащихся в женских ср. уч. зав. (и девочек в смешанных) значительно превышает такое же число (и мальч. в смеш. уч.) по муж. ср. уч. зав. (9840 против 5073, не считая двух частн. уч. зав. по котором не дано сведений о числе учащихся мальч. и девочек). До некоторой степени это об'ясняется тем, что значительное число мальчиков имело возможность получать среднее образование в специальных средних уч. заведениях (коммерческие, технические, селхоз. училища), имевших тенденцию превращаться в общеобразовательную школу, наравне с гимназиями выступающую в качестве подготовительной к высшей школе и осуществляющую эту цель с большим успехом, чем архаические гимназии.

Среднее число учащихся в женских гимназиях также выше чем в мужск. гимназиях и реальных училищах, доходя до 421 против 261 и 258 в муж. гимн. и реальн. уч, в женских прогимназиях при вдвое меньшем числе классов оно равняется 185. Наибольшей многолюдностью отличаются женские гимназии 1 ая Томская (938) и 1-ая Омская (828), далее идут Тюменская (684), Семипалатинская (568), Петропавловская (522), Барнаульская (480), Курганская (419), 2-ая Омская (472); из прогимназий наиболее многолюдна Новониколаевская в составе 6 классов (256). Частные учебн. заведения вследствие недавности своего возникновения к рассматриваемому году еще не развернули полного числа классов и поэтому не отличаются многолюдством.

Из числа частных учебн'ых заведений большинство смешанные (6)—для детей обоего пола, число мужских два и число женских тоже два.

В противоположность мужским гимназиям, бюджет женских гимназий основан не на пособиях казны, а на сборах за учение ²/₃ бюджета) и пособиях от городсхих управлений; ассигнования из госуд. казначейства занимают уже лишь третье место.

Данные, помещенные в тойже книжке по отношению к каждому из высших Начальных училищ Округа, дают возможность составить следующую таблицу.

В городах.	Год открыт. или преобраз.	Число учащих.	Плата.	Источники содержания: Гос. Каз.	Город	Плата за уч.	Раз. ист.
1-ое Омское муж.	1858 (1902)	242	12	6.600	3790	Сведений не дано.	Сведений не дано.
2-ой „ „	1905	346	8	6.600	12047		
Атаманское „	1914	148	10	6.890	1060		
Новоомск. об. п.	1915	73	20	7.190	—		
1-е Петропавл. м.	1881 (1882)	195	10	9.640	—		
2-е „ „	1913	104	10	6.890	—		
Петропавловск. ж.	1913	105	15	2,000	600		
Кокчетавское м.	1881	88	8	7.190	—		
Атбасарское о. п.	1908	143	8	7.190	—		
Акмолинское муж.	1874 (1881)	126	8	6.890	1160		
1 Семипалатинск. м.	1859 (1881)	161	10	8.265	450		
2 „ „	1899 (1908)	151	10	3.470	4825		

В городах.	Год открыт. или преобраз.	Число учащих.	Плата.	Источники содержания			
				Гос. Каз.	Город	Плата за уч.	Раз. ист.
Семипалат. ж.	1903	173	10	—	7490	1260	
Каркаралинское о. п.	1881	75	—	7.190	—		
Павлодарское муж.	1881	151	8	6.890	1405		50
Заисанское о. п.	1881 (1899)	101	6	6 890	600		
Усть-Каменогорск. м.	1881	271	10	9.895	2485		
1 Томское муж.	1789 (1811, 1901)	228	6	8.165	120		
2 „ „	1908	222	6	6.890	1375		
3 „ „	1911	176	6	8.265	—	Сведений не дано.	
Томское женское	1911	233	6	3.595	4111		
Ново-Николаевск. м.	1900	187	6	—	—		Сведений не дано:
„ „ женск.	1909	195	6	—	—		
Мариинское мужское	1890 (1907)	154	6	6.890	—		
Колыванское об. п.	1830 (1901)	141	3	3.499	—		
Татарское муж.	1915	60	10	6.890	—		
1 Барнаульское м.	1880	316	6	12 350	—		
2 „ „	1910	147	—	6 890	—		
1 „ женск.	1914	183	6	7.190	300		
2 „ „	1915	151	6	7.190	—		
Бийское мужское	1880 (1899, 1908	129	5	3 390	3770		
„ женск.	1913	141	5	—	7190		
Кузнецкое о. п.	1902 (1908)	131	5	7 190	—		
Тобольское мужское	1817 (1902)	186	7	8 790	1000		
1 Тюменское „	1817 (1902)	153	7	6.890	—		
2 „ „	1913	128	7	5.190	3351		
Тобольское женское	1913	150	7	7.490	—		
Туринское мужское	1789 (1902, 1907)	95	8	6 890	—		
Ялуторовское муж.	1817 (1902, 1907)	116	6	6.890	—		
Курганское мужск.	1817 (1902)	206	10	7.890	600		
Ишимское мужское	1817 (1902)	149	10	6.890	400		
„ женское	1915	45	—	7.090	400		
Тарское мужское	1817 (1902)	124	8	6.890	300		
Тюкалинское муж.	1884 (1907)	56	6	9.490	—		
„ женск.	1914	74	6	7.490	—		
Березовское муж	1818 (1902)	46	—	8 290	—		
Итого 46	—	6979	—	292.140	58829	—	—

В селах и станицах.

Акмол. обл. Павловск. село об. п.	1911	115	8	7.490	Сведений нет.	Сведений нет.	Сведений нет.
Николаевск. ст. об. п.	1912	119	—	6.890			
Пресногорьк. ст. об п.	1914	140	6	7.190			
Щучинская ст. об. п.	1914	151	3—8	7.190			
Сандыктовская об. п.	1914	73	3—8	7 190			
Тобольская губ, Лопатинск. село об. п.	1915	66	—	7.490			
Итого 6	—	654	—	43.440	—	—	—

Таким образом, по данным Министерства Народного Просвещения за 1915 год в Западной Сибири мы имеем 46 городских и 6 сельских народных школ повышенного типа. По губерниям они распределяются следующим образом:

Акмолинская область . . . . 10 гор. 5 сельск.=15.
Семипалатинская обл. . . . . 7 гор.
Томская губерння . . . . . . 16 гор.
Тобольская губ. . . . . 13 гор. 1 сельск.=14.

Обращаясь ко времени их основания мы видим, что высшие Начальные Училища в селах и станицах все основаны после 1911 года, в городах же: до 1887 года основано 19, в 90-ых годах и в начале 900 ых—5 между 1907 и 1914—22.

Высшие Начальные Училища, расположенные в селах и станицах очень малолюдны: в среднем на 1 училище приходится 111 уч. Об'ясняется это, помимо прочих причин, также тем, чсо к 1915 году ввиду позднего своего возникновения они не успели еще развернуться. Характерно также то, что все оии смешанные и число учащихся в них девочек, хотя и немного, но превышает число учащихся мальчиков.

Число обучающихся в городских высших начальных училищах; в 10 раз превышает число учащихся в сельских высших начальных училищах; в среднем на 1 Городское Высшее Начальное Училище приходится 152 учащихся против 111 в Сельских Высших Начальных училищах. Большинство Выс. Нач. уч. в городах мужские (30) часть женские (10) и остальные, еще меньшая часть (6) смешанные. Из общего числа 6970 учащихся в городских высших нач. учил. подавляющее большинство (75%) мальчики и лишь 1/4 девочки (5233 мальчика и 1746 дев.): т. к. в сельских выс. нач. уч. общее число учащихся не велико, то и целом общим выводом будет превышение учащихся мальчиков (5558 против 2087).

Источниками содержания служит почти исключительно ассигнование из Государственного Казначейства. К сожалению не даны цифры поступлений от платы за обучение. Сопоставляя по этому лишь казенные и городские средства, мы можем установоть между ними с ледующее соотношение: Казенные средства относятся к городским пособиям как 5:1 (58.829 против 292.140). Присоединив к 292.140 руб. ассигнований казны на содержание выс. нач. уч. в городах 43 440 руб. ассигнованных ей на содержание высш. нач. уч. в селах, мы получим 335.580 рублей расхода казны на 52 выс. нач. уч. Западной Сибири, что дает в среднем 6.453 руб. 57 коп. на 1 училище или 43 руб. 12 коп. на учащегося.

Глава VIII.

Начальное народное образование в Сибири в XIX веке.

„Развитие нач. народн. образ. в России в XIX веке“.

Мы видели, что в XVIII веке все усилия правительства были направлены на создание специальной и обще-образовательной школы в городах лишь. При ограниченности матерьальных рессурсов, могущих быть обращенными на нужды народного просвещения (то есть и денежных средств, и личного педагогического персонала), большего, конечно, и нельзя было ожидать от того времени. В городах создаются народные училища, главные и малые, но, как мы уже видели, после быстрого искусственного роста числа их в первые годы школьной реформы, развитие их приостанавливается и они начинают хиреть, не успев даже покрыть собою всех городов империи. Первые классы этих училищ были начальной народной школой, давая обучение чтению, письму, счету и начаткам вероучения. Но в обществе слишком мало еще был развит стимул к образованию, не чувствовалось потребности в последнем для средних кругов городского населения, для которых, главным образом, и предназначались эти школы. Низшие, беднейшие, слои городского населения находились слишком в жалком состоянии, чтобы у них могла зародиться самая мысль об элементарном даже образовании. В начале XIX века из первых классов малых и главных народных училищ были созданы особые самостоятельные школы—приходские училища. Целью их, согласно определению закона являлось «доставить детям земледельческого и других состояний сведения приличные им, сделать их в физическом и нравственном отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, действие которых столь пагубно для их благополучия». Учреждение приходских училищ проектировалось не только в городах, но и в селах. Но для развития приходских училищ, как в городах так и в селах, законодатель не дал прочного материального базиса, возложив самое открытие их и содержание в дальнейшем на усмотрение и доброхотность помещиков, сельских граждан и почетнейших граждан в городах, казна же совершенно устранялась от каких либо денежных ассигнований на эту цель. В результате благая мысль о покрытии всей России сельскими и городскими начальными школами получила очень слабое выражение. В селах начальные школы были открыты в редких сравнительно случаях, а крайне медленным темпом шло открытие их в городах. Понадобилось

пройти нескольким десяткам лет для того, чтобы общественное самосознание населения возросло настолько, чтобы подвинуть его на материальные жертвы и тяготы, связанные с открытием и содержанием начальных школ.

Новый устав приходских училищ 1828 года не вносил существенных изменений как во внутреннюю структуру и программы, так и в самую организацию приходских училищ. Попрежнему они продолжали быть почти исключительно в городах. Но вскоре после издания мин. устава 1828 г. рядом законодательных актов и административных распоряжений было положено начало сельской начальной школе. Сельская начальная школа получила в России свое действительное начало не в системе учебных заведений 1804 или 1828 года (хотя и была предусмотрена уставами этих годов в виде сельских приходских училищ), а в порядке разноведомственных школ для «государственных» преимущественно крестьян. В 30-х годах учреждением школ среди государственных крестьян занялось министерство государственных имуществ—в 1836 году оно имело 60 сельских школ с 1886 учащимися. В 1838 г. последовало общее распоряжение по МГИ учреждать постепенно в селениях государственных крестьян школы для подготовки крестьянских мальчиков к должностям волостных и сельских писарей. Через 10 лет, в 1848 году, в ведении МГИ уже числилось 1654 школы с 49,248 учащимися, на содержание их собирался с крестьян особый сбор, в общей сумме равнявшийся 258 тысячам руб. Правда, надобно заметить, что не все из этих школ существовали в действительности—многие числились лишь на бумаге. В 1866 году по всей России, не считая Прибалтийского края, числилось 2754 школы МГИ с 137.582 учащимися (в том числе—16.599 девочек) и 3.842 школы грамоты с 83.128 учащимися (в том числе 11.152 девочки).

В те же годы—в 20-х—30-х годах—по распоряжению Удельного Ведомства и Горнозаводского Управления стали учреждаться школы в селениях крестьян, живших на кабинетских землях и в приисковых районах.

В 30-ые годы по указам Синода (1832 и послед. годов), появляются первые церковно-приходские школы в сельских местностях, устраиваемые духовенством. В 1837 году Синод исчислял число таких школ около 100, в 1853 году число школ духовного ведомства доходит уже до 4.820. колеблясь сильно по годам, в 1865 году оно исчисляется в 4.126, а через 15 лет, в 1880 году, определяется Обер-Прокурором Синода в 4.348. Необходимо оговориться о весьма малой точности приведенных цифр, так как (и по признанию духовного ведомства), сведения о церк.-прих. школах этого периода весьма проблематичны, многие открывались лишь на бумаге, другие, давно прекратив свое существование,

мертвыми душами продолжали числиться в отчетах. Во всяком случае, наиболее быстрый рост числа их относится к 40-м годам прошлого столетия, 60-ые же годы этого столетия—время упадка и заглохания их.

60-ые годы вообще являются переходным моментом в истории русского народного образования. В 1861 году было произведено освобождение крестьян, в 1864 году созданы земские учреждения, в 1870 году во всех городах Империи введено новое городское положение. Вот факторы, основным образом отразившиеся на дальнейшем развитии начального народного образования в России. Раскрепощенное от власти помещиков крестьянство нуждалось в более интенсивном проведении в его среде просветительной политики, органы земского самоуправления могли и должны были стать центром такой интенсификации народно-просветительной работы. Создание городск. самоуправления совпадало с оживлением общественной жизни в городах и гарантировало обеспечение со стороны организованного городского общества большего внимания к вопросам начального просвещения.

В связи с этими основными факторами, последовало издание положения о начальных училищах 1863 и 1872 года, учреждение инспекции народных училищ и развитие деятельности МНПросв. в области городского и сельского элементарного образования. С этого времени школы других ведомств—удельного, горнозаводского, министерства государственных имуществ и т. п.—отходят на задний план, в системе начального народного образования выдвигаются на первое место одноклассные и двухклассные училища министерства народного просвещения (так называемые «министерские» или «земские» в земских губерниях). В 1861 году всех начальных училищ МНП в Европейской России было 4.622 (22% существовавших тогда школ разных ведомств), с 1861 по 1863 год—за 2 года—было открыто МНПросв. 1.984 школы (то есть, немного менее половины всех ранее открытых), с 1863 по 1880 год—за 17 лет—было открыто им же 14.466 школ, т.е. число школ более чем удвоилось, в этом году школы МНП составляют уже 68,6% всех начальных школ в Европ. России, открытых различными ведомствами. В 22.270 школах 1880 года училось 1.140.915 учащихся, в том числе 79,3% мальчиков и 20,7% девочек.

В открытии начальных школ МНП чрезвычайно энергичное участие приняли молодые земские и городские самоуправления. Из общего числа школ, открытых в России (Европейской) между 1861 и 1880 г. 40% было открыто земствами, 38% сельскими обществами, 14% непосредственно министерством, 5% духовенством и 3% частными лицами. Из 6.158.155 р., израсходованных на начальное народное образование за эти годы по 59 губерниям Европ. России, 53,2% было израсходовано земствами, 33,7% было

израсходовано сельскими обществами, 6,4% частными лицами, 3,7% получено из разных источников и лишь 2,1% дала казна.

В 80 г.г. реакция в высших сферах вызвала новый поворот в деле народного образования. Уже ранее, после первых дней «политической весны» 60-х годов замечалось подозрительное отношение к идее просвещения широких масс. Теперь, усилившись, оно нашло себе выход: дело народного образования было предположено передать в ведение духовенства, возвратившись к неудавшемуся ранее опыту создания церковно-приходских школ. Вопрос о передаче всех начальных народных школ в ведение духовенства неоднократно поднимался, но не получил полного осуществления. Все же Синоду были предоставлены все возможности к тому, чтобы приобрести приоритет в деле народного просвещения. Уже в 1882 году из сметы МНП был выделен небольшой кредит на поддержание церковно-приходск. школ, ведомства Св. Синода, в 1884 году Обер-Прокурор Синода Победоносцев во всеподданнейшем докладе указывал на «неверность и мечтательность представления о народной школе, как о средстве распространения реальных знаний» и в противовес светской школе, развивающей «полузнайство», выдвигал духовную школу, как фактор развития в народе нравственности и патриотических начал. В том же году вышли «Правила о церковно-приход. школах», имевшие ввиду создать такую именно школу, о которой говорил Победоносцев. После того,—в 1887, 1893, 1899 годах—неоднократно выдвигался и был близок к осуществлению вопрос «не представляется ли более удобным сосредоточить дело развития первоначального образования в одном ведомстве»—в духовном. В результате правительственных мероприятий число церковно-приходских школ быстро росло, так как на их открытие и содержание отпускались значительные казенные субсидии и вообще им оказывалось всяческое содействие гражданской администрацией. Если одновременно с этим росло число и светских школ, то последние обязаны в этом периоде своим ростом не правительственной администрации, а инициативе и рвению органов самоуправления—земского и городского и сочувствию самого населения, охотнее отдававшего своих детей в светскую школу, чем в духовную (не по каким либо антиклерикальным мотивам, а вследствие лучшей постановки первых). В 1893 году число школ в 60 губ. Европ. России достигло 64.639 с 3.020.872 учащимися об. пола, то есть, за 13 лет увеличилось на 41.869 школ и на 1.879.957 учащихся. 40% школ и 38% учащихся составляли школы и учащиеся МНП (25.973 школы, 1.679.653 учащихся). В духовном ведомстве было 25.501 школа и 821.218 учащихся, то есть, школ было почти одинаковое количество с МНП (менее на 472), но по числу учащихся они значительно уступали светским школам: число учащихся их менее на 858.438 чел. Таким образом

число духовных школ увеличилось за 13 лет на 24.439 школ (с 1062 в 1880 г.). Почти одинаковое количество школ у духовного ведомства и МНП в 1888 г. об'ясняется тем, что в числе школ духовного ведомства значительное место занимали школы грамоты— на 10.408 церковно-приходских школ приходилось 15.093 школы грамоты. Таким образом развитие школ духовного ведомства шло за счет самого рудиментарного типа школ—школ грамоты и в значительной степени об'ясняется малолюдностью их (32 ученика в среднем на церковно-приходскую школу против 65 в министерской школе). Мы не говорим уже о значении поощрения администрации. Проходит 20 лет. 18 января 1911 года была произведена однодневная перепись начальных школ в Империи. По всей Империи оказалось в день переписи 100.749 начальных школ. В том числе школ МНП было 59.569, т. е., 59,3%, школ Св. Синода 38.339, т. е., 38,2% и прочих ведомств (казачих, жел.-дорожн. и т. п.) 2.641, т. е., 2,5%. Учащихся было всего 6.629.978 чел. в том числе мальчиков 67,9% и девочек—32,1%. Данные эти—однодневной школьной переписи 18 янв. 1911 г.—представляют собой первый точный и исчерпывающий учет школ и учащихся (учет этот остался без повторения в дореволюционной России.[95]).

Начальная народная школа в Сибири в первой половине XIX столетия.

Начальное народное образование в Сибири первой половины прошлого века представлено в следующих формах: приходские училища по уставу 1804 года (и затем 1828 года), сельские училища в селениях государственных училищ М. Гос. Имуществ устраивавшиеся казенными палатами и Главными Управлениями Западной и Восточной Сибири, церковно-приходские школы духовного ведомства, казачьи школы в станицах, горнозаводские школы на кабинетских землях, инородческие и частные школы. На последних двух видах начального народного образования мы остановимся особо, в конце главы, к рассмотрению остальных перейдем сейчас в порядке постепенности их возникновения.

Учреждение приходских училищ в Сибири начинается одновременно с преобразованием малых и главных народных училищ. В 1806 году в Иркутске Главное народное училище было преобразовано в гимназию,—одновременно с этим были открыты уездное и приходское училища. В том же году в Верхне-Удинске было произведено преобразование малого народного училища в уездное, одновременно с этим были предприняты шаги к учреждению и приходского училища и хотя граждане на предложение смотрите-

[95]) Данные за 60, 80, 90-ые годы мною взяты из „Ист. народн. обр. в России"—т. X „Народной Энциклопедии" Харьк. о-ва грамотности. Данные 1911 г. из итогового том изд. под ред. В. И. Покровского школьной переписи 1911 г.

ля уездного училища открыть приходское училище для повышения подготовки поступающих в уездные училища первоначально отмолчались, приходское училище было открыто и в Верхнеудинске. Между 1811 и 1816 г.г., когда в Западной Сибири было осуществлено преобразование Тобольского Главного училища в гимназию и началось преобразование малых училищ в уездные, были открыты первые приходские училища и в Тобольской губернии (1811—Тарское, Тюменское, 1816 Тобольское).

В Восточной Сибири после открытия двух приходских училищ в Иркутске и Верхнеудинске дальнейшее открытие их приостановилось до назначения директором училищ известного историка П. А. Словцова, друга и сподвижника Сперанского. Деятельность П. А. Словцова интересна для нас не только в отношении умножения числа приходских училищ, но также тем, что при нем впервые приходские училища проникают в деревню. К сожалению, хорошее начинание имело весьма малый успех и плохую судьбу. Словцов развил энергичную агитацию за открытие училищ среди губернской администрации, городских дум и сельских обществ, побудил последние к составлению приговоров об открытии училищ и взятии на себя части содержания, приступил к постройке училищных зданий.

В «Сибирском Архиве» (1910 г. № 10) мы нашли текст циркуляра, с которым Иркутский губернатор в 1816 г. обращался к городским и сельским обществам губернии по поводу открытия приходских училищ. Приведем заключительную его часть.

«Предлагается учреждение в городах, селениях, иноверческих улусах приходских училищ, для которых, по получении согласия от каждого общества, определены будут по назначению директора Иркутских училищ благонадежнейшие учителя, а в особенности, чтоб доставить иноверческим училищам таких учителей, которые бы, зная природный язык, тем с большим успехом могли обучать детей братских (бурятских Н. Ю.), предоставляется иноверческим обществам избирать двух или несколько способных молодых людей, знающих русский язык и грамоту и присылать их к директору гимназии для определения в оную и приготовления к учительской должности, с приличным содержанием во все время пребывания в гимназии. Сей последний способ в рассуждении определения учителей может относиться до городских и сельских обществ, которые могут также присылать способных молодых грамотных людей к директору гимназии для лучшего образования или же, нашедши способного к учительской должности и с хорошим поведением кого нибудь из свободных чиновников или разночинцев, представить об определении его учителем Начальнику губернии».[96]).

[96]) Ст. Загорского „Из истории нач. уч. в Иркутске".

Но Словцовское начинание имело плохую судьбу. Губернская администрация, в начале декларировавшая свое положительное отношение к открытию училищ, вскоре изменила свое к ним отношение и начала ставить препятствия их развитию и самому существованию. Вот что пишет по этому поводу один из современников: «Нельзя без удивления видеть, что губернское начальство, содействуя открытию училищ, почти в то же время обнаруживало мысль об их уничтожении. В дек. 1816 г. открыты сии заведения, а в июле 1817 года, то есть, по прошествии только 6 месяцев, в которые, как само собой разумеется, училища не могли еще получить надлежащего действия, гражданский губернатор пишет и. д. Иркутского Земского исправника, чтобы остановить постройку училищных домов, что отстроенные дома могут итти на помещение волостных правлений, когда общества вздумают училища уничтожить и что наконец существование училищ совершенно зависит от воли обществ».[97]). При наличности такого отношения высшей губернской администрации учрежденные училища стали заглохать и самое открытие их совершенно приостановилось. В 1820 г. Киренский исправник, осмотрев училища, доносит, что деньги на постройку училища розданы взаймы, что в двух училищах нет ни одного ученика и они числятся лишь на бумаге. Ряд волостей возбуждают ходатайства об закрытии открытых у них приходских училищ не желая нести расходов по их содержанию. В результате, к 1824 году все приходские училища, открытые в сельских местностях Иркутской губернии, были закрыты.

Печальная участь попыток заведения приходских училищ в селах Иркутской губернии не должна нас удивлять, особенно если мы ознакомимся с историей первых приходских училищ в губернском городе Иркутске. В 1812 году Директор Иркутских училищ Миллер, решив, что существующих двух приходских училищ для населения Иркутска недостаточно и что при больших расстояниях в городе необходимо открыть еще училище на окраине города, обратился к городскому о-ву с предложением открыть приходское училище в 4-ой части города. На свое предложение он получил следующий ответ: «по забранным через 4-ую часть в суд сведениям от жителей, живущих в ведении его,—желающих отдать в назначенное к открытию у них училище детей своих для обучения сказалось всего 3 человека»...[98]).

Как медленно шло открытие приходских училищ даже в городах (в селах после Иркутского опыта 1816 года новых попыток и не делалось), видно из следующих данных о годах открытия приходских училищ в городах Западной Сибири между 1817 и 1859

---

[97]) Вагин „Истор. сведения о деятельности гр. Сперанского в Сибири" т. II гл. о нар. обр.

[98]) Сиб. Архив. 1910 г. № 10, упом. ст. Загорского.

годами. К 1817 году в Западной Сибири было всего 4 приходских училища, за 40 лет к ним присоединилось еще 11—Каинское (1821), Туринское (1822), Томское (1829), Семипалатинское (1832), Ишимское (1838), Петропавловское (1844), Ялуторовское (1846), Кузнецкое (1851), Нарымское (1852), 2-е Тюменское (1852), Омское (1854 г.).

Нельзя сказать, чтобы со стороны администрации не предпринималось никаких мер, никаких попыток к учреждению приходских училищ в городах в эти годы. Но эти попытки наталкивались на полное равнодушие общества, предпочитавшего или совсем обходиться без обучения грамоте своих детей или довольствовалось домашним и вообще частным обучением.

В 1817 году в одной официальной переписке Директор училищ Томской губернии заявляет, что он сомневается, чтобы в Каинске возможно было открытие приходского училища, так как Каинское Гор. О-во «состоит по большей части из новопоселенных цыган и жидов» и нельзя расчитывать на готовность его к участию в расходах на содержание училища, так как оно по самому своему составу «своей собственной пользы понять не может». Через 20 лет после этого высоко-авторитетного и официального заявления возникает переписка между Министер. Нар. Пр., директором училищ, губернатором, смотрителем Каинского уездного училища и Каинской Городской ратушей по вопросу об открытии в Каинске приходского училища. Несмотря на все принятые меры убеждения, Каинская городская ратуша категорически отказалась отпустить средства на приходское училище, так как «городовые доходы потребны на другие предметы, по устройству зданий, могущих приносить пользу и доходы». Такой же отзыв дало по тому же поводу и Кузнецкое Городское О-во, несмотря на ранее составленный приговор о желании открыть у себя приходское училище.[99]).

Для начала 60-х годов мы имеем официальные сведения Министерск. отчета 1865 г. о числе приходских училищ по Западной Сибири. За пятилетие 1860—1865 г. к 17 ранее существовавшим училищам присоединилось еще 4 (1860—Бийское и Барнаульское, 1865—Усть-Каменогорское, 1866—Тюкалинское) и в 1865 году на громадном пространстве от Урала до Енисея насчитывалось 21 приходское училище, исключительно в городах, с 1164 учащимися, что дает в среднем 55 учащихся на училище (по отдельным училищам от 13 до 96 учеников). Общее число окончивших курс приходских училищ Западной Сибири по 14 училищам равнялось 237 чел. по отдельным училищам от 7 до 46 на училище. Социальный состав учащихся приходских училищ тот же отчет представляет в следующих цифрах: детей чиновников и дво-

---

[99]) Чудновский „Ист. развития нар. просв .в Томской губ."—Пам. кн. Том. 1884 г.

рян 94=8%, детей духовенства 24=2%, детей купцов, мещан, ремесленников 26=70,9% детей крестьян и казаков 222=19,8%. Таким образом на $^9/_{10}$ приходские училища обслуживали непривилегированные сословия, да и группу детей чиновников можно отнести сюда же, так как в приходских училищах, конечно, учились дети беднейших чиновников.

Только что охарактеризованная группа начальных школ—приходские училища—фактически оказались школами исключительно городскими по тому населению, которое они обслуживали. Образование сельского населения Сибири нашло себе другие формы. Прежде всего оно выразилось в учреждении школ гражданской, неучебной администрацией среди государственных крестьян по инициативе Глав. Упр. Зап. Сибири. Впервые вопрос об учреждении подобных школ возник еще в 20-х годах прошлого столетия в связи с потребностью администрации иметь сколько нибудь грамотных писарей и их помощников для волостей и селений. С этой целью Главное Управление Западной Сибири в 1827 году решило открыть 40 школ для крестьянских мальчиков. Был установлен специальный сбор для этой цели с крестьянского населения: так в Томской губернии с 1829 по 1835 год было собрано 40.000 руб. по 8½ коп. с души. В 1830 году Совет Гл. Управления Зап. Сибири снова вынес постановление «об учреждении сельских училищ для воспитания крестьянских мальчиков к определению их в волостные писаря, по недостатку оных в волостных управлениях на счет земских повинностей». Обучение в сельских школах предположено было установить ввиде обязательной повинности для сирот возраста 10—12 лет. При этом были даны руководящие указания о характере этого обучения: «обучать крестьянских детей без совращения их с духа сословия, к которому они принадлежат и без повреждения в них сельских добродетелей». В 1834 году Совет Гл. Упр. Зап. Сибири еще раз подтверждает о необходимости за счет остатков от мирских сборов отдавать в обучение крестьянских сирот 10—12 лет. Но все эти распоряжения оставались на бумаге, собранные деньги были израсходованы по другому назначению и ни одной предположенной школы не было открыто.

В 1839 году Томская Казенная Палата высказывается за необходимость учреждения для государственных крестьян некоторого количества сельских школ независимо от церковных «поелику не все сельские священники столько грамотны и обучены, чтобы могли сами обучать». Несмотря на такой отзыв учреждение первых школ с передачей их в ведение Казенной Палаты в Томской губернии относится лишь к 1853 году. В 1857 году в Томской губернии было 8 сельских школ Мин. Госуд. Имущ. В 50-ые же годы учреждаются Казенной Палатой училища и в Тобольской губернии. Для Ялуторовского уезда историк образования в нем дает

1857 год, как год открытия первой палатской школы в селе Суерском. Наряду с ним в том же уезде в это время была одна церковно-приходская школа. В 1864 году в Ялуторовском уезде было уже 4 палатских школы, а затем постепенно все церковно-приходские школы, учрежденные до 60-ых годов, сменились школами Казенной Палаты.

Таким образом начало развития школ «палатских» или «Мин. Гос. Имущ.» должно быть отнесено к 60-м годам прошлого столетия.

Одновременно с заботами Гл. Упр. Зап. и Вост. Сибири об образовании школ среди сельского населения с целью самообслуживания его сельскими и волостными писарями, в Сибири первой половины прошлого века появляются первые церковно-приходские школы (не связанные с позднейшими церковными школами 80—90-х годов).

Начало церковно-приходских школ в Сибири связано с указом Синода 1839 года, которым предписывалось духовенству завести повсеместно в сельских местностях школы для обучения населения и воспитания его в соответствующем религиозно-нравственном духе. Указ не представлял никаких материальных средств, не создавал специальной организации для духовно-школьного дела, а потому остался декларацией по существу. Тем не менее, он послужил стимулом для появления кое-где первых в России церковно-приходских школ. Первые церковно-приходские школы были немногочисленны и кратковременны по своему существованию. Так в Томской губернии к 1839 году было 18 церк.-прих. школ, через год их осталось лишь 14 с 23 учениками. В 1850 году на территории Алтайской части губернии было всего лишь 4 школы с числом учащихся: 9, 3, 15 и 2 учащихся. В 1852 году Директор училищ Томской губернии писал о церковно-приходских школах: «да и самые училища, кажется, существуют лишь на бумаге, как я имел случай убедиться в с. Богородском».

В Ялуторовском уезде первая церковно-приходская школа была открыта в 1855 году, вторая в 1857 г., третья в 1858 и четвертая в 1859 году. В 1862 г. церковно-приходских школ было уже 19, но все они были очень малолюдны: в них всего было 160 учащихся (147 м., 13 д.). Начиная с этого года число церк.-прих. школ стало быстро падать: в след. 1863 г. их было уже 11 с 116 учащимися, в 1864 году всего 3, в 1865 закрылась последняя церковно-приходская школа.

«Что это были за школы? говорит о первых церковно-приходских школах в Ялуторовском уезде Палопеженцев. Все они помещались или в квартирах священников или в церковных сторожках или в частных квартирах, очень мало удобных. Преподава-

нием занимались или безграмотный дьячек, или выгнанный со службы, спившийся с круга, чиновник или еще хуже поселенец, хотя официально учителем и числился священник. Преподавание велось самым рутинным способом, так читать учили посредством буки-аз-ба, веди-аз-ва, и т. д., преподавание арифметики заключалось в механическом списывании с доски задач, делаемых самим учителем. Письму учились через переписывание прописей, написанных учителем. Молитвы заучивались в долбежку, без всякого раз'яснения не только внутреннего смысла, но даже без об'яснения непонятных слов и выражений. Псалтырь и часослов были почти единственным пособием этих училищ. Понятно, каких результатов достигала подобная школа. Читали ученики чуть ли не по складам, не понимая прочитанного, арифметические познания были равны нулю; ученики часто не в состоянии были произнести трехзначное число; что же касается правописиания, то о нем не было и речи, потому что сами учителя не отличались грамотностью. Умственного развития школа совсем не давала».[100]). По отношению даже к более поздним годам мы для церковно-приходских школ Вост. Сибири имеем следующие авторитетные, официальные отзывы, характеризующие школы духовного ведомства (первого периода) в Вост. Сибири теми же чертами, что и история нар. обр. в Ялуторовске и Тоб. губер.

Енисейский Епископ Павел в письме Товарищу Министра Народного Просвещения, датированном 13 декабря 1871 года, говорит, что в Енисейской епархии церковно-приходских школ всего 5 с 37 учениками и что «все эти школы находятся по скудости средств, отпускаемых на жалование учащим и учебные пособия, не свыше 105 рублей в год, в состоянии не совсем удовлтворительном и содержатся на счет прихожан».

Смотритель училищ Верхнеудинского уезда Марпин после об'езда училищ в 1872 году писал: «Осматривая церковно-приходские школы я пришел к убеждению, что духовенство старалось исполнить только распоряжение своего начальства об открытии школы и само не могло по неимению средств и по своим хозяйственным занятиям или не желало по неполучению жалования приступить усерднее к образованию своих прихожан».

В Забайкальской области в 1872 году числилось 10 церковно-приходских школ с 207 учащимися (по отдельным школам от 2 до 47 уч.). На содержание их от духовенства ничего не тратилось. Помещением служили церковные сторожки. Там, где школы действительно существовали, они были этим обязаны инициативе и материальной поддержке отдельных зажиточных крестьян. Так, в с. Посольском кр. Каштаков за свой счет построил дом для учили-

---

[100]) Палопеженцев „Нар. обр. в Ялуторовском окр. Тобольской губ.“

ща и отпускал ежегодно на жалование учителю 100 рублей. То же было в Баргузине, в с. Батуринском и т. д.[101]).

Управляющий Якутской областью в письме к ген.-губернатору Восточной Сибири от 29 марта 1873 года писал: «До моего сведения стало доходить, что Якутское духовенство совершенно безучастно относится к делу народного образования и грамотности якут... из частных сведений знаю, что у них все только на бумаге, а сколько именно выучилось детей, этого они не знают».

Далее идут школы, устроенные для особых групп населения. Это начальные школы при заводах и рудниках и школы казачьи.

История горно-заводских школ в Западной Сибири, в районе Алтая, ведет свое начало еще от XVIII века. Тогда были учреждены рудничные школы при Барнаульском и Змеиногорском рудниках.

В 1827 году число этих школ было увеличено открытием еще 5 школ при рудниках и заводах Салаирском, Локтевском, Павловском, Сузунском и Томском. В 1836 году было издано положение о горнозаводских школах., согласно которого при каждом главном заводе и руднике должна быть устроена школа. Сверх старых 7-ми школ было устроено еще 7: в Зырянском руднике, Гурьевском, Риддерском, Белоусовском, Черепановском, Николаевском и Семеновском. В начале 60-х годов на Алтае было всего 19 начальных школ, находившихся в ведении Горного управления. После 60-ых годов, с постепенным увеличением числа школ Министерства Народного Просвещения, число горных школ постепенно уменьшается, пока в 1901 году они не были совсем переданы в Мин. Нар. Просв., а Кабинет Его Величества за собой оставил лишь частичное финансирование бывших горнозаводских школ.

Кроме горнозаводских школ укажем еще на открытие в 20—30-х годах прошлого столетия начальных школ при 2-х винокуренных заводах Томской губернии. История открытия этих школ заслуживает того, чтобы на них остановиться.

Школа при Боготольском винокуренном заводе была открыта в 1820 году Управляющим заводом без разрешения начальства (как констатировал позднейший официальный отчет дирекции народных училищ) для детей заводских рабочих. В этой школе обучались чтению, письму и арифметике в 1830 году 19 детей заводских рабочих. Учителями состояли два ссыльнопоселенца, получавших за свой труд по 10 копеек в день (вознаграждение заводского рабочего). В 1829 году такая же школа, с таким же учителем из ссыльнопоселенцев (с платой по 10 коп. за день) была открыта при Красноярском винокуренном заводе.[102]).

---

[101]) „Сиб. Архив“, 1912 г. № 3. „Из ист. нар. обр. в Забайк. обл.“

[102]) Сб. „Алтай“ гл. о нар. обр., Чудковский.

Особую группу сельских школ составили школы казачьи. Они возникают на территории казачьих войск, имевших свое особое военноадминистративное управление: Сибирское Казачье Войско в Западной Сибири (на территории Акмолинской и Семипалатинской областей и Томской губернии), Забайкальское, Якутское, Амурское и Уссурийское Казачьи Войска в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Якутское, Амурское и Уссурийское Казачьи Войска были очень незначительны по своей численности и соответственно располагали очень небольшим количеством школ.

Наибольший интерес для нас представляет история казачьих школ на территории наиболее значительных по численности войск —Сибирского и Забайкальского.

Начало школ в области Западно-Сибирских Казаков было положено приказом Войскового атамана Броневского в 1815 году, которым предписывалось учредить школы во всех поселках, в каждой крепости, редуте, форпосте и устанавливалось обязательное обучение в этих школах всех детей мужского пола, начиная с 7-ми летнего возраста. Позднее эти школы были разбиты на 28 округов, находившихся в ведении казачьих офицеров, бывших воспитанников Омского войскового училища (Кадетского Корпуса). Повсеместное открытие школ и обязательность обучения, конечно, остались лишь на бумаге, казачьи школы влачили жалкое существование там, где они действительно были открыты и наконец в 1825 году генерал-губернатором Капцевичем приказ Броневского о школах и обязательном обучении был отменен, на территории Сибирского Казачьего Войска оставлено всего лишь 10 поселковых школ. Интересна мотивировка принятой меры: закрытие школ производилось для того, чтобы дать возможность казачьим детям помогать своим отцам расширить общественную запашку, на что в то время правительством было обращено усиленное внимание в интересах колонизации и замирения степи...

Через три года был издан новый приказ, которым предписывалось расширить число войсковых школ, зачислить в них всех мальчиков в возрасте от 10 до 17 лет и подчинить войсковые школы надзору директора Омского Войскового училища. Постановление это, представляя собою возврат к планам Броневского, было осуществлено лишь отчасти: всего было открыто до 60 школ, с числом учащихся по 20 чел. в школе. В 1861 году была произведена коренная реформа Сибирского Казачьего Войска—в связи с преобразованием его был намечен ряд практических мероприятий и по развитию школьного образования среди казаков. Будучи широко задуманы, в действительности эти преобразования в школьном деле выражались в учреждении двух окружных казачьих училищ по программе уездных училищ в Павлодаре и Кокчетаве (первоначально предполагалось открыть до 10 таких училищ). С

1870 года казачьи училища были подчинены в учебном отношении гражданской власти, стали появляться поселковые училища для девочек, учреждены были стипендии из сумм казачьего войска в Омской Учительской семинарии для подготовки учителей в казачьи школы, одним словом казачьи школы стали постепенно улучшаться. Тем не менее они до самого конца своего обособленного существования вследствие скудости средств, отпускавшихся на них, нахождения в наиболее глухих местах и пр., продолжали быть позади остальных школ, других сельских же школ, находившихся в ведении министерства народного просвещения.[103]).

Народное образование в Сибири со 2-ой половины XIX в.

В истории начального образования Сибири второй половины XIX века и первых десятилетий XX-го века, мы можем установить следующие основные моменты: издание положения о начальных училищах и учреждение первых учительских семинарий в 70-х годах, издание правил о церковно-приходских школах 1884 года, перелом в экономической жизни Сибири, связанный с постройкой желдорожной магистрали, революция 1905 года и вызванное ею общественное возбуждение, приступ к проведению всеобщего образования около 1914 года и совпавшее с ним начало мировой войны, наконец, революция 1917 года и введение земских учреждений в Сибири по закону 17 июня 1917 года, фактически начавших функционировать с начала 1918 года.

Начало 60-х годов характеризуется повсеместно по России общественным возбуждением, благотворно отражающимся прежде всего на народном просвещении, на выдвинутии вперед его очередных вопросов, количественном росте и ином подходе к нему по существу. Общественное движение в Сибири отразилось прежде всего, как мы уже видели по воспоминаниям современников, на средней школе и на развитии женского образования; в области начального образования, при разобщенности деревни от города и при слабости сельской интеллигенции, оно не могло серьезно отразиться; поэтому рост сельских школ за 60-ые годы должен быть отнесен за счет естественного развития потребности в школе и появления во главе дирекций и учебных управлений таких лиц, как Ф. В. Рудаков—директор училищ Тобольской губернии или Маак, главный инспектор училищ Восточной Сибири. Инициативе этих же лиц обязаны своим возникновением первые учительские с'езды, состоявшиеся в 60-х годах, в Иркутске и Тобольске. Школьная сеть этого времени характеризуется ничтожными количественно размерами и крайней пестротой в отношении ведомственной принадлежности школ. В городах мы встречаем приходские училища

---

[103]) См. „Нар. обр. в Зап. Сиб. Уг. Окр. с 1897 по 1906 г. в „Ж.М.Н.П." 1909 г. № 9—11.

Мин. Нар. Просвещения по уставу 1828 года, подчиненные смотрителям уездных училищ и через них директорам гимназий, одновременно являющимся директорами всех училищ в губернии. В сельских местностях мы находим: казачьи школы, состоящие в военном ведомстве, горнозаводские школы состоящие в ведении Горного Управления Кабинета Его Величества, школы в селениях государ. крестьян и инородцев подчиненные мин. госуд. имуществ и казенным палатам, наконец, церковно-приходские школы духовного ведомства, состоящие под непосредственным надзором благочинных. Вся эта пестрая сеть школ лишена фактически компетентного об'единяющего надзора, в каждой школе об'ем и характер преподаваняи всецело зависит от учителя и сама по себе школа, как в городе, так и в селе, не пользуется большим авторитетом со стороны населения. Учатся по преимуществу мальчики, обучение девочек только что начинает входить в обыкновение. По сообщению одной маленькой заметки в Журнминнарпросв. 1860 г. в Тобольской губернии в этом году было всего 15 сельских школ разных ведомств, в которых обучалось 891 мальчик и 6 девочек. В этом же году крестьяне двух волостей возбудили ходатайство об открытии у них школ, но поставили условие—чтоб учительниц к ним не посылали. В Томской дирекции, охватывавшей помимо нынешних Томской, Алтайской, Новоникол. губ. и еще и Семипалат. обл., по словам Чуднова в 1859—60 г. во всех начальных школах училось 972 мальч. и 143 девоч. Частная, домашняя передвижная школа очевидно преобладала в качестве образовательного фактора над правительственной, так как если бы количество грамотных среди населения ограничивалось тем, и которых выпускала казенная школа—мы были бы еще дальше назад в отношении образования сельского населения. Для суждения о росте начального образования в Сибири за 60-ые и 70-ые годы мы, к сожалению, не располагаем сколько нибудь исчерпывающими и сравнимыми сведениями. Я могу лишь привести следующие сведения, даваемые Чудновским о числе учащихся в нисших школах Томской дирекции за некоторые годы этих двух десятилетий.

	Учащихся мальч.	Девочек	% девочек	Всего учащихся	Увеличение числа учащихся
1859 год.	972 м.	143 д.	12,8%	1115 д. об. п.	—
1873 год.	3005 м.	752 д.	20,0%	3757 д. об. п.	за 14 л. +336,7%
1882 год.	6332 м.	2163 д.	34,1%	8495 д. об. п.	за 9 л. +222,8%

Средний годовой процент возростания числа учащихся почти одинаков за все 23 года—4,0% в первые 14 лет и 24,7% в следу-

ющие 9 лет, но характерно, что число учащихся девочек растет быстрее числа мальчиков и % их в общей массе учащихся с 12,6 подымается до 34,1, т. е., почти утраивается.

60-ые годы в России принесли еще один фактор для развития народного образования—земские самоуправления по закону 1864 года, но Сибирь не могла добиться распространения на нее благ земского самоуправления и лишь города Сибири наравне с российскими получили новое городское самоуправление по положению 1870 года. Далее мы увидим, как сибирские города, начиная с 80-х годов, используют предоставленные им права деятельности в области народного просвещения и в некоторых отношениях оказываются даже впереди российских городов. При отсутствии в Сибири земства и при слабости городской жизни и населения, в развитии народного образования на территории Сибири основную роль должны были сыграть всецело бюрократические органы, призванные к делу народного просвещения. На первом месте, среди них, конечно, должно было быть министерство народного просвещения. Но как и в России, оно долгое время в области начального просвещения стояло позади других бюрократических органов.

В 1872 году было издано новое положение о начальных училищах, реформировавшее архаичные приходские училища 1828 года. Создавались начальные школы с новой программой, носившие наименование одноклассных и двухклассных. Преобразование старых приходских училищ в новые училища, как обычно, затянулось на долгий ряд лет. Число училищ, открываемых по новому уставу, также было невелико. Тем не менее мы должны отметить, что новые училища по своей программе, по постановке учебного дела значительно превосходили существовавшие в это время школы других ведомств. К тому же с изданием нового положения совпало открытие в Сибири первых специальных учебн. заведений для подготовки учителей народной школы—учительских семинарий в Омске, Иркутске, Красноярске. Конечно, число учителей, выпускаемых ими не могло быть велико при громадных размерах Сибири и ее потребности в образовании, но в соединении с окончившими женские гимназии, прогимназии и епархиальные училища, оконч. первые сибирские учительские семинарии были ядром сформировавшегося позднее кадра специалистов-учителей. Все это способствовало тому, что школы МНП стали постепенно вытеснять школы других ведомств, что последние стали приближаться по программе и типу к школам «министерским», стали передаваться по ходатайствам самого населения в ведение Мин. Нар. Просв. Процесс этот развертывается в последующие десятилетия и заканчивается лишь в начале 900-х годов, когда Мин. Нар. Просв. были переданы школы МВД, бывшие МГИ, горнозаводские, «юбилейные», (школы казачьи в отношении заведывания учебным делом

еще ранее перешли в ведение МНП, также как открывающиеся с конца 90-х годов школы желдор ведомства). Вот почему мы отмечаем, как особый основной момент в развитии сибир. начального народн. образования, издание положения 1872 г.

Мы уже говорили, что школы духовного ведомства в Сибири, созданные, как и повсеместно по империи, в 40-х—50-х годах по синодскому указу, втечении 60-х годов стали постепенно замирать, оставаясь на бумаге, уступая место школам других ведомств. Так продолжалось до издания Правил 1884 года и усвоения правительственными высшими сферами нового направления в народнообразовательном деле. Этот перелом не замедлил отразиться и в Сибири. В период между 1884 и 1895 годом мы видим резкое громадное возрастание школ духовного ведомства. С 229 в 1881 году число их по Сибири поднимается до 2251 в 1896 году, то есть, возрастает в 10 раз. Число учащихся в них за тот же промежуток времени возрастает в 9 раз с 5263 д. об. п. до 47.741.[104]).

Правда, это возростание идет за счет приостановки роста других начальных школ, путем начальственного усердия, воздействия чиновников светских и духовных и насаждения школ самого рудиментарного типа: в числе школ духовного ведомства большинство принадлежит школам грамоты, образовательное значение которых было чрезвычайно мало. По данным 1896 года из 2251 школ духовного ведомства в Сибири школ одноклассных и двуклассных, до некоторой степени соответствовавших школам миннарпросв. по полож. 1872 года, было 724, а школ грамоты—1527. Соотношение между числом учащихся в тех и других, правда, было несколько иное: в церковно-приходских школах нормального типа училось в 1896 году 20.159 чел. и в школах грамоты 27.246 чел., но все же, как видно из приведенных цифр, большинство учащихся в школах духовного ведомства получают самый низкий уровень образования. Обращаясь к отдельным епархиям, мы видим наибольшее число школ грамоты в Томской епархии. История этого явления характерна. В 1896 году распоряжением Томского губернатора духовному ведомству были переданы все домашние школы, существовавшие на территории губернии. Статистика насчитала их около тысячи. Все они и были зачислены в качестве школ грамоты духовного ведомства, а затем местная епархиальная власть долгий ряд лет возилась с преобразованием их в настоящие школы. Но даже независимо от этого преобразования многие из этих школ грамоты исчезли в Томских епархиальных отчетах следующих лет.

В дальнейшем мы уже не встречаем такого разительного роста церковных школ. Если в 1896 году на территории Сибири насчи-

[104]) Данные „Обзора деят. Вед. Правосл в царств. Александра III—1881—1894 г.“ и „Всеподд. отчета Обер. Прокурора Св. Синода“ 1901 г.

тывается 2251 школа, то через 5 лет в 1901 году число их равняется 2527, то есть, повышается на 11,3%, а еще через 10 лет, по вполне точной исчерпывающей переписи 1911 года,—2393, т. е., даже уменьшается на 5,4% (фактически здесь конечно не уменьшение, а более точный учет). Но духовное ведомство в лице своих верхов прочно держится за свои школы, оно стремится к увеличению казенных кредитов, добивается ассигнования кредитов из сумм земских сборов и даже добивается того, что при составлении сетей всеобщего образования предписывается существующие церковно-приходские школы включать в сеть. Одновременно с этим духовная администрация принимает ряд мер, чтобы поставить свои школы на уровень школ министерства народного просвещения: преобразовывает школы грамоты в одноклассные, увеличивает число двуклассных школ, удлиняет курс, изменяет программы, создает церковно-учительские школы и педагогические краткосрочные курсы для обеспечения надлежащего «правоспособного» учительского персонала, поднимает ему вознаграждение и т. п. (так, вследствие принятых мер в 1915 году в составе церк-прих. школ Тобольской епархии мы не находим ни одной школы грамоты, в Томской лишь 13, в Иркутской лишь одну школу грамоты). Но все же, число учащихся растет уже с меньшим темпом, чем рост населения и числа учащихся в школах других ведомств.

В 1896 г. в церковно-приходских школах Сибири по отчету Обер-Прокурора было 47.397 учащихся, в 1911 г. по данным переписи школьной—96.958 учащихся, т. е., увеличение за 15 лет—на 104%. Между тем общее увеличение числа учащихся в нач. школах Сибири с 1894 по 1911 г.—339,4%.

Основным фактором развития народного образования, с нашей точки зрения, всегда и везде является повышение интереса к образованию со стороны самого населения. Конечно, оно стоит в зависимости от постепенной «грамотизации» населения, но в конце концов последняя начинается от этого пункта, В 70-ые годы повышению образовательного интереса у населения способствовало предоставление льгот по образованию окончившим ту или иную школу. Со второй половины 90-х годов повышению образовательного интереса со стороны населения способствует изменение общего характера экономической жизни сибирского населения, вызванное постройкой сибирской желдороги. Именно с этого момента начинается наиболее быстрый рост числа учащихся в начальных школах Сибири, подтверждаемый приводимыми далее сравнительными цифрами данных 1894 и 1911 года. Население само уже ощущает потребность в образовании и чем далее, тем более это сознание укрепляется, будучи в свою очередь вызываемо ростом процента грамотных в населении. Для начала этого периода мы имеем данные переписи 1897 года, которые показывают, как от-

стала Сибирь по грамотности от других губерний России. Данные школьных переписей 1894 и 1911 года показывают далее, как в Сибири за последующие 15 лет поднимается процент учащихся ко всему населению. Данные той же переписи 1911 года числом отказов в приеме показывают, что рост потребности в образовании со стороны населения превалируют над ростом образовательной деятельности, исходящей из разных источников.

Наконец, первая русская революция 1905 года, значение которой для развития сибирского просвещения трудно вкратце охарактеризовать в сводном сжатом очерке, принесла для развития начального образования в Сибири новый стимул: в законодательных учреждениях был поставлен на практическую почву давно уже муссировавшийся в литературе и общественных кругах вопрос о введении всеобщего образования. Хотя и с опозданием сравнительно с другими областями Империи к введению всеобщего образования было приступлено и в Сибири. Но и до этого самая постановка в высших сферах подобного вопроса, близость введения в Сибири земского самоуправления и деятельности группы сибирских депутатов Государственной Думы, образовавших в своем составе особую подкомиссию по начальному образованию, действовали подталкивающим образом на образовательную деятельность местной администрации.

Начало работ по введению в России всеобщего образования относится к 1908 году, когда был издан закон 3 мая об отпуске средств на мероприятия земств и городов по введению всеобщего образования, согласно планам разрабатываемым земствами и городами и утверждаемым мин. нар. просв. К октябрю 1914 года уже 342 уездных земства Европ. России (из общего числа их 359) приступило к осуществлению намеченных ими многолетних планов введения всеобщего народного образования. Из городов соглашение о введении всеобщего образования на началах утвержденного министерством плана состоялось с 195 городскими управлениями, плюс 77 вошли в школьные сети уездных земств и 53 городским управлениям было назначено пособие на введение всеобщего образования условно, до представления ими разработанного плана.

Вторым по времени был закон 1913 года о пособиях на осуществление всеобщего образования в неземских губерниях. На основании этого закона можно было приступить к проведению плана школьной сети и в Сибири. Разработка планов здесь была сосредоточена в городских управлениях и в дирекциях народных училищ. В 1914 году в Мин. Нар. Просв. уже были представлены матерьялы по составлению плана для 10 уездов Тобольской, Томской и Акмолинской губерний. В то же время был закончен разработкой план для Енисейской и Иркутской губ., расчитанный на

15 лет. Война приостановила до некоторой степени широкие планы, но не совсем—разработка их продолжалась все время. К 1919 году в Мин. Нар. Просв. Сибирского Правительства имелся уже вполне законченный план для всей Сибири. План был расчитан на 10 лет, считая с 1 января 1919 года по 1 января 1929 года.[105]).

Начальное народное образование в Сибири по данным переписи 1911 г. Общий рост числа нач. школ.

При отсутствии правильно поставленной организованной школьной статистики в России, для характеристики состояния начального образования в Сибири основным и наиболее достоверным ценным матерьялом являются данные однодневной школьной переписи 18 января 1911 г. Прежде всего, эта перепись в сравнении с данными, собранными хотя и менее совершенным путем в 1894 году, позволяет установить темп развития образовательной деятельности в Сибири за 15 лет, протекших после того перелома в культурно-экономической жизни Сибири, который связан с постройкой Великой Сибирской железной дороги. Перепись дает нам данные о числе всех начальных школ разных ведомств по губерниям и областям Сибири.[106]).

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ	1894 год	1910 год	% увеличения за 15 лет
Акмолинская область.	123	4333	252,0%
Семипалатинская область.	67	171	155,2%
Тобольская губерния	476	1206	153,3%
Томская губерния	624	1637	162,3%
Итого.	1290	3446	167,1%

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ	1894 год	1910 год	% увеличения за 15 лет
Енисейская губерния	193	366	89,6%
Иркутская губерния	264	658	187,0%
Якутская область.	71	108	53,5%
Забайкальская область.	306	619	102,2%
Итого.	834	1951	133,8%

[105]) „Наст. сибир. календарь на 1919 г.“ изд. Мин. Нар. Просв. Сибир. Правительства.

[103]) Вып. XIV—XV=мат. переп. по округам Азиат. России. Я пользовался итоговым выпуском (XVI) и с т. Андреева—„Нач. школы Сибири по переписи 1911 г.“ в „Русской Школе“ 1915 г. № 2: см также ст. Кабардина „однодневная перепись школ 1911 г.“ в „Журн. Мин. Нар. Пр. 1917 г. № 5. Часть относит. цифр взята из названных источников, часть вычислена мною.

ПРИАМУРСКИЙ КРАЙ	1894 год	1910 год	% увеличения за 15 лет
Амурская область	67	213	217,9%
Приморская область	83	429	451,8%
Сахалинская область		10	
Камчатская область		19	
Итого	150	671	347,3%
ВСЯ СИБИРЬ	2274	6068	167,2%
ВСЯ ИМПЕРИЯ	60.599	100.749	66,2%

(В частности, по 34 земским губерниям увеличение общего числа школ с 1894—1911 год: 70,3%, по 13 неземским губерниям: 44,6%, по 3 Прибалтийским губ.—4,1%, по польским г.—46,1%, по Кавказу: 132,9%).

Таким образом, за 15 лет, протекших от 1894 по 1911 год, мы видим в Сибири гораздо больший рост числа начальных школ, чем в других частях империи. Это явление об'ясняется тем, что в других областях России за 50 лет земской деятельности было сделано сравнительно с Азиатской Россией много больше в области народного образования и когда в 900-ых годах, в эпоху 3 и 4 Государственной Думы был поставлен вопрос о всеобщем народном образовании, то неземским окраинам пришлось развить интенсивнейшую деятельность для того, чтобы хоть несколько приблизиться даже не к всеобщему, а к достигнутому в земских губерниях уровню элементарного школьного образования. К тому же, в это время ставился и тормозился правящей бюрократией вопрос о распространении на окраины земского самоуправления и бюрократия, ведавшая на этих окраинах местным хозяйством, составлением и исполнением, так называемых, «смет и раскладок земских повинностей», считала задачей своего самолюбия доказать, что при желании она не хуже общественных кругов может развить культурную деятельность. Характерно поэтому, что наряду с Сибирью наиболее сильным ростом школьного строительства отличается другая окраина России—Кавказ.

Среди отдельных сибирских губерний наибольший рост начального образования замечается в дальневосточных губерниях. Это явление об'ясняется также не тем, что население этих областей пред'являло больший, сравнительно с другими областями, спрос на начальную школу, а соображениями бюрократического свойства: тем усиленным вниманием, которое перед русско-японской войной и особенно после нее обращалось правительством на эту окраину Сибири, наиболее малолюдную, но игравшую роль

пограничного форпоста России на крайнем востоке. За ними идут западно-сибирские и в частности Акмолинская область, в связи с усиленным переселением в эти губернии и стремлением заселить степные области русским населением, укрепить его культурную роль.

Кстати, пользуясь теми же итоговыми данными школьной переписи 18 янв. 1911 г., сделаем сводную таблицу о времени открытия начальных школ, охваченных переписью. Сибирские начальные школы сгруппируем по следующим периодам: до 1801 г., между 1801 и 1850 г.г., между 1851 и 1888 г.г. (год открытия университета), между 1889 и 1908 годом. В таком случае получается следующая таблица.

	До 1801 г.	1801—1850	1854—1838	1889—1908 г.	1909 г.	1910 г.
Зап. Сибирь .	2	38	409—11	2278—134	230	324
Вост. Сибирь. .	1	17	315—8	1173—58	140	193
Приам. Край .	—	—	33—менее 1 шк.	439 22	94	73
		В среднем в 1 год открыто менее чем по 1 школе,	Открыто в среднем в год	Открыто в среднем в год		
Итого. .	3	55—1	757—20	3890—195	464	590

Число учащихся в начальных училищах Сибири 1894—1911 годы.

Число школ само по себе еще не характеризует в достаточной степени количественного роста народного образования: число школ может расти, но количество учащихся в них по тем или иным причинам отставать от него или наоборот—число школ может даже уменьшаться благодаря практиковавшемуся в крупных городах за последнее время соединению школ, а число учащихся возростать в сильной степени.

Поэтому в приведенные выше цифры числа училищ необходимо внести серьезный корректив, дополнить их цифрами об общем числе учащихся в начальных школах за те же годы.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ	1894 год	1911 год	% увеличения
Акмолинская область	4.353	27.171	408,9%
Семипалатинская область	2.172	8.423	288,2%
Тобольская губерния.	16.689	50.645	203,4%
Томская губерния	18.189	92.778	410,0%
Итого.	41.603	179 012	330,2%

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ	1894 год	1911 год	% увеличения
Енисейская губерния	6.009	31.341	421,8%
Иркутская губерния.	7.446	28.648	284,7%
Якутская область.	892	2.218	148,6%
Забайкальская область.	7.999	26 964	237,0%
Итого.	22.346	89.171	399,0%

ПРИАМУРСКИЙ КРАЙ	1894 год	1911 год	% увеличения
Амурская область	2969	13.704	361,9%
Приморская область	2334	21.622	859,5%
Сахалинская область		382	
Камчатская область		392	
Итого.	5303	36.100	580,5%
ВСЯ СИБИРЬ	69.252	304.283	339,4%
ВСЯ ИМПЕРИЯ	2.970.801	6.629.978	123,2%

(В частности по земским губерниям увеличение общего числа учащихся за 15 лет—на 117, 1%, по неземским губерниям на 127,9%, по Прибалтийскому краю на 25,1%, по Польским губерниям на 92,3%, по Кавказу на 213,0%).

Цифры, характеризующие рост числа учащихся по отдельным губерниям Сибири и по различным районам России в общем выявляют те же тенденции развития народного образования, что и вышеприведенные цифры о числе школ. Только рост образования начального выступает более выпукло: рост числа учащихся везде опережает рост числа школ. Опять таки и в этом отношении выделяется Дальний Восток, по 3 областям которого мы имеем рост за 15 лет в 9 раз. Далее идут Акмолинская обл., Томская и Енисейская губернии—все районы усиленного переселения (Минусинский край в Енисейск. губ., Кулундинская степь и Алтай в Томской губернии).

Народное образование в городах и селениях Сибири по данным 1894 и 1911 г.

Говоря о темпе развития образовательной деятельности, мы должны при этом различать образовательную деятельность среди городского и среди сельского населения, среди мальчиков и девочек, среди различных национальностей; должны сопоставить раз-

витие этой деятельности с общим ростом населения, с территорией и расселенностью того населения, на которое она направлена.

Безусловно, одним из существеннейших моментов в образовательной деятельности является—направлена она на городское или на сельское население, так как в том и другом случае чрезвычайно различны самые условия образовательной деятельности.

Для того, чтобы установить общий темп развития народного образования в городах и селениях Сибири порознь, мы воспользуемся данными 1894 года и переписи 1911 года, т. к., более ранних, сравнимых данных в нашем распоряжении нет.

Представим эти данные в следующей таблице.

	Число школ 1894 г.	1911 г.	% увел.	Число учащихся 1894 г.	1911 г.	% увел.
ГОРОДА:						
Западная Сибирь. . .	133	350	162,4%	8357	28538	+241,5%
Восточная Сибирь . .	83	199	139,9%	4162	14550	+250,0%
Приамурский край . .	10	69	590,0%	859	7774	+805,0%
Вся Сибирь	226	618	174,3%	13378	50864	+280,1%
СЕЛЕНИЯ:						
Западная Сибирь. . .	1157	3096	167,7%	33036	140951	+326,6%
Восточная Сибирь . .	851	1752	105.9%	18184	69979	+284,8%
Приамурский край . .	140	602	430,0%	4444	26247	+499,0%
Вся Сибирь	2148	5450	153,7%	55654	237177	+326,0%

В то же время по 50 губ. Европ. России мы можем установить следующий темп развития народной школы в городских и сельских местностях.

	1894 год.	1911 год.	% увеличения.
ГОРОДА:			
Школ	5009—	8373=	+ 67,1%
Учащихся	335678—	760449=	+126,5%
СЕЛЕНИЯ:			
Школ	47618—	76312=	+ 49,8%
Учащихся	2239130—	4438676=	+ 98,0%

Таким образом, в Сибири мы находим за 15 лет, протекших с 1894 по 1911 год, гораздо больший рост числа школ и учащихся в сельских местностях, чем в городских. С первого взгляда это кажется странным, но об'ясняется это явление той страшной отсталостью в сельском просвещении неземских и вообще окраинных губерний, которую им приходилось спешно нагонять за последние (после 1905) годы, в то время как в городах рост начального образования носил более постепенный нормальный характер.

Показателем того, насколько сельские местности Сибири отстали по обеспечению их начальными школами и по распространению среди сельского населения школьного образования сравнительно с сибирскими же городами, могут служить данные о числе учащихся 7—14 лет, к общему количеству детей этого возраста в городах и селениях. В 1911 году соотношение между учащимися и неучащимися детьми этого возраста выражалось следующими цифрами.

	На 100 город. детей 7—14 л. училось в шк.	На 100 сельск. детей 7—14 лет училось.	Разница.
Западная Сибирь . .	27,7	12,1	—15,6
Восточная Сибирь . .	25,5	16,1	— 9,4
Приамурский край . .	32,2	29,9	— 2,3
По всей Империи . .	29,0	19,3	—10,3

Опять таки, и здесь мы видим, что области Дальнего Востока наилучше других (лучше, чем вообще по империи) обеспечивают сельское население школами (имея очень маленькую разницу в этом отношении между городами и селениями). Если же взять старейшие и вместе с тем наиболее густо населенные губернии Западной Сибири, то в них соотношение между сельскими и городскими школами не в пользу первых, гораздо в большей степени, чем по империи в целом.

Половой состав учащихся нар. школы в Сибири.

По данным переписи 1911 года большинство учащихся в начальных училищах Сибири составляли мальчики—от 64 до 75% по отдельным областям. По всей империи в целом мальчики составляли среди учащихся 67,9% и девочки 32,1%. По отдельным губерниям и областям Сибири соотношение между мальчиками и девочками в общем количестве учащихся характеризуется следующей таблицей.

	Мальчик.	%	Девочек.	%
Западная Сибирь.				
Акмолинская	18810	69,4	8361	30,6
Семипалатинская	5569	66,1	2854	33,9
Тобольская	36187	71,5	14458	28,5
Томская	65404	70,5	27374	29,5
Итого.	125970	70,4%	53042	29,6%
Восточная Сибирь.				
Енисейская	20341	64,9	11000	35,0
Иркутская	12023	69,4	9625	30,6
Якутская	1659	74,8	559	25,2
Забайкальская.	19722	73,3	7242	26,7
Итого.	60745	68,1%	28426	31,9%
Приамурский край.				
Амурская	8618	62,9	5086	37,1
Сахалинская	260	66,2	132	33,8
Приморская	13878	64,2	7744	35,8
Камчатская	235	69,4	147	30,6
Итого.	22991	62,7%	13109	36,3%

Как видно из таблицы, в Сибири процент девочек среди учащихся выше чем в России (36% против 32% по всей империи).

Уже одни эти цифры характеризуют слабое, сравнительно с мужчинами, распространение образования среди женщин в Сибири. Ниже мы увидим, что по переписи 1897 года среди женщин процент грамотных в 4 раза меньше, чем среди мужчин. Мы можем подойти к этому явлению еще с другого рода цифрами—взять отношение учащихся девочек и мальчиков к общему числу детей того и другого пола в школьном возрасте. Поскольку у нас имеются подобные данные за 1894 и 1911 год, мы можем посредством их установить темп развития школьно-образовательной деятельности по отношению к каждому полу.

В целом, по основным областям Сибири % учащихся среди девочек и мальчиков в 1911 году.

	З. С.	В. С.	П. К.
Среди мальчиков . . .	18,7	23,8	41,2
„ девочек	8,8	10,8	20,3

Как общее явление, приходится установить более быстрый темп развития образования среди девочек, вдвое меньшее среди них число учащихся сравнительно с мальчиками и—уже не в первый раз—что дальневосточные области превышают другие, как по общей высоте процента учащихся детей, так, в частности, процентом учащихся девочек.

Национальный и вероисповедный состав учащихся.

Национальновероисповедный состав учащихся мы рассмотрим порознь в отношении мальчиков и девочек, так как в том и другом случае замечается существенная разница. Группируя сведения, даваемые переписью 1911 года, лишь по основным областям Сибири, мы получаем следующую таблицу:

	Русские	Тюрко-татаре (киргизы, татары, якуты)	Финны (зыряне и пр.)	Монголо-буряты	Китайцы и корей-цы	Прочие народы
Мальчики.						
Зап. Сибирь	72,6%	24,9%	1,2%	—	—	1,3%
Вост. Сибирь	65,5%	13,2%	—	16,5%	—	3,1%
Примам. Кр.	63.4%	1,2%	—	—	17,3%	16,7%
Девочки.						
Зап. Сибирь	96,0%	1,4%	0,9%	—	—	2,3%
Вост. Сибиря	90,6%	2,3%	—	4,2%	—	3,0%
Приам. Кр.	93,6%	0,4%	—	—	4,1%	1,7%

К данным таблицы необходимо прибавить, что по всей Империи среди учащихся обоего пола русские составляют 80%. В Сибири (как и вообще в Империи) наибольшее преобладание русской национальности среди учащихся замечается между девочками, так как инородческое население если и учит своих детей, то преимущественно мальчиков. Процент учащихся мальчиков—русских понижается в направлении с запада на восток в соответствии с увеличением процента инородческого населения. Среди отдельных инородческих племен наибольший процент учащихся после

русских дают: в Западной Сибири—киргизы и татары, в Восточной—буряты и в Приамурском крае—китайцы и корейцы.

Приведенные данные показательны лишь с одной стороны. Необходимо число учащихся той или иной национальности сопоставить с общей численностью данной национальности. В таком случае, мы получим для всей Сибири следующие относительные цифры:

Среди русских	3,04.	Среди финнов	1,67.
„ поляков	2,64.	„ татар	0,13.
„ немцев	5,12.	„ киргиз	0,14.
„ латышей и литовцев	3,74.	„ бурят	0,86.
„ евреев	4,61.	„ тунгусов	0,01.
„ китайцев	0,01.	„ якут	0,45.
„ корейцев	2,43.		

Необходимо оговориться, что приведенные цифры относятся только к общим школам—начальным училищам, в которых преподавание производится на русском языке. Ниже мы увидим, что среди некоторых туземных народностей распространены свои конфессионально-национальные школы и виды обучения, неучтенные переписью 1911 года, но дающие в конечном итоге, например, для татар Западной Сибири больший процент грамотности (не по русски), чем среди соседственного им русского населения. Вообще по Империи процент учащихся к общему числу национальности: среди великоруссов 4,85, среди малороссов 3,53, среди белоруссов 2,71, среди поляков 2,96, среди евреев 1,88, (в том и другом случае невысокий процент грамотности по русски компенсируется высоким процентом грамотности на своем языке), среди немцев 6,55, среди татар 0,85.

Цифры, дающие нам национальный состав учащихся в начальных школах, предопределяют собой и вероисповедный состав учащихся в тех же школах. Опять таки возьмем порознь мальчиков и девочек.

	Православные (и единоверцы)	Старообрядцы (и сектанты)	Католики и лютеране	Евреи	Мусульмане и язычники
Мальчики.					
Зап. Сибирь	95,0	2,0	0,9	0,4	1,6
Вост. Сибирь	94,4	1,0	0,9	1,5	4,1
Приам. Край	93,1	5,6	0,8	0,06	0,3
Девочки.					
Зап. Сибирь	95,5	1,4	1,4	1,1	0,3
Вост. Сибирь	92,3	0,8	1,3	3,3	2,1
Приам. Край	90,3	7,9	0,9	0,3	0,3

По всей Империи процент. православных среди мальчиков 85,0 и девочек 80,0, старообрядцев и сектантов 1,4 и 1,4, католиков и лютеран 10,1 и 13,7, евреев 1,5 и 3,8, прочих 1,9 и 0,9. В отношении Сибири обращает на себя большой процент учащихся старообрядцев и сектантов в Приамурском крае и язычников в Восточной Сибири (это буряты, якуты и пр.).

Социальный состав учащихся.

Данные о социальном составе учащихся начальных школ Сибири мы дадим в относительных цифрах и без разделения на губернии, города и сельские местности, различая в то же время социальный состав учащихся мальчиков и девочек.

	Дворян., чин. и духовн.	Почетн. гражд., купцы	Мещане	Крестьяне	Казаки	Прочие
Зап. Сибирь.						
Мальчики	1,07%	0,24	8,68	82,05	5,64	2,32
Девочки	2,42	0,38	16,94	72,23	6,53	1,50
Об. пола	1,47	0,27	11,12	79,15	9,91	2,08
Вост. Сибирь.						
Мальчики	1,50	0,26	7,64	67,06	13,89	9,65
Девочки	3,01	0,50	13,09	68,54	8,80	6,06
Об. пола	2,97	0,33	9,36	67,53	12,29	8,52
Приамур. Край.						
Мальчики	0,88	0,27	4,99	81,72	8,83	3,31
Девочки	1,71	0,12	9,87	79,93	7.66	0,71
Об. пола	1,17	0,23	6,66	81,10	8,43	2,41
Вся Империя.						
Мальчики	1,20	0,33	8,52	83,35	5,56	1,04
Девочки	2,09	0,66	14,60	76,47	5,12	1,06
Обоего пола	1,48	0,44	10,46	81,16	5,42	1,04

За счет прочих сословий в этой таблице должны быть отнесены также инородцы. В общем, между областями Сибири особенных различий в социальном составе учащихся нет, как и следовало ожидать, по общему социальному составу большинство принадлежит детям крестьян (и казаков).

Возрастный состав учащихся.

Говоря о возрастном составе учащихся в начальных школах, мы также будем различать мальчиков и девочек, так как в том и другом случае разные относительно возрастные группы. В общем, возрастный состав девочек ниже, чем мальчиков. По всей Империи средний возраст девочек 10,1 лет, мальчиков 10,5 лет.

Общее число.	Мальчики	Девочки	Обоего пола		
	188.324	84.104	272.628	% по Сибири	% по Импер.
Менее 8 лет	3861	1913	5774	2,1	2,05
8 лет	21068	10541	31609	11,2	10,96
9 лет	36411	15709	52120	19,1	18,60
10 лет	44738	20404	65142	23,9	27,03
11 лет	35268	15571	50839	18,6	19,15
12 лет	26531	10742	37273	13,6	14.41
13 лет	12667	4439	17106	6,2	6,64
14 лет	5140	1855	6995	2,5	2,79
15 лет и старше	2840	762	3602	1,3	1,34

Как и по всей Империи, большая часть учащихся в возрасте 8—11 лет. В Сибири это явление выражено даже, пожалуй, сильнее, чем в остальных местностях Империи. Беря рамки 7—14 лет, мы имеем детей этого возраста 98,66%, то есть, учащиеся в начальной школе дети почти целиком определяются рамками этого возраста.

Имеет теоретический и практический интерес различение школьного возраста в отношении сельского и городского населения. При таком подходе к данным той же переписи 1911 года мы будем иметь следующие цифры.

Городские начальные школы.

	а) мальчики.			б) девочки.		об. пола.	
	Всего учащих.	в т. ч. в возр. 8—11 л.	%	Всего учащих.	в т. ч. 8—11 л.	%	%
Зап. Сибирь	15887	11655	73,4%	12651	9379	74,1%	73,7
Вост. Сибирь	8141	5943	73,0%	6409	4635	72,9%	72,7
Приамур. Край	3819	2672	70,0%	3955	2495	63,1%	66,5
Вся Сибирь	27849	20270	72,1%	23015	16509	71,7%	72,3
Вся Империя	547014	396442	72,5%	437968	333163	76,1%	74,1

Сельские начальные школы.

Зап. Сибирь	103644	77682	75,0%	37307	29791	79,9%	76,2
Вост. Сибирь	49462	34962	70,7%	20517	15386	75,0%	71,9
Приамур. Край	17936	11768	65,6%	8321	6440	77,4%	69,3
Вся Сибирь	171042	124482	72,7%	66145	51617	78,0%	74,2
Вся Империя	3639858	2521465	69,1%	1523644	1208312	79,9%	72,2

Для настоящей таблицы мы взяли возраст 8—11 лет, так как в различных проектах введения всеобщего образования в России этот возраст обычно берется как основа для различных исчислений. Между Европ. Россией (приравнивая к ней общеимперские цифры) и Сибирью разницу мы устанавливаем в двух случаях: возраст мальчиков в сельских школах Сибири ниже, чем по всей Империи в целом и наоборот, возраст девочек в городских школах Сибири выше, чем в городских школах всей Империи в целом.

Степень удовлетворения начальной школой потребности в образовании населения Сибири.

До сих пор мы все говорили о темпе развития школьно-образовательной деятельности и установили, что рост начальной школы в Сибири за последние полтора десятка лет, по отношению к которым мы имеем сравнимые данные, превышает развитие народного образования в других, более культурных частях империи. Возникает вопрос, насколько это развитие народно-образовательной деятельности к моменту, к которому относится перепись и используемые нами данные, удовлетворяло потребности населения в образовании? Ответ на этот вопрос нам могут дать данные об отношении числа школ к населению и территории, об отношении числа учащихся в школах к населению (всему и школьного возраста), наконец, данные о числе отказов в приеме в школу.

Установив количество населения по губерниям и областям Сибири на 1 янв. 1911 г. согласно общепринятых начислений к цифрам первой всеобщей переписи 1897 года и взяв из школьной переписи 18 января 1911 года общее число школ всех ведомств и тип, мы можем составить следующую таблицу.

	Населения об. пола. в тыс. д.	На одну школу.	
		Населения.	Селений.
Акмолинская облость	550,7	2452	1,3
Семипалатинская	456,7	4964	3,6
Тобольская	914,5	1529	4,0
Томская	1624,5	1972	2,1
Енисейская	489,8	2627	4,0
Иркутская	358,8	1058	3,6
Якутская	164,2	2878	3,0
Забайкальская	439,1	1379	1,3
Амурская	133,8	1081	1,2
Приморская	328,0	1243	Св. нет.
Камчатская	19,3	1410	3,5
Сахалинская	9,3	1963	13.2

Большую показательность имеют другие цифры—об отношении числа учащихся к числу детей школьного возраста или ко всему населению. Для большего удобства (так как иногда приходится оперировать с относительными цифрами обоих родов), я приведу цифровые выражения отношения числа учащихся как к числу детей школьного возраста, так и к общей численности всего населения. Школьный возраст определяется различно—чаще всего как школьный возраст берут или 8—11 лет или 7—14 лет. Мы возьмем второй, как захватывающий 98,66% всего числа учившихся в нач. шк. Сибири в 1911 г.

В таком случае мы получим следующую таблицу.

	На 100 детей об. п. в возрасте 7—14 лет. учащихся.	На 100 жит. об. п. всего учащихся.
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.		
Акмолинская область	13,2	2,55
Семипалатинская	5,4	0,97
Тобольская	15,7	2,74
Томская	14,3	2,87
	13,4	2,56

	На 100 детей об. п. в возрасте 7—14 лет. учащихся.	На 100 жит. об. п. всего учащихся,
ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.		
Енисейская губ.	17,9	3,26
Иркутская губ.	22,2	4,11
Якутская область	4,1	0,71
Забайкальская	16,5	3,16
	17,2	3,16
ПРИАМУРСКИЙ КРАЙ.		
Амурская область	38,7	5,95
Приморская	29,1	4,06
Камчатская		1,05
Сахалинская	27,9	2,71
	30,4	4,43

По всей империи процент учащихся к общему числу детей об. пола 7—14 лет равняется 20,4% и ко всему населению—4,04%.

Как видно из таблицы, лишь дальневосточные области и превышают общеимперский процент учащихся. Из отдельных губерний самый низкий процент имеют преимущественно инородческие по составу населения области Якутская, Семипалатинская, Камчатская. Выше всех по проценту учащихся Амурская область.

Как ни значителен рост числа начальных школ за последние годы, превышая таковой же по другим областям империи, он отстает от роста потребности населения в школе. Мы видели, что было время когда на вызов администрацией желающих отдать своих детей в школу, таковых находилось два—три человека или даже совсем не находилось. Иное мы видим в 1911 году. Переписью были особо зарегистрированы отказы детям в приеме в школу, в предшествующем 1910 году. Не будем приводить эти данные по отдельным губерниям и сгруппируем их по основным областям Сибири:

	Отказано в приеме детей обоего пола.	% к общему числу учащихся в первых отделениях.
Западная Сибирь	38082	47,4%
Восточная Сибирь	9223	24,3%
Приамурский край	4474	27,5%

Как видно из таблицы, наибольшее число отказов было в Западно-Сибирском учебном округе, где мы имеем наиболее густое население, большее в сравнительно число школ и учащихся и еще больший стало быть интерес населения к школе. Казалось бы в этом округе, (тем более при наличности спецаильного управления школьным делом, которого не было в Вост. Сибири и Приамурье), можно было ожидать наибольшего темпа в увеличении числа школ, а однако, в действительности мы видим иное: впереди идут дальневосточные губернии, на которые правительственная власть обращала наибольшее внимание в связи со своей политикой в Крайней Азии.

Принадлежность нач. школ к различным ведомствам и их типы.

В отношении начальных школ чрезвычайно существенный момент—принадлежность их тому или иному ведомству. Перепись (итоговые таблицы) делит все школы империи на три разряда: школы Министерства Народного Просвещения, школы Ведомства Православного Исповедания и школы прочих ведомств. Первых по всей Сибири оказывается 2.603 (42,6%), вторых 2.393 (39,4%) и третьих—1.082 школы (18%). В числе школ прочих ведомств находятся школы железнодорожные, приютские, казачьи, минвнутрдел и проч. Так как все они находились под учебным надзором мин. нар. просвещения, мы не будем рассматривать их особо и, соединив вместе, противоположим школам духовного ведомства ввиду специфического характера последних. В таком случае мы получим две группы: светские 60,6% и духовные 39,4%. Выше всего % церк.-прих. школ в Западной Сибири—43,2%, в Вост. Сибири он равен 35,4% и меньше всего в Приамур. крае—31,7%. По всей империи соотношение между светскими и церковными школами характеризуется следующими цифрами: 69,9% и 38,1%, то есть, в Европ. России процент церковно-приходских школ несколько ниже, чем в Сибири.

Почти то же соотношение между образовательной деятельностью отдельных ведомств получится, если мы вместо числа школ возьмем число учащихся в школах различных ведомств. Обособим при этом сельские и городские местности.

	В школах Мин. Нар. Просв.	В школах Вед. Прав. Испов.	В школах проч. вед.
ГОРОДА.			
Западная Сибирь	20924	5155	2459
Восточная Сибирь	9757	2502	2291
Приамурский край	6144	1333	307
Вся Сибирь	36825	8990	5057
Тоже в %-х	72,3%	17,8%	9,9%
Вся Империя	776360	154327	54295

	В школах Мин. Нар. Просв.	В школах Вед. Прав. Испов.	В школах проч. вед.
СЕЛЕНИЯ.			
Западная Сибирь.	81737	57698	1516
Восточная Сибирь	44993	22119	2967
Приамурский край	17904	8151	202
Вся Сибирь . . .	144634	87968	4685
Тоже в % х . . .	60,9%	37,2%	1,9%
Вся Империя . . .	3472236	1637293	52973

Всего в Сибири: в школах М. Н. П. . . . . 181.459=63,0%
в школах В. П. И. . . . . 96.958=33,6%
в школах проч. ведом. . . . . . 9.472= 3,3%

Таким образом: а) если взять для сравнения число не школ, а учащихся в начальных школах различных ведомств, то роль ведомства православного исповедания в развитии народного образования понижается еще более, так как церк.-прих. школы имеют меньшее в среднем на каждую школу число учащихся; б) церковно-приходские школы распространены главным образом в сельских местностях (37% против 17% в городах), что при большей рудиментарности этого типа школ сравнительно со школами других ведомств служит лишь показателем отсталости сельского народного образования сравнительно с городским; в) наибольшее развитие церковно-приходские школы имеют в Западной Сибири (как в отношении числа школ, так и учащихся в них).

Как министерские, так и церковно-приходские школы делились на школы одноклассные и школы двуклассные (среди школ ВПИ встречаются в 1911 году еще школы грамоты, но в незначительном количестве—так в Зап. Сиб. их было по переписи 1911 года 133 с 4599 учащимися, а в Приамурье 20 с 368 учащимися).

Распределение начальных школ Сибири на одноклассные и двуклассные целесообразно провести порознь по городам и селениям. В таком случае мы получим следующую таблицу.

	Одноклассные (В гор. В селах Всего)	Двухклассные (В гор. В селах Всего)	% Двух кл. уч. (В гор. В селах)
Зап. Сибирь	317+2970=3096	33+126=159	9,4%—4,0%—
Вост. Сибирь.	180+1557=1792	19+195=214	9,5%—12,0%—
Приамур. Край	51+526—602	18+276=294	26,1%—12,6%—
Вся Сибирь	548+5033=5430	70+397=467	11,3%—7,3%—

Как и следовало ожидать, выше всего процент двуклассных училищ в городах. Обращает на себя высокий процент двуклассных училищ в Приамурском крае, что об'ясняется усиленным вниманием, которое было обращено правительством на этот край после Русско-Японской войны.

Учащиеся в начальных школах Сибири по отделениям и продолжительности курса.

Поскольку речь зашла у нас о школах, одноклассных и двуклассных, о сравнительном соотношении между ними,—не лишне будет дополнить данные цифры еще другими: о числе школ с различной продолжительностью курса и о числе учащихся по отделениям начальных училищ.

	А. Города				Б. Селения				Всего
	Школы с курсом				Школы с курсом				
	Не более 3 л.	в 4 г.	в 5 л.	6 и более	Не более 3 л.	в 4 г.	в 5 л.	6 и более	
Зап. Сиб.	298	15	28	9	2589	101	126	10	3157—116—154—19
Вост. Сиб.	162	19	16	2	1378	172	189	10	1540—191—205—12
Приам. Кр.	42	7	17	3	422	94	51	23	464—101—68—26
Вся Сибирь.	502	41	61	14	4389	367	366	43	5161—408—427—57

Выражая те же данные в процентах, в относительных цифраф, мы получим.

	А. Города	Б. Селения
Западн. Сибирь	85,1; 4,3; 8;24	91,5; 3,5; 4,4; 0,3
Восточ. Сибирь.	82,8; 9,5; 8;1,0	78,7; 9,8; 10,8; 0,5
Приамур. Край	60,8; 10,1; 24,6; 4,3	71,5; 15,9; 8,6; 3,9
Вся Сибирь.	81,2; 6,5; 9,8; 2,2	85,0; 7,1; 7,1: 0,8

Преобладающий тип школы, в соответствии с приведенными выше данными о числе школ одноклассных и двуклассных—это трехлетки (84% всего числа городских и сельских школ).

Перейдем теперь к распределению учащихся по отделениям. Возьмем отдельно школы светские и духовные и мальчиков порознь от девочек (цифры—только относительные, чтобы не загромождать изложение). Начнем с городских школ.

	Школы Светские						Школы Духовные					
	Отделения						Отделения					
	I	II	III	IV	V	VI	I	II	III	IV	V	VI
Мальчики												
Зап. Сибирь .	43,0	32,6	22,1	1,3	0,9	0,1	41,3	34,0	21,3	2,6	0,8	—
Вост. Сибирь .	38,1	35,9	24,4	1,3	0,3	—	46,0	27,1	18,8	5,8	1,6	0,7
Приам. Край .	40,6	37,4	20,3	2,9	1,5	—	37,9	28,0	21,3	9,9	2,9	—
Девочки												
Зап. Сибирь .	41,8	31,8	19,9	4,3	1,7	0,8	38,3	38,5	18,9	2,9	1,6	0,9
Вост. Сибирь .	42,5	32,9	21,7	2,6	0,3	—	36,6	28,1	19,8	9,2	5,7	1,1
Приам. Край .	36,4	29,7	18,6	10,6	4,7	0,0	45,5	26,6	18,1	9,9	2,9	—

Распределение учащихся по отделениям в сельских школах может быть представлено в следующей таблице.

	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Мальчики.												
Зап. Сибирь .	48,9	32,6	15,7	2,0	0,8	0,0	51,0	33,0	15,5	0,4	0,2	—
Вост. Сибирь .	43,8	31,0	17,5	4,9	2,7	0,1	46,1	33,9	18,6	1,3	0,6	0,1
Приамур. . .	42,0	31,4	18,8	5,2	2,1	0,5	45,9	29,7	18,6	4,7	1,0	0,1
Девочки.												
Зап. Сибирь .	56,3	29,7	11,8	2,0	0,1	—	58,0	29,4	12,0	0,8	0,1	0,0
Вост. Сибирь .	52,1	29,7	12,8	4,0	1,8	0,1	52,1	31,8	14,8	1,5	0,9	0,2
Приамур. . .	54,8	29,8	11,9	2,1	1,1	0,3	54,5	28,7	14,8	1,8	0,1	0,1

Хотя, в общем соотношение между отделениями почти одинаково и для городских и для сельских школ, но все же приходится констатировать большее преобладание первых отделений над следующими в сельских школах сравнительно с школами городскими, в школах церковно-приходских сравнительно с школами министерскими, среди девочек сравнительно с мальчиками по сельским школам (но по городам—иное соотношение: процент девочек обучающихся в высших отделениях начальной школы выше, чем среди мальчиков, так как очевидно в городах, менее нуждаясь в помощи девочек по домашнему хозяйству, доводят их до высших отделений школы).

Окончивающие курс и выбывающие до окончания школы среди учащихся начальных школ Сибири.

Очень значительный процент учащихся в начальной школе по разным причинам не доходит до конца курса: или по хозяйственным соображениям (нужен работник) или по бедности (нечем содержать, нужно зарабатывать, не в чем ходить) или просто исходя из убеждения «выучился де довольно для нашего брата»...

Сопоставление данных о числе окончивших и выбывших до окончания курса с общим числом учащихся по городским и сельским школам дает следующую табличку.

(По данным за 1910 год).

А. Города.	Всего учащихся		Окончило курс.		Выбывших до окончания курса.	
	Мальчик.	Девочек	Мальчик.	Девочек	Мальчик.	Девочек
Зап. Сибирь	15930	12762	2160	1731	2341	1915
Восг. Сибирь	8174	6427	1085	773	1325	989
Приамур. Край	3821	3957	387	237	661	493
Вся Сибирь	27925	23146	3632	2741	4327	3397
Вся Империя	553279	442980	73883	55419	97949	77326

В процентах это дает: в городских школах Сибири окончивших—среди мальчиков 13%, среди девочек 11,8%, всего 12,5%, выбывших до окончания курса—среди мальчиков 15,5%, среди девочек 14,6%, всего 15,1%; в городских школах по Империи в целом % окончивших—13,1 и выбывших 17,7%, то есть несколько выше процент окончивших, но в то же время выше и процент выбывших до окончания курса.

(По данным за 1910 год).

Б. Селения.	Всего учащихся		Окончило курс.		Выбывших до окончания курса.	
	Мальчик.	Девочек	Мальчик.	Девочек	Мальчик.	Девочек
Зап. Сибирь	103869	37410	8049	2327	20760	8171
Вост. Сибирь	49573	20556	4345	1426	7937	4208
Приамур. Край	17973	8338	1517	437	2603	1659
Вся Сибирь	171415	65304	13911	4190	31300	14032
Вся Империи	3659285	1553335	378691	116369	723311	369749

В процентах эта таблица примет следующий вид: в светских школах Сибири окончивших курс—среди мальчиков 8,1%, среди девочек 6,4%, всего 7,6%; выбывших до окончания курса—среди мальчиков 18,2%, среди девочек 21,4%, всего 19,1%; в сельских школах по Империи в целом—окончивших курс 8,9% и выбывших до окончания курса 21,1%.

Сопоставление обоих таблиц и сравнение итогов по начальным школам Сибири с таковыми же по Империи в целом приводит к следующим заключениям: а) процент окончивших в школах Сибири ниже, чем по Империи в целом, также ниже и процент выбывших до окончания курса; б) в сельских школах Сибири процент окончивших курс ниже чем в городских школах Сибири, а процент выбывших до окончания курса выше, чем в городских школах Сибири; в) процент окончивших среди девочек вообще ниже, чем среди мальчиков, процент выбывших до окончания курса в городских школах ниже, а в сельских выше, чем среди мальчиков.

Цифрам, выражающим отношение между числом учащихся и числом окончивших курс и выбывших до окончания его, обычно придается значение показателя удовлетворительности школы, ее соответствия поставленным целям и потребностям населения. Мы полагаем, что цифры эти не могут служить показателем удовлетворительности школы, так как чаще всего в основе их лежат совершенно иные не зависящие от школы обстоятельства: экономическая возможность для данной группы населения держать своих детей в школе то или иное количество лет, отношение этой группы к образованию (напр. в отношении девочек) и т. п. При этом я, конечно, не отрицаю и значение степени удовлетворенности населения школой, но в общецифровом подходе к итоговым данным нельзя точно установить степень влияния этого фактора. Так, поскольку речь идет о сравнении Сибири с другими частями Империи (Европейская Россия) можно априори высказать предположение, что меньший процент окончивших курс в сибирских школах стоит в связи с более слабой постановкой их в учебном отношении, но нельзя утверждать, что то и другое находятся в причинной зависимости, так как в то же время мы знаем, что сибирское население менее привычно к правительственной школе, чем население земских губерний Европейской России, что в Сибири иные хозяйственно-экономические условия жизни и т. п.

Обеспеченность начальных школ Сибири помещениями и библиотеками.

Школьная перепись 18 января 1911 года дает массу матерьяла для характеристики состояния школьного дела в Империи, раз-

личных его сторон и характерных черт и тенденций развития. Исчерпать этот материал так, как он бы заслуживал, не представляется возможным в нашем кратком очерке. Остановимся лишь на некоторых моментах переписи,—данных об обеспечении школ помещениями, о снабжении школ книгами и библиотеками, о педагогическом персонале и о бюджетах наших начальных школ.

Нам неоднократно приходилось видеть, рассматривая состояние народного просвещения в начале прошлого века, с каким трудом обеспечивались школы помещениями. Впрочем, в то время вопрос о помещении школы вообще считался одним из самых маловажных: было бы лишь где открыть занятия. После 60-х годов, с развитием школьной гигиены и санитарии, на вопросах о помещении школ стали более останавливаться, придавать им известное самодовлеющее значение. Прежде всего, конечно, заботы о наилучшем обеспечении школ помещениями были проявлены в отношении к средней школе, но к концу века эта тенденция стала обнаруживаться и в сфере начального образования. Впереди шли, конечно, городские самоуправления, в частности крупнейших наших городов. В Петербурге и Москве уже в 80-ые годы прошлого столетия начали строиться специальные многосветные школьные здания, в которые умещается по несколько школ.

Сибирские города на путь постройки собственных школьных зданий со специальным назначением вступили значительно позднее, но как дальше мы увидим, говоря о расходах городов на народное образование к последним предреволюционным годам некоторые из них по своим расходам на школьное строительство опережают российские города. Вслед за городами на путь постройки специальных школьных зданий вступают дирекции народных училищ, следуя в данном случае примеру российских земств. Усилению школьностроительной деятельности много содействовал закон 3 мая 1908 года о пособиях из казны на школьное строительство. Хуже всего в отношении школьных помещений обстояло дело у ведомства православного исповедания, школы которого первоначально чуть не сплошь ютились в церковных сторожках, самое большое в наемных крестьянских домах, но к концу рассматриваемого периода, когда духовное ведомство вообще стремилось конкурировать с министерством народного просвещения и доказать, что оно не хуже последнего может поставить дело народного образования,—и в духовном ведомстве процент школ с постоянными и специальными помещениями значительно повышается. Отчеты епархиальных наблюдателей, выполнявших в отношении к церковно-приходским школам роль директоров народных училищ, за последние годы обязательно останавливаются на вопросе о школьных помещениях и приводят статистические данные, выясняющие успехи духовного ведомства в этом отношении.

По переписи 1911 года обеспеченность начальных школ Сибири помещениями характеризуется следующими цифрами.

	Школы с собствен. помещ.	Школы с наемн. помещ.	Школы с временным, безплатн. помещ.
Западная Сибирь	66,1%	25,0%	8,9%
Восточная Сибирь . . .	66,7%	26,8%	6,5%
Приамурский Край . . .	71,8%	23,3%	4,9%

Более глубокое расширенное понимание задач начального народного образования влекло за собой также заботу о снабжении школ книгами, как в отношении учащих, так и учащихся. Дело самого последнего времени—учреждение при начальных школах народных библиотек, библиотек учительских и ученических. Перепись дает такие сведения о библиотеках при начальных народных училищах Сибири, существовавших к моменту переписи.

	Общее число школ.	Школ с ученич. библ.	Книг на 1 школу	Школ с библ. народ.	Книг на 1 школу	Школ с учит. библ.	Книг на 1 школу
Зап. Сибирь .	3446	2668	249	260	47	2726	54
Вост. Сибирь .	1951	1627	272	41	439	1642	67
Приамур . . .	671	439	248	76	498	482	73
Вся Сибирь. .	7067	4734	—	377	—	4850	7
В %-х	—	67,0%	—	5,3%	—	68,6%	—
Вся Империя .	100749	72172	210	13085	405	73984	47
В %-х	—	71,0%	—	12,9%	—	73,0%	—

Как видно из приведенных данных сибирские начальные школы в отношении снабжения школ книгами отстают от российских; как и в других отношениях впереди идут дальневосточные области.

Преподавательский персонал в начальной народной школе.

Одним из основных факторов развития начального народного образования является наличность учительского персонала, достаточного в числе и надлежаще подготовленного для исполнения своих обязанностей.

Мы говорили уже, что при проведении Екатерининской школьной реформы в 80-х годах XVIII века бывшей сколком с австрийского плана организации широкого народного образования, который включал в себе ряд заведений для подготовки учителей народной школы, власть ограничилась учреждением одной Петербургской Учительской (позднее Педагог. Инст.) семинарией, выпускавшей учителей для главных народных училищ, учителей же для малых народных училищ предполагалось получить из числа воспитанников главных училищ.

При новых школьных реформах 1804 и 1828 года вопрос о надлежащей подготовке учителей для народных училищ также был обойден. Предполагалось, что гимназии дадут учителей для уездных училищ, уездные учителя дадут учителей для приходских и различных ведомственных сельских школ. В действительности, зачастую не было и этого и учителями были отставные солдаты, выгнанные пропойцы - чиновники, недоучившиеся гимназисты и семинаристы. Жалкое материяльное положение учительства, отсутствие уважения к учительскому труду среди общества, ставившего учителя ниже любого приказного канцеляриста,—все это не могло способствовать тому, чтобы кадры народных учителей в первой половине XIX века подбирались соответствующе своему высокому назначению. Ряд официальных документов, в особенности доклады инспекторов народных училищ, учрежденных в 60-х годах, и в земских собраниях о положении, в котором земства застали начальные школы—достаточно убедительно и наглядно свидетельствуют об этом.

60—70-ые годы закладывают первый камень в дело надлежащего подбора и приготовки народноучительского персонала в России. В 1870 году было издано положение об учительских семинариях, в 1872 году—об учительских институтах. Так были созданы первые педагогические учебные заведения в России для подготовки народных учителей. К тем же годам относится устройство первых учительских с'ездов и краткосрочных педагогических курсов.

В Сибири первые учительские семинарии возникают в 70-ые годы. Далее на ряду с ними и даже в гораздо большей степени выступают поставщиками учительства духовные семинарии, женские епархиальные училища, женские гимназии и прогимназии. Духовное ведомство, расширяя сеть своих школ, создает свои учительские семинарии—церковно-учительские и второклассные школы, значительно впрочем уступающие по постановке дела министерским учительским семинариям. В 900-ые годы недостаточность учительского персонала для расширяющейся в связи с проектами введения всеобщего образования школьной сети вынуждает министерство с одной стороны создавать учительские семина-

рии, открытие которых совсем приостановилось в 80 и 90-ые годы, с другой стороны идти на суррогатное изготовление учителей посредством краткосрочных педагогических курсов для окончивших высшие начальные училища. Расширение сети последних вызывает создание учительских институтов. Всеми этими принятыми мерами несколько повышается состав учительства и увеличиваются его численные размеры. Мы не имеем времени и возможности остановиться более детально на составе учительства и его численности по отдельным губерниям за время предшествующее 1911 году и возьмем лишь данные переписи этого года, оговорившись, что, если бы мы имели под рукой данные предшествующих лет—хотя бы начала 900-ых годов, картина получилась бы еще менее утешительная, чем по данным 1911 г. Возьмем прежде всего общие цифры численности учительского персонала в отдельных губерниях Сибири в 1894 и 1911 году.

	1894 г.	1911 г.	% увел.
Зап. Сибирь	1394	4417	+216,8%
Вост. Сибирь	639	2565	+301,3%
Приамур. Край	153	968	+532,6%
Вся Сибирь	2186	7950	+250,0%
Вся Империя	74766	153360	+105,1%

За те же года увеличение числа школ по Сибири—167,1%, 133,8%, 347,3%, по всей Сибири—167,2% и по всей Империи—66,1%. Таким образом число учащихся повсеместно растет скорее, чем число школ. Вообще рост числа учащихся сильнее в Сибири, чем в остальных областях Империи и особенно на Дальнем Востоке (ниже в приложении к настоящ. главе, мы увидим, что по расчетам М. Н. П. в 1914 году для введения всеобщего образования дальне-восточные области в Сибири обладали наименьшим некомплектом учителей).

Что же представляет собой почти восьмитысячная учительская армия Сибири по данным переписи 1911 г. Начнем с городского учительства.

В его составе прежде всего нужно различать мужчин учителей и женщин учительниц. По всей Сибири в 1911 году учителя составляли 31% общего числа учащих и учительницы—69% учащих. (8344 и 18.525 при общем числе тех и других—26.859), т. е., на две трети народная школа Сибири обслуживалась женщинами учительницами. В Западной Сибири и в Восточной Сиби-

ри значение женского элемента в общем учительском контингенте особенно велико: 74,6% в Западной Сибири и 76% в Вост. Сиб. против 25,4% учителей в первой и 24% учителей во второй (абсолютные цифры—204 м., 598 ж. в Зап. Сиб. и 91 м., 287 ж. в Вост. Сибири). Лишь в Приамурском крае отношение несколько ослабляется: 66,5% женщины и 33,5% мужчины (в абсол. цифрах—67 муж. и 133 ж.), то есть, относительное число мужчин учителей немного больше, чем вообще в Империи.

Что касается образовательного ценза городских учителей и учительниц, то здесь можно установить следующее соотношение. По всей Империи среди учителей большую часть составляют лица с педагогической подготовкой: 4.823 или 51,3%; далее идут лица с нисшим или домашним образованеим—2.971 или 35,6%; небольшой процент дают духовные семинарии—701 или 8,4% и еще меньший—гимназии, реальные училища и высш. уч. заведения—296 или 3,4%. Среди учительниц иное соотношение: на первом месте—окончившие женские гимназии и высшие женские курсы—11.041 или 59,0; далее идут с нисшим и домашним образованием (в том числе окончившие прогимназии)—3.852 или 20,7% и окончившие женские епархиальные училища—2.767 или 14,9%; на последнем месте—получившие специальную педагогическую подготовку—694 или 3;7%.

То же соотношение замечаем мы и в Сибири. Вот две таблички.

УЧИТЕЛЯ:	Общее число.	С педаг. обр.		С нисш. обр.		С духов. сред.		С светск. сред.	
Западная Сибирь .	204	109	53,4%	64	31,3%	22	10,8%	7	3,4%
Вост. Сибирь . . .	91	60	66,1%	21	23,1%	9	9,9%	1	1,1%
Приамурье	67	34	50,7%	24	35,7%	5	7,4%	4	5,9%

УЧИТЕЛЬНИЦЫ:	Общее число.	С свет. сред.		С нисш. и дом.		С сред. духовн.		Со спец. педаг.	
Зап. Сибирь . . .	598	331	55,3%	143	23,9%	120	20 0%	2	0,3%
Вост. Сибирь . . .	287	176	61,3%	56	19,8%	50	17,4%	2	0,7%
Приамурье	133	92	69,2%	21	15,9%	14	10,6%	4	3,1%

В сельских местностях мы уже не встречаем такого повсеместного преобладания женского элемента среди учительского пер-

сонала. Беря цифры по всей Империи, мы видим почти равное соотношение в числе тех и других: 48,7% мужчин и 51,3% женщин (в абсолютных цифрах: 61,650 м. и 64.851 жен. при общем числе—126.501). Обращаясь к Сибири, мы в Зап. Сибири встречаемся с еще большим преобладанием учительниц, чем по всей Империи—59,6% против 40,4% мужч. (в абсолютных цифрах—2.156 против 1.459 при общем числе 3.615 чел.), в Восточной Сибири соотношение уже приближается к общеимперскому—52% ж. и 48% мужч. (1.138 ж., 1.049 м., всего 2.187), а в Приамурье, наоборот, учителя преобладают над учительницами: 74,8% мужч. против 25,2% женщин (575 м. и 193 ж. на общее число 768 чел.)

Обращаясь к образовательному цензу сельского учительства мы видим:

	Общее число учителей	С низшим и домаш. обр.		С педагогическим обр.		Со средним духовным		Со средн. светским	
Учителя									
По империи	61 650	30680	65,1%	17.921	29,0%	310	5,0%	302	0,9%
Зап. Сибирь	1459	1049	71,9%	317	21,7%	55	3,8%	27	1,8%
Вост. Сибирь	1138	554	48,6%	519	45,6%	37	3,2%	21	1,8%
Приамурье	545	397	69,6%	132	23,0%	19	3,1%	26	4,0%

	Общее число учит-ц.	С низшим и домаш. обр.		С светским средним		С духовным средним		С педаг. обр.	
Учительницы									
По империи	64.851	26.412	40,7%	18.611	28,7%	17.260	26,6%	2236	3,4%
Зап. Сибирь	2156	1444	67,0%	367	17,0%	321	14,9%	19	0,2%
Вост. Сибирь	1049	437	41,6%	280	26,7%	323	30,8%	3	0,2%
Приамурье	193	76	39,3%	33	17,1%	75	38,8%	5	2,7%

Таким образом, в то время, как в городских школах преобладающий процент дают учителя со специальной педагогической подготовкой (из учительских семинарий и институтов) и учительницы со светским средним образованием (из женских гимназий),—в сельских школах первое место принадлежит учителям и учительницам с нисшим и домашним образованием. Впрочем, если в составе сельского учительства соединить окончивших женские гимназии и епархиальные училища, то среди учительниц получившие нисшее и домашнее образование займут второе место.

Возьмем теперь общие цифры для учителей городских и сельских школ по всем 3-м областям Сибири. Общее число=7950 ч. в том числе учителей—3.534 или 44,4%, учительниц 4.416 или 55,6%. В этом числе: с домашним образованием и окончивших нисшие учебные заведения—4.286, то есть, 53,9%; окончивших женские гимназии—1.318 и женские епархиальные училища—864, всего тех и других 27,4%; окончивших духовные семинарии 147 и светские средние учебные заведения 86, тех и других 2,8%; получивших специальную педагогическую подготовку—1.206, то есть, 15,1%.

Не останавливаясь более детально на матерьяльном обеспечении учительства,—вопросе по существу чрезвычайно важном и интересном—приведу данные переписи о среднем размере годового вознаграждения учащихся в начальных школах Сибири.

	Города		Сельские местн.	
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.
Зап. Сибирь	498 р.	459 р.	327 р.	320 р.
Восточ. Сибирь	652 р.	553 р.	522 р.	479 р.
Приамурский Край	925 р.	821 р.	561 р.	539 р.
Вся Империя	528 р.	447 р.	343 р.	340 р.

В целом, по отдельным губерниям, среднее годовое вознаграждение учителей и учительниц выразится в следующих цифрах:

	Мужч.	Женщ.
Акмолинская область	358 р.	351 р.
Семипалатинская	364 р.	320 р.
Тобольская губерния	376 р.	339 р.
Томская губерния	323 р.	362 р.
Енисейская губерния	483 р	441 р.
Иркутская губерния	536 р.	509 р.
Якутская область	516 р.	530 р.
Забайкальская область	561 р.	548 р.
Амурская область	617 р.	678 р.
Приморская область	584 р.	635 р.
Камчатская область	721 р.	600 р.
Сахалин	590 р.	600 р.

Таким образом: а) оплата труда учителей в общем выше, чем труда учительниц; б) оплата труда выше в городах, чем в селах; в) в Зап. Сибири оплата учительского труда ниже, чем в империи

в целом, в Восточной Сибири и особенно Приамурье—значительно выше. Значительная высота оплаты учительского труда на Дальнем Востоке об'ясняется специальными узаконениями, создавшими там особо выгодные условия учительства для привлечения учительства. Большая высота оплаты труда мужчин-учителей сравнительно с учительницами как общее явление об'ясняется тем, что среди них выше процент учителей с педагогическим образованием и обычно они дольше служат на своих местах, за что получают прибавки. По отдельным губерниям мы видим в некоторых из них более высокий размер оплаты труда учительниц—об'ясняется это, повидимому, тем, что в этих губерниях выше % правоспособных учительниц, чем среди учителей.

Источники содержания начальных народных школ.

Однодневная школьная перепись 1911 года впервые дает возможность подсчитать и представить в связном виде все те разнообразные источники содержания, которыми поддерживалась начальная народная школа в России. Источники эти чрезвычайно разнообразны: тут и ассигнования из государственного назначения и ассигнования земских и городских самоуправлений и раскладки сельских и станичных обществ на содержание школ и частные пожертвования и т. д. В общем по всей Империи в 1910 г. 38,6% расходов на начальное народное образование брала на себя непосредственно казна, 22% составляют расходы земств, 13,3% расходы городов, 10,9% расходы сельских обществ и волостей (станиц), 7,3% поступления от частных лиц, 1,6% поступления от церквей, монастырей и приходских попечительств, 5,8% остальные поступления различных источников (остатки от прошлого года и пр.).

Обращаясь к бюджетам сибирских начальных школ, мы имеем для 1910 года следующую таблицу:

	Гос. казн.	Земск сборы	Город. об-ва	Сел. и вол. о-ва	Частн.	Церкви и монаст.	Разн. пост.
Зап. Сибирь. .	50,8%	15,1%	11,1%	14,0%	4,5%	1,3%	3,2%
Вост. Сибирь .	52,0%	12,6%	11,2%	14,4%	4,2%	0,8%	4,8%
Прим. Край. .	42,9%	5,1%	25,0%	18,2%	3,2%	1,8%	3,8%

Сравнивая с Россией, мы видим, что в Сибири большую роль играют правительственные ассигнования, зато меньшее значение имеют расходы из земских сборов (что об'ясняется отсутствием

Земства в Сибири), и ассигнования городских обществ (исключая Дальнего Востока, где % городского расхода в образовательном бюджете вдвое выше, чем по всей Империи). Об'ясняется это в отношении Западной и Восточной Сибири малым количеством населения в городах сравнительно с массами сельского населения, что же касается Дальн. Востока, то города его вообще жили очень интенсивной жизнью за последние годы. Как и в России, ничтожен % участия в расходах по народному образованию церквей и монастырей. Об'ясняется это тем равнодушием, которое наше духовенство питало к вопросам просвещения, несмотря на стремление верхов и руководящих государственных сфер использовать начальную школу в политических и клерикальных целях.

Расходы на народную школу в Сибири.

В матерьялах переписи 1911 года мы находим данные и о расходном бюджете наших начальных школ. Среди расходов на начальные школы, главное место занимает расход на оплату труда учащих. Далее идет расход на наем и содержание помещений, на классные принадлежности, книги, учебные пособия и на последнем месте—на постройку и крупный ремонт.

	Зараб. пл.	Помещение	Учеб. пособия	Ремонт	Прочие расходы
Западная Сибирь	63,0%	19,0%	9,7%	6,4%	1,9%
Восточн. Сибирь	63,8%	18,4%	8,7%	6,5%	2,6%
Приамурский Край	62,4%	21,9%	5,6%	8,5%	1,6%
По всей империи	63,1%	21,3%	6,8%	6,0%	2,8%

Как видно, Сибирь в отношении расходной части бюджета начальных школ не обнаруживает никаких отклонений от своей метрополии.

Общая сумма расходов на начальное народное образование по Империи в 1910 году составляла 96.312.958 руб. при 100.749 школ. и 6.629.978 учащихся, это дает на 1 школу 950 руб. 57 коп. расхода, на 1 учащегося 14 руб. 40 к. расхода и на 1 жителя—58,4 коп.

Что касается Сибири, то здесь средние цифры будут таковы:

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.	На 1 школу	На 1 учащегося	
Акмолинская область	885,6 р.	14,1 р.	На 1 жителя приходится расхода 35, 3 к.
Семипалатинская	801,7 р.	16,3 р.	
Тобольская	738,1 р.	13,1 р.	
Томская	738,1 р.	19,1 р.	
	721,3 р.	13,9 р.	

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.	На 1 школу	На 1 учащегося	
Енисейская	959,6 р.	17,3 р.	На 1 жителя приходится расхода 72,8 к.
Иркутская	1194,2 р.	27,4 р.	
Якутская	1148,0 р.	59,4 р.	
Забайкальская	1053,1 р.	24,1 р.	
	1078,5 р.	23 р.	

ПРИАМУРСКИЙ КРАЙ.	На 1 школу	На 1 учащегося	
Амурская	1556,7 р.	24,1 р.	На 1 жителя приходится расхода 1 р. 15 к.
Приморская	1365,9 р.	27,3 р.	
Сахалинская	2145,2 р.	56,2 р.	
Камчатская	1407,2 р.	95,9 р.	
	1442,7 р.	26,9 р.	

Таким образом по среднему расходу на 1 учащегося, народная школа Западной Сибири подходит к общеимперскому итогу и по общей стоимости одной школы в среднем значительно дешевле. Другое дело Восточная Сибирь и Приамурский край, в них, особенно в последнем, значительно выше, чем по всей Империи, расход на одну школу и на одного учащегося. Расход на 1 жителя по народному образованию в Западной Сибири ниже общеимперского, в Восточной Сибири и Приамурском крае выше (в последнем вдвое выше, чем по всей Империи).

Если мы отдельно возьмем городские и сельские школы, то по отдельным округам Сибири получим следующие цифры:

	Весь расход на гор. шк.	В среднем на шк.	Весь расход на сел. шк	В среднем на 1 школу	Соотношение между расх. на сельск. и гор. школы
Зап. Сибирь. . .	688.473	1865,7 р.	1.773.955	256,2 р.	7:1
Вост. Сибирь . .	452.484	2273,8 р.	1.609.590	938,5 р.	2,4:1
Приам. Край. . .	297.102	4434,3 р.	634 861	1107,9 р.	4:1
По империи . . .	26.017.280	2395,7 р.	68.829.498	688,7 р.	3,4:1

Наиболее невыгодное соотношение между расходами на сельские и городские школы в Западной Сибири. (Средний расход вычислен путем деления общей суммы показанного расхода на число школ, давших показания—оно очень немного разнится от общего числа всех школ).

Расходы на народное образование городских самоуправлений.

Выше мы видели, что в расходах по содержанию начальных школ городские самоуправления Сибири участвовали в 1/9—¼ всех поступлений в бюджет школ. Если мы выделим городские школы из общего числа школ, то получим цифры еще более ярко характеризующие участие сибирских городов в образовательной деятельности.

	Общее число поступл. на город. школы	В т. ч. поступило от гор. об-в.	%
Западная Сибирь.	695.915	274.767	39,5%
Восточная Сибирь.	457.270	229.538	50,1%
Приамурский Край	297.264	230.222	77,4%
Вся Сибирь.	1430.449	734.527	51,3%
По империи.	26.493.575	12.736.018	48,0%

Перейдем теперь к отдельным городам Сибири и их участию в расходах по народному образованию, пользуясь для этой цели опубликованным в 1915 году М. В. Д. «Сводом городских доходов и расходов в 1912 году».

В сметах городов, управлявшихся по городскому положению 1890 года в 1912 году расходы на народное образование в целом составляли 12,9% бюджета, занимая 4-ое место в ряду других го-

родских расходов. 57 городов тратили на народное образование свыше 100 тыс. руб. каждый.[107]).

В сметах сибирских городов за тот же 1912 год расходы по § 9-му (народное образование) составляли 17,9%, то есть были выше, чем вообще по Империи. Свыше 100 тысяч тратили на народное образование 10 городов: Иркутск 316 тыс., Томск 272 тыс., Новониколаевск 237 тыс., Владивосток 202, Благовещенск 223 т., Омск 128 тыс., Красноярск 122 тыс., Николаевск на Амуре 122 т., Хабаровск 106 тыс., Курган 105 тыс. В числе этих 10 городов 2 города уездные—Новониколаевск и Курган.

В процентном отношении расходов по народному образованию ко всему городскому бюджету среди городов, расходующих свыше 100 тысяч рублей на просвещение, первое место занимает Николаевск на Амуре—27,7%, далее идет Курган—25,6% и Новониколаевск 22,7%, остальные города с крупным бюджетом по народному просвещению идут в таком порядке: Благовещенск 18,9%, Омск 18,1%, Томск 18,0%, Хабаровск 16,7%, Иркутск 16,0%. Если взять все сибирские города, независимо от абсолютных размеров из ассигнований на народное образование, то на первом месте окажутся: Зея (Амурская область) 36,9%, Усть-Каменогорск (Семипалатинская обл.) 32,9%, Никольск-Уссурийск (Приморская обл.) 31,4%, Канск (Енисейская обл.) 29,5%, Нижнеудинск 29,2%, Ишим (Тобольск.) 28,9%, Павлодар (Семипалатинск.) 23,0%, Ачинск (Енисейск.) 21,3%, Нерчинск (Забайкальск.) 21,6%, Бодайбо (Иркутская губ.) 20,8%, Семипалатинск 18,8%, Баргузин (Забайк.) 19,5%, Минусинск (Енисейской губ.) 18,9%. Минимальный процент дают города: Боготол (безуездн. Томск.) 1,5%, Березов (Тобольской губ., крайний север) 2,9%, Сургут (тоже) 4,6%, Ялуторовск (Тобольской губ.) 4,3%, Олекминск (Якутск.) 5,9%, Тюкалинск (Тобольской губ.) 6,8%, Туринск 7,4%, Тайга (Томской губ.) 6,6%, Каинск (Томской губ.) 6,1%. Процент расходов на народное образование в остальных городах колеблется между 9 и 18%%, один город с микроскопическим бюджетом (Вилюйск, Якутской обл.—450 руб. весь городской бюджет) совсем не участвует в расходах на народное образование.

А. Губернские и уездные города с бюджетом свыше 400000 руб.

	Расх. на нар. обр.	Весь бюджет.	% расх. на нар. обр.
Иркутск	316715	1974174	16,0%
Томск	272654	1510157	18,0%
Ново-Николаевск	237812	1048136	22,7%

[107]) Все приводимые далее цифры взяты (абсол. цифры—вычисление относ. цифр наше) из изд. Мин. Внутр. Деп.—„Свод город. доходов и расходов Империи за 1912 г.“

	Расх. на нар. обр.	Весь бюджет.	% расх. на нар. обр.
Благовещенск	223500	1178482	18,9%
Владивосток	202406	1615782	12,5%
Омск	128438	708641	18,1%
Красноярск	122635	936381	13,1%
Николаевск Ам.	122431	440868	27,7%
Хабаровск	106232	635190	16,7%
Курган	105911	412765	25,6%
Чита	90664	856515	10,8%
Барнаул	70398	432554	16,2%
Тюмень	70051	454241	15,0%

Б. Губернские и уездные города с бюджетом от 50000 до 400.000 рублей.

	Расх. на нар. обр.	Весь бюджет.	% расх по нар. обр.
Никольск-Уссурийск	91204	290273	31,4%
Канск	47032	159326	29,5%
Семипалатинск	38310	196295	19,8%
Петропавловск	38422	252415	15,1%
Верхнеудинск	33803	205620	16,4%
Тобольск	31598	201123	15 7%
Бийск	29084	225418	12,9%
Троицкосавск	20694	137855	15,0%
Нерчинск	20278	93680	21,6%
Нижнеудинск	18323	62665	29,2%
Ишим	15428	53542	28,9%
Ачинск	14301	66927	21,3%
Павлодар	13017	56807	23,6%
Минусинск	12488	65805	18,9%
Бодайбо	10720	51407	20,8%
Якутск	10630	72004	14,7%
Акмолинск	9612	62034	15,5%
Мариинск	6888	73916	9,3%

Приведенные цифры представляют собой общие ассигнования городов Сибири на народное образование. Сюда входят расходы на содержание городских начальных школ, суммы, ассигнуемые в пособие казне на содержание правительственных средних и специальных школ, расходы на выдачу стипендий лицам, состоящим стипендиатами городов в высших и специальных учебных заведениях, расходы по ремонту и постройке школьных зданий и т. д. Разбивая общие цифры городских расходов на народное образование, по основным группам, мы получаем следующую таблицу.

	Города всей Сибири	Города всей империи в целом
Содерж. город. школ	1213,0 тыс. р.	56,5%
Ремонт и постр. зд.	553,4 тыс. р.	14,7%
Пособия прав. у. з.	947,4 тыс. р.	13,3%
Общ. мер. разв. нар. об.	42,3 тыс. р.	2,9%
Стипендии студ. в. уз.	100,5 тыс. р.	3,9%
Дополн. возн. учит. перс. и учебн. пособия	37,3 тыс. р.	1,7%
Общая сумма	—	—

Среди отдельных видов городских обществ на народное образование заслуживает особого внимания расход на школьное строительство. Расход этот сравнительно недавно занял видное место в расходах городов на народное просвещение. Он характеризует собою степень правильного понимания городами интересов народного просвещения. Именно за последние годы наиболее передовые сибирские города стали покрываться достаточно приличными, хотя б. м. и далекими от западных и американских школьных дворцов, но все же специально приспособленными к нуждам школы школьными зданиями. Впервые на этот путь выступил среди сибирских городов Томск, при председателе городской школьной комиссии П. И. Макушине. Далее идет Иркутск и наконец, наш город—американец Новониколаевск. Интенсивная деятельность сибирских городов последних лет в этом направлении видна даже из бюджетных цифр 1912 года. Из только что помещенной таблицы мы могли видеть, что относительный % расходов сибирских городов на школьное строительство выше чем вообще по Империи. Переходя к отдельным городам, мы должны отметить, что уездный город Новониколаевск по размеру своих абсолютных расходов на эту цель занимает 4-ое место среди всех городов Империи. Среди сибирских городов наибольшие расходы на школьное строительство имеют следующие города:

Новониколаевск	141.560 р.
Томск	74.773 р.
Владивосток	63.775 р.
Курган	55.434 р.
Благовещенск	48.537 р.
Иркутск	18.820 р.
Красноярск	13.887 р.
Омск	12.233 р.

Чрезвычайно характерно, что рядом по величине расходов на школьное строительство стоят приморский порт с полуторамиллионным бюджетом и 100-тысячным населением Владивосток и уездный город с менее чем полумиллионным бюджетом и 30-тысячным населением Курган.

Нам остается еще коснуться расходов городов на народное образование в их историческом развитии. К сожалению, добросовестный ответ на этот вопрос возможен лишь после долгой кропотливой работы над матерьялами, которых я не мог иметь в достаточном количестве. Поэтому я ограничусь лишь данными по городу Томску, извлеченными из обзора городского хозяйства Томска в сборнике «Город Томск» изд. 1912 года.

	Весь гор. бюджет	В т. ч. народ. обр.	% расх. на нар. обр.
1872 год . . .	72431 р.	49444 р.	6,2%
1882 год . . .	134109 р.	28502 р.	15,%
1892 год . . .	193144 р.	30823 р.	14,8%
1902 год . . .	576107 р.	80581 р.	14,0%
1912 год . . .	1510157 р.	272654 р.	18,0%

Таким образом наиболее быстрый рост в процентном отношении мы имеем между 1872 и 1882 годом, после того место расходов на просвещение в городском бюджете остается почти неизменным. Абсолютная же величина городских расходов на народное образование возростает особенно сильно между 1902 и 1912 годом. В общем за 40 лет весь городской бюджет возрос на 1764%, а расход по народному образованию на 5126%...

Расходы по начальному народному образованию по сметам земск. пов. и в расходных бюджетах первых сибирских земств.

В губерниях Европейской России для развития начальной народной школы много сделали земства. При земских управах были созданы специальные отделы народного образования. Земства широко развили различные виды просвещения—и школьного и вне-

школьного—и содержали учебные заведения разнообразных типов, преимущественно, конечно, начальные школы Мин. Народн. Просвещения.

В сибирских губерниях и областях до 1917 года, как известно, земского самоуправления не было. Тем не менее, в них существовали так называемые «земские сборы», которые собирались общей гражданской администрацией и ею же расходовались на основании смет, составлявшихся в административном порядке каждая на три года. Сметы эти носили наименование «Смета земских повинностей . . . . . . губернии», составлялись губернским присутствием при губернаторе и, после рассмотрения в центре Междуведомственным Совещанием, Государственным Советом и (с 1909 года) Государственной Думой утверждались Верховной Властью. В расходной части этих смет мы встречаем и расходы на начальное народное образование. Эти расходы заключались в субсидии из сумм земских сборов на содержание министерских и церковно-приходских начальных школ и на содержание инспекций и дирекций народных училищ. В сметах сибирских губерний и областей, составленных на последнее трехлетие перед введением земства (1915—1917 г.г.), расходы на народное образование выражались в следующих цифрах.[108]).

	Общий итог	В том числе на нар. обр.	% к общему итогу
Тобольская губерния . .	1583557	373187	23,5
Томская губерния . . .	2039283	355113	17,4
Енисейская губерния . .	1150383	241975	21,0
Иркутская губерния . .	1016449	205549	20,1
Якутская область	468627	59759	12,7
Забайкальская область	1017326	110172	10,8
Амурская область . . .	311386	77175	21,0
Приморская область . .	637046	125792	18,0
Итого . . .	8208815	1548782	19,0

Сравнивая с цифрами, характеризующими участие земских самоуправлений Европейской России в расходах по народному образованию, мы видим большую разницу не в пользу Сибири: в то время, как по всей Империи в целом расходы земств на начальное народное образование в 1911 году составляли 22%, в Западной Сибири расходы из земских сборов в том же году составляли лишь

[108]) Цыфры взяты из смет и об'ясн. записок, рассылавшихся членам Гос. Думы в печ. виде м-вом вн. дел.

15% всех расходов на начальные школы, в Восточной Сибири 12% и в Приамурском крае 5%...

Положение меняется с введением земских учреждений. На цифрах земских смет Сибири, составленных в 1918 и 1919 г.г., конечно, нельзя базироваться, так как они во-первых, составлены в момент переходного состояния русского рубля, и во-вторых, представляют собою бумажные проекции, не успевшие реализироваться в жизни. Все же они интересны для нас, как симптом, как выражение тенденций, которые выявились бы в деятельности земств при нормальных условиях. Не останавливаясь на комментировании, считаю полезным привести (кстати сказать, нигде не опубликованные) цифры о расходах губернских и уездных земств в Сибири по сметам 1918 и 1919 года.[109]).

а) Губернские земства.

	Весь бюджет.	В том числе на нар. обр.	% к бюджету	Место в расход. бюдж.	Примечание.
Тобольское	5909755	522223	8,8		(1918 г.)
Алтайское	21694189	860254	4,0		
Енисейское	8045135	621194	7,7	7-ое	
Томское	14902524	2169289	16,0	7-ое	
Иркутское	12336574	1101124	8,9	2-ое	
Забайкальское	7381991	826436	15,1		
Амурское	17357909	7198368	41,4		
Приморское	10878398	2128859	23,1		
Сахалинское	3167761	674629	21,3		
Семипалатинское	31632307	7961555	25,2	2-ое	

б) Уездные земства.

	Весь бюджет.	В том числе на нар. обр.	% к бюджету	Место в расход. бюдж.	Примечание.
Алтайская губ.					
Барнаулское	11270000	3664952	27,2	1-ое	Все уездн. земства. Весь бюджет 56.499.376 р. бюдж. нар. обр. 20,736.227 р. =36,0%.
Бийское	12145098	5323097	43,5	"	
Змеиногорское	9294176	3612023	38,8	"	
Славгородское	7280000	2693300	38,2	"	
Каменское	9230102	3462525	37,5	"	
Каракорумское	7280000	1585300	21,8	"	
Губернское	21694189	860254	4,0	7	
Итого	78193565	21601481	27,5	—	

[109]) Материалы быв. Земского Отдела Мин. Вн. Деп. Сиб. Правительства. По отношению к проектам земск. смет 1918 г. есть статья с цифровым материалом в одном из № „Сибир. Разсвета“, издав. в 1919 г. в Барнауле.

	Весь бюджет.	В том числе на нар. обр.	% к бюджету	Место в расход. бюдж.	Примечание.
Томская губ.					
Томское	10752325	3263054	30,3	1-ое	Все уездн. земства. Весь бюджет= 50.994.076 р., бюдж. нар. обр.= 17.990.368 р. =35.2%.
Кузнецкое	2069599	880532	42,0	„	
Щегловское	5498277	2181426	39,7	„	
Ново-Николаевское	15419370	8856036	38,0	„	
Каинское	11171033	3087855	27,4	„	
Мариинское	6083367	2721755	44,3	„	
Губернское	14902534	2160289	16,0	2-ое	
Итого . . .	65896610	20150657	30,5	—	
Енисейская губ.					
Минусинское	9394046	3369775	36,2	1-ое	
Канское	9698489	5399826	55,6	„	
Семипалат. обл.					
Семипалатинское . .	6042899	2177805	36,0	1-ое	Все уездн. земства. Весь бюджет= 16.093.827 р., бюдж. нар. обр. 6.953.172 =42,5%
Павлодарское . . .	5341579	2614487	48,7	„	
Усть-Каменогорское	2620000	1469720	56,1	„	
Каркаралинское . .	2089349	691160	28,6	„	
Областное	31875854	7961556	25,2	2-ое	
Итого . . .	47969681	14914728	31,0	—	
Иркутская губ.					
Балаганское	905392	330224	36,4	1-ое	
Киренское	1133453	646295	57,6	„	
Черемховское . . .	2413041	1099708	45,6	„	
Бодайбинское . . .	2878832	319716	11,1	4-ое	
Ангарское	492276	144114	29,5	2-ое	

	Весь бюджет.	В том числе на нар. обр.	% к бюджету	Место в расход. бюдж.	Примечание.
Забайкальск. обл.					
Читинское	2020318	949275	46,9	1-ое	
Хоринское	2103900	883400	41,9	»	
Якутская обл.					
Вилюйское	488033	14300	2,9%		
Приморская обл.					
Иманское	9418371	3970380	42,1	1-ое	

Инородческие и иноверческие школы в Сибири.

История инородческого образования в Сибири представляет для нас особенный интерес, так как в этой области мы имеем дело с коренным населением, среди которого русская государственность и православная церковь, казалось бы, должны были проявить максимальную энергию для приобщения аборигенов края к более высокой ступени культуры. История образовательной деятельности среди туземного населения Сибири представляет, однако, своеобразие и существенные различия в зависимости от того, с какой туземной народностью имеем мы дело.

Начнем с инородцев крайнего севера и небольших туземных племен, разбросанных по разным углам Западной и Восточной Сибири, недостаточно значительных по количеству, чтобы образовать мощные народности с историческим прошлым и национальной культуры. Здесь, кроме скудных попыток миссионерствующего духовенства, мы в сущности совсем не встречаемся с организованной правительственной образовательной деятельностью.

«Остяки, вогулы, самоеды, зыряне,—говорит составитель обзора «народное образование в Зап. Сиб. Учеб. Округе в 1897—1906 году»,[110])—не имеют правительственных школ: дети некоторых из них учатся совместно с русскими, но в самом незначительном количестве». Тот же автор говорит далее, что Зап. Сиб. Уч. Округ «предполагает организовать школы и для инородцев крайнего севера, где они окажутся способными к восприятию русской культуры и обрусению», так как «они несут такие же, как и коренное на-

[110]) „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1909 г. № 9, 11.

селение, государственные повинности и потому лишать их правительственной помощи в деле образования нет, разумеется, никакого основания». Но насколько нам известно, предположения Учебного Округа, о которых говорит высокоофициозный автор (Помощник Попечителя Округа), не были осуществлены.

Что же касается миссионерских школ на крайнем севере, то число их было очень ограничено и постановка образовательного дела из рук вон плоха. В Тобол. Епарх. Ведом. за 1916 г. мы нашли обзор деятельности одной такой русской инородческой школы—при Кондинском монастыре на севере Тобольской губернии. Автор статьи, характеризуя прошлое состояние школы, приводит отзыв одного епархиального ревизора о посещении им Кондинской школы в 1885 году. «В школе обучалось, говорит последний, по словам настоятеля, до 20 человек—5 инородцев и 15 русских мальчиков, но после вакаций, судя по отзывам жителей села Кондинского, едва ли будет кто учиться в этой школе.

Недовольны все вообще—русские и инородцы тем, что, несмотря на продолжительное обучение (4—5 лет), дети не умеют порядочно ни читать, ни писать, что и подтвердилось. Четверо из 5 инородческих мальчиков, находившихся при настоятелях и вероятно лучшие по успехам, не ответили ни на один вопрос... Между тем Кондинский монастырь мог бы служить рассадником просвещения среди инородцев Березовского уезда, если бы им управлять надлежащим образом и с любовью к просвещению монастырской братии».

Так как не в одном только Кондинском монастыре в эпоху посещения его епархиальным ревизором монастырская братия была чужда любви к просвещению, то приведенный отзыв об одной из миссионерских инородческих школ можно распространить и на более поздний период и на другие епархии. Везде вообще миссионерская деятельность православного духовенства была крайне ничтожна и по своим количественным размерам и по качественному весу. В противоположность католическим и протестантским миссионерам, среди которых встречались люди фанатически преданные своему делу, православные миссионеры были чиновниками в рясах, заботившимися лишь о представлении отчетов по начальству и получении соответствующих кредитов. В то время, когда западно-европейские миссионеры связывали церковную проповедь и школу в одно целое, рассматривая последнее как основное и необходимое условие действительной христианизации языческого населения, русские миссионеры ограничивались лишь официальным присоединением к православию, не избегая всевозможных способов обращения, вроде демонстрирования вооруженной силы. раздачи новокрещенным штанов и рубашек, выдачи им денежных ссуд и т. п. Конечно, были и другие примеры, встречались среди

русских миссионеров люди и иного порядка и, говоря о просвещении в XVIII веке, мы приводили примером деятельность камчатской духовной миссии, на протяжении десятка лет создавшей целый ряд школ, которые впоследствии закрыла гражданская администрация, опасаясь развития ябедничества со стороны грамотных инородцев. Но это было давно и для миссионерской деятельности среди инородцев Сибири в XIX и XX веке характерно иное отношение к делу и вопросам образования инородцев. В нашем распоряжении был отчет Обер-прокурора Синода за 1901 год. В этом отчете упоминается 10 православных миссий, действовавших в этом году в Сибири: Алтайская, Киргизская, Минусинская, Туруханская, Обдорская, Якутская, Владивостокская, Иркутская, Забайкальская и Благовещенская. По некоторым миссиям даны цифры обращенных в христианство из числа инородцев в этом году. Так, по Алтайской миссии в 1901 году присоединено к православию 248 душ обоего пола, в Киргизской миссии 61 д. об. п., в Обдорской миссии 50 человек взрослых, в Забайкальской миссии 216 душ. обоего пола. Цифры, конечно, слишком ничтожные. Этим незначительным цифрам обращенных в христианство путем церковных проповедений соответствуют незначительные размеры школьной деятельности миссии в том же 1901 году: Алтайская миссия в этот год имела 53 школы, в которых обучалось 773 мальчика и 380 девочек русских и инородческих, (если же сосчитать только одних инородцев—493 мальчика и 212 девочек); в единственной школе Обдорской миссии обучалось 16 детей об. п.—русских и инородцев, а если считать только одних инородцев—7 человек; Владивостокская миссия имела 29 школ (12 церковно-приходских и 13 грамоты), в которых обучалось 821 мальчик и 83 девочки русских и инородцев; Иркутская миссия в 1901 году имела 46 школ с 907 учащимися, (отчет же Иркутского Епархиального училищного совета за 1915 год в Иркутской епархии считает всего лишь 12 миссионерских школ, не располагая даже сведениями о числе учащихся в них).

Можно, конечно, так или иначе относиться к образованию, которое дается инородцам миссионерами тех или иных вероучений, но факт остается фактом: просветительная деятельность русских православных миссионеров среди инородцев Сибири должна быть признана чрезвычайно ничтожной по своим размерам и итогам.

Перейдем теперь к образовательной деятельности среди бурят и якут. Это две крупнейшие народности Восточной Сибири, довольно значительные по численности, язычники (буддисты, ламаисты и шаманисты) по вероисповеданию, с развитым национальным самосознанием, живущие полуоседлым образом. В каких формах выражается и кем осуществляется образовательная деятельность среди этих народностей?

Мы встречались уже выше с хлопотами гражданской администрации времен Сперанского, об учреждении среди бурят приходских училищ. Администрация того времени становилась на правильный путь предлагая инородческим обществам заводить училища по их желанию, выбирать учителей и посылать их в гимназии для подготовки к учительству и т. д. И действительно, в это время было учреждено несколько училищ среди бурят, содержавшихся на их счет. Но существование их, как и других приходских училищ того времени, не было продолжительно. В дальнейшем образование среди бурят, равно как и якутов осуществлялось исключительно через посредство министерских и церковно-приходских школ, открывавшихся в инородческих волостях на тех же основаниях и в том же порядке, как и в русских волостях. Для подготовки учителей в местностях с инородческим населением при Иркутской учительской семинарии содержались стипендиаты из числа наиболее способных учеников бурят и якутов, окончивших приходские училища. В общем, инородческие училища, устраивавшиеся для бурятского и якутского населения, не отличались ничем от школ среди русского населения; за недостатком учителей инородческого происхождения в них зачастую назначались русские учителя и учительницы, не знающие инородческого языка. Это обстоятельство не могло не отражаться задерживающим образом на развитии казенных школ среди инородческого населения Восточной Сибири. Поэтому, при всей национальной склонности к образованию и ассимиляции с русским населением, лишь незначительная часть бурят и якутов, вплотную живших с русским населением и таким образом благодаря беспрерывным сношениям обрусевших, отдавала своих детей для обучения в церковно-приходские и министерские школы.

По данным переписи 1897 года среди монголо-бурят грамотных было 5,5%, т. е., лишь вдвое более чем среди инородцев крайнего севера и в 3½ раза менее, чем среди русского населения; да и то эта грамотность была главным образом не по русски, а на своем национальном языке. Грамотность по монгольски и по тибетски развивалась среди бурятского населения путем обучения детей в бурятских монастырях или дацанах. За последнее десятилетие среди бурят большие успехи сделало вообще просвещение: создавалась бурятская интеллигенция, получившая образование в русских гимназиях и университетах и появились свои националистические стремления, особенно усилившиеся после первой русской революции в 1905 году. За всем тем и до сих пор буряты сильно отстают по степени образования от русского населения.

Для 1908 года мы имеем материалы одной переписи (так называемая Агинская, произведенная Читинским Отделом Географического О-ва), характеризующие состояние образования среди

бурят одной из степных дум Забайкальской области. Перепись охватила население в количестве 19.713 мужчин, 18.967 женщин, всего 39.080 душ об. п. Перепись констатировала 3 вида грамотности среди местного населения: по русски, по монгольски и по тибетски.

Грамотность по русски	393 м.=2,1%,	23 ж.=0,16%,	всего	416 душ об. п.
„ „ монгольски .	2770 м.=14%,	93 ж.=0,5%,	всего	2863 душ об. п.
„ „ тибетски . .	2182 м.=10%,	12 ж.=0,08%,	всего	2194 душ об. п.

Таким образом, основной вид грамотности среди бурят Агинского ведомства—это монгольская грамотность, грамотных же по русски менее 1%. «Это ли не яркий пример ничтожного влияния русских на бурятскую народность?» говорит по этому поводу Головачев. В материалах по этой переписи мы находим также сведения и о правительственных образовательных учреждениях, распространяющих грамотность по русски среди населения Агинской степной думы. Такое учреждение на территории Агинской степи всего одно—2-х-классная школа в селе Агинском. В 1908 году в этой школе училось 118 человек и окончило курс 4. Основание этого училища относится к 1847 году. Из 118 учащихся 97 мальчиков и 21 девочек. Присоединяя к этому числу обучавшихся дома 51 мальчиков и 15 девочек, мы имеем общее число обучающихся детей обоего пола 184. При общем числе детей школьного возраста среди населения Агинской степи 6.463 мальчика и 3.773 девочки это дает 3,2% мальчиков школьного возраста и 0,9% девочек школьного возраста. Пассивное отношение бурятского населения к правительственной школе, несмотря на меры убеждения, применявшиеся в отдельных случаях гражданской и учебной администрацией, характеризуется следующим приговором Агинского инородческого об-ва, относящимся к 1895 году и вызванным предложением открыть у них второе училище. «Мы, нижеподписавшиеся, Забайкальской области Читинского Округа, ведомства Агинской Степной Думы постановили, что открытие, кроме состоящего в селе Агинском 1-го приходского училища, других школ среди нашего кочевья не может принести существенной пользы, кроме непроизводительного расхода».

По данным переписи 1911 года в начальных школах Восточной Сибири обучалось: бурят 2.607 м., 642 д., всего 3.249, якутов 1.026 мальчиков, 217 девочек, всего 1.243, тунгусов 4 мальчика. В отношении ко всему населению инородческому это дает 8 учащихся на 1.000 душ об. п. среди бурят и 4 учащихся на 1.000 душ. об. п. среди якутов.

Третья группа туземных народностей Сибири—это татары Западной Сибири и киргизы Акмолинской и Семипалатинской областей, еще более значительная по численности группа, чем буряты

и якуты, живущая (киргизы) сплошной массой, мусульмане по вероисповеданию. История образовательной деятельности среди них обнаруживает большие своеобразности.

Среди татар Тобольской и Томской губерний никаких специально-инородческих школ не создавалось ни гражданской администрацией, ни православным духовенством. Между тем, уже при исследованиях экспедиций Минист. Гос. Имуществ в 90-х годах и при всеобщей переписи 1897 года обнаружилось любопытное явление: среди татар грамотность оказывается выше, чем среди русского населения. По данным переписи 1897 года процент грамотности среди татар Тобольской губернии равнялся 25,4% среди мужчин (против 17,5% среди русских) и 16,8% среди женщин (против 4,5% среди русских). Но грамотность эта—не на русском языке (для 93%) и образовательная деятельность ведется среди татар мусульманским духовенством. Вот что говорит по этому поводу исследователь быта крестьян и инородцев Тюменского уезда в начале 90-х годов. «В редких татарских селениях нет мечети и муллы при ней и в этом отношении дети татар поставлены в лучшие условия, чем дети крестьян» (выпуск IV, стр. 147). В отдельных татарских селениях за отсутствием мечетей и муллы занимались обучением детей прохожие начетчики-мусульмане, не отличаясь в содержании и методе своего преподавания от мулл; обучение девочек производили жены мулл. Вследствие частоты мечетей и связи обучения грамоте с преподаванием вероучения, процент грамотных и обучающихся к общему числу детей выше, чем в русских селениях.

Позднейший автор—составитель уже цитировавшегося нами «Обзора нар. обр. в Зап. Сиб. Уч. Округе», говорит о числе мусульманских конфессиональных школ в Западно-Сибирском Учебном Округе: «Сколько их в Зап. Сиб. Учеб. Округе? Ответить на этот вопрос не представляется возможным. Медрессе и мектебе Тобольской и Томской губернии, а также Акмолинской и Семипалатинской области состоят не то в ведении Министерства Народного Просвещения, не то Мин. Внут. Дел и являются здесь, как вообще в России, как бы совершенно автономными учреждениями, в которые не заглядывает ни чей посторонний глаз». Тот же автор отмечает в связи с усилившимся за последние годы панисламизмом и национальным движением среди татар улучшение учебной постановки мусульманских школ.

Киргизское население Акмолинской и Семипалатинской областей первоначально также, как и татары, в отношении образования были предоставлены сами себе и Правительство даже поощряло просветительную деятельность среди них мусульманского духовенства. Еще в XVIII веке не все киргизы были мусульманами, находясь в значительной степени в языческом вероисповедании.

Екатерининское правительство решило, что распространение среди них христианства при кочевом быте невозможно и что предварительно нужно вообще привести киргиз к полуоседлому состоянию, смягчить их быт и нравы путем приобщения к более подходящей для них вероисповедной культуре, а таковой был признан Ислам.

В 1772 году повелено было на пограничной киргизской линии строить мечети и татарские школы. Так началась мусульманизация киргиз, очень быстрым темпом шедшая втечение всего века. Лишь в конце XIX века на это явление было обращено внимание Правительством и начались заботы о создании среди киргиз русских школ. имеющих целью их руссификацию. Так появились сначала русско-киргизские училища, а затем аульные школы, созданные на основании закона 1901 года.

До этого времени в Степном крае существовал лишь русско-киргизский пансион в Омске с 20-ю воспитанниками—половина киргизских и половина русских мальчиков—и 2 волостных русско-киргизских училища с программой начальных школ Министерства Народного Просвещения.

В 1902 году в Акмолинской области открывается 6, а в Семипалатинской 10 аульных школ. В следующем году в обоих областях открывается еще 11 аульных школ, в следующем—15 школ; события 1905 года приостанавливают открытие школ в степи, в 1906 году в Западной Сибири насчитывается 4 волостных русско-киргизских училища и 40 аульных школ. Общее число учащихся в них равняется 904 чел. об. п. (315 в Акмолинской области, 518 в Семипалатинской области), что дает в среднем по 20 училищ на школу. Число окончивших курс в этом году=74 (8,1%), выбывших до окончания курса=250 (27,6%). Общий расход по содержанию училищ=40.099 руб. 52 копейки, что дает на 1 училище в среднем 948 руб. 50 коп. в Акмолинской области и 885 рублей 57 коп. в Семипалатинской области, а на одного учащегося 44 руб. 23 коп. и 44 руб. 45 коп. 58% бюджета аульных училищ составляют ассигнования из государственного Казначейства, 36% ассигнования из земских сборов и 5,3% остальные источники.

В 1915 году число русско-киргизских волостных училищ в Акмолинской и Семипалатинской областях возрастает до 15. Число учащихся дано по 11 школам и равняется 484 м., 175 девочек (всего 659, что дает в среднем на одну школу 60 человек). Число аульных школ доходит до 150—71 в Семипалатинской области и 79 в Акмолинской области. Число учащихся дано по 22 аульным школам Павлодарского и Зайсанского уездов и равняется 534 м., 7 дев., итого 541 чел. (в среднем на 1 школу 25 учащихся).

Открытие аульных училищ, несмотря на ряд мероприятий со стороны гражданской и учебной администрации, шло с большими

затруднениями, особенно в первые годы. Один из инициаторов открытия этих школ об'ясняет медленное открытие их и открытую оппозицию киргизского населения враждебностью его к русской культуре и влиянием мусульманского духовенства. За последние годы, по его словам, число общественных приговоров об открытии аульных школ возрастает, из чего он делает вывод об изменившемся отношении киргиз к Правительственным мероприятиям в области их просвещения.

Основной причиной противодействия киргиз организуемым среди них правительством русско-киргизским и аульным школам, является сильное распространение конфессиональных мусульманских школ—упомянутых медрессе и мектебе. Тот же автор говорит: «В каждом, даже в самом незначительном ауле, особенно в летнее время, когда шакирды (ученики—Н. Ю.), из татарских медрессе раз'езжаются по киргизским степям, возникают мектебе».[108]).

Остается еще коснуться иноверческих конфессиональных школ среди нетуземного населения Сибири. Это школы еврейские и евангелическо-менонитские.

Евангелическо-менонитские школы мы находим (по Памятной Книжке Зап. Сиб. Окр. 1916 года) в Павлодарском уезде, в количестве 10 школ и в Омском 16 школ. Годы их возникновения «Пам. Книжкой» показаны между 1909—1915 г. Содержанием своим они обязаны взносам соответствующих общин, число учащихся в этих школах по Павлодарскому уезду—мальчиков 224, девочек 122, в среднем по 35 учащихся на школу. Тип школы—одноклассные Министерства Нар. Просвещения.

Еврейская школа до 1900 года в Западной Сибири была лишь одна—Томская. В 1901—1902 г.г. к ней присоединились частные еврейские училища в Омске, Мариинске, Каинске и Тобольске.

Частные школы.

Наряду с правительственной школой—светской и церковной—в Сибири XIX и XX века широкое распространение имеет школа частная. Распространению ее способствуют различные причины—недостаточность числа казенных школ, неудовлетворительность постановки в них учебного дела, руссификаторский или ортодоксально-вероучительный характер, редкость казенных школ при сибирских расстояниях, стремление обойтись с меньшими расходами и пр. Частная школа должна быть различаема, как школа в деревнях—«вольная крестьянская» или «домашняя», и школа в городах. Кроме того, выше уже рассмотрели частные школы кон-

[108]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1905 г. Алекторов „Из ист. развития обр. среди киргиз".

фессионального характера иных, неправославных вероисповеданий.

«Вольная крестьянская», «домашняя» школа—явление хорошо знакомое не одной только Сибири. Чарнолусский, в своей книге «Частная инициатива в народном образовании», говорит: «Насколько крупную роль сыграла эта школа (домашняя—НЮ) в распространении грамотности среди народа, показывают земские статистические исследования, обнаружившие районы, почти лишенные земских школ, но все же достигнувшие значительного развития грамотности, исключительно благодаря вольным крестьянским школам» (529). Несмотря на административные преследования с одной стороны и рост достаточно хороших земских школ с другой, домашние крестьянские школы продолжали долго существовать в России. «Только там, где сеть правильно организованных школ действительно приближала их ко всему населению, нужда в домашних крестьянских школах прекращалась и она спокойно уступала свое место преемнице». (ib. 52).

Раз в Европейской России домашние крестьянские школы продержались в селах до конца века, тем более они должны были иметь большое распространение и значение в истории сибирского просвещения. Никто не подсчитывал в цифрах их распространенности, да это и вообще была бы невозможная задача, но в отдельных районах число домашних школ наблюдатели крестьянской жизни определяли в 1½—6 раз превосходящим число казенных школ.

Мы видели выше, что в 1860 году в громаднейшей Тобольской губернии было всего 15 сельских школ, в которых училось 281 мальчик и 6 девочек. Цифра явно несоответствующая действительному числу людей, получавших хотя бы и элементарную грамотность даже для того времени. Где и как получали элементарное образование остальные сельские обыватели этого времени? На этот вопрос дают живой ответ воспоминания известного крестьянина самоучки, впоследствии купца, не в пример большинству своих собратий много посодействовавшего развитию народного образования Н. М. Чукмалдина «Записки о моей жизни».

Автору было около 6 лет, когда в их деревне (Тюменского уезда, Тобольской губернии), сплошь населенной старообрядцами, появился беглый солдат Скрипа. В воспоминаниях Чукмалдина он рисуется, как интересная личность, по убеждению бежавший со службы и пользовавшийся громадным нравственным влиянием на односельчан. Жил он, все время скрываясь, с их дружной помощью от полицейских облав, и занимался обучением детей. В один прекрасный день родители Чукмалдина повели его на учение к Скрипе. Скрипа обучал его втечение Великого Поста. Нараспев зазубривая буквы, по буквослагательному методу, они выучили с ним

азбуку и перешли к изучению псалтыри. Попутно учились молитвы. Обучением псалтыри закончилось его учение у Скрипы. После того отец решил «поучить еще мальчонка»—и нанял «учителя», который за 5 рублей в месяц, на содержании наемщика и с правом заниматься с другими, взялся учить его письму. За три месяца автор научился писать «настолько сносно, что родители порешили: учиться довольно». Кроме чтения и письма, автор за это же время научился считать на счетах у своего дяди—все это создало ему в деревне репутацию грамотея и 8—9 лет он был уже помощником отцу в отправлении общественной службы, а затем столь обширный об'ем образования предопределил его от'езд в город и поступление в приказчики, где уже путем самообразования, чтения тайком от хозяина книг, он пополнял свое кустарное элементарное образование.

Рассказ Чукмалдина об его начальном образовании относится к 40-м годам прошлого столетия. В конце 80-х, начале 90-х годов, тот же Тюменский и соседние с ним уезды Тобольской губернии посетила группа исследователей экспедиции Мин. Гос. Имуществ по изучению крестьянского быта и землепользования. Некоторые из этих исследователей коснулись и культурно-образовательной стороны крестьянского быта в подлежавших обследованию местностях. Прежде всего, они натолкнулись на сильное распространение домашнего обучения того же типа, что характеризуют записки Чукмалдина. Вот как описывает эти школы один из исследователей.

«Прохожим учителем является обыкновенно какой-нибудь отставной солдат, умеющий читать и писать: переходя из деревни в деревню, он останавливается, где случится в нем надобность, и делает условие с родителями, желающими учить своих детей, относительно платы за каждого ученика или ученицу. Он переносит свою подвижную школу из дома в дом и каждый, заключивший с ним условие, кормит его в соответствующий период времени, собирая на это время всех учеников к себе на дом. В общем такое содержание обходится приблизительно в 50 копеек с родителя».[109]).

Подобное распространение передвижных частных школ среди крестьянского населения Тобольской губернии исследователи об'ясняют следующими причинами: детям не приходится далеко ходить, что весьма существенно при сибирских морозах, учитель, с его преподаванием, ближе к запросам населения, не требуется специальных зданий и расходов на их постройку, содержание. В селениях, населенных старообрядцами, имеет значение и то обстоятельство, что в правительственной школе для всех учеников обя-

---

[109]) „Труды экспедиции по исслед. экон. быта госуд. крестьян. Зап. Сибири“ в. IV стр. 147.

зателен Закон Божий в преподавании православного священника. Само собой разумеется, что в подобных школах весьма архаична и примитивна постановка учебного дела и черезчур кустарна грамота.

Также, как Патканов и Соколов для Тюменского уезда Тобольской губернии, и Григорьев для 3-х уездов Иркутской губернии констатирует большое распространение домашних школ. Распространение их среди местного населения он об'ясняет прежде всего недостатком казенных школ. В доказательство этого положения он приводит цифры о числе домашних школ в Европейской России. «Если в Московском уезде, где одна организованная школа приходилась в 1883 году на 1.250 человек обоего пола, в Можайском на 2.589, в Серпуховском на 2.515, все же существовало в каждом из названных уездов более чем по 2 десятка частных школ,—то в исследованном районе, где одно организованное училище, считая церковно-приходские и миссионерские, приходится на 3.370 душ обоего пола и на 467 детей школьного возраста, потребность в домашнем обучении, при всех прочих равных условиях, должна быть выше чем в местностях, более обеспеченных школами официальными».[110]).

Далее, как на большие достоинства домашней школы, автор указывает: дальность расстояния для ходьбы в официальную школу, начало занятий в ней, несоответствующее периоду сельско-хозяйственных работ мнение крестьянства о большей дешевизне школы частной сравнительно с казенной (сам автор считает это мнение ошибочным и опровергает его цифрами). Очерк Григорьева интересен для нас тем, что в нем приводятся некоторые цифровые данные о домашних школах и дается их оценка с точки зрения достигаемых ими результатов. Сведения собраны автором по отношению к 73 школам из 107 известных ему. 75% учителей домашних школ—ссыльно-поселенцы, 10% духовного звания, 7% мещан, 5% отставные солдаты, по 1% канцелярские чиновники, крестьяне, сыновья чиновников. Эти данные безусловно заслуживают нашего внимания. «Роль поселенцев, говорит по этому поводу автор, в деле распространения грамотности довольно видная и не будь их, грамотность сибирского населения была бы, быть может, значительно ниже». Обычное мнение, что частные домашние школы дают худшие результаты, чем официальные, Григорьев считает недоказанным: в таком случае крестьяне не держались бы за домашние школы. Малочисленность учеников у каждого домашнего учителя при одинаковости времени, проводимого в общей сложности учениками у домашнего учителя и в казенной школе,

---

110) Тр. экспед. по исслед. экон. быта крест. и инор. Вост. Сибири, Иркутской губ. вып. 2.

также, по его мнению, служит порукой того, что «результаты, достигаемые домашними учителями, в качественном отношении мало уступают результатам обучения в официальных училищах».

По отношению к домашним школам среди крестьянского населения Восточной Сибири мы имеем еще свидетельство известного писателя Астырева в его книге-записках «На таежных прогалинах». Он также отмечает преобладание домашних школ над казенными и полагает, что число первых превосходит последние в 5 или 6 раз. Причины большей популярности среди населения домашних школ по свидетельству Астырева: дальность расстояния, недовольство сборами, собираемыми на казенные школы, недовольство постановкой дела в казенных школах. «Мой мальчонка третий год бегает в эту самую училищу, а все еще читать не умеет», «взял его оттуда, потому одно баловство: целую зиму прошатался, а нини,—как есть ничему не научился; теперь к своему старичку отдал»,—вот отзывы крестьян, собранные автором при своем соприкосновении с крестьянским населением Иркутской губернии. Большей популярности домашних школ способствует нетребовательность родителей в отношении грамотности их детей и быстрота обучения в домашних школах: ребенку не зачем ходить в школу по нескольку зим. Среди учителей большинство ссыльно-поселенцев; среди последних многие весьма и весьма грамотны, попадаются даже с педагогическим и специальным образованием. Можно было бы ожидать от таких учителей вредного нравственного влияния на учеников, но его нет, так как вся деятельность учителя происходит на глазах родителей. Также как Григорьев, Астырев считает необходимым особо отметить культурно-образовательное значение ссыльного элемента Сибири. Недостаточность образования, даваемого домашними школами, он видит в том, что здесь перед нами исключительно ремесленное элементарное обучение грамоте, очень быстро научающее читать и писать, но совсем не развивающее умственного кругозора ребенка, что в конечном итоге дает даже самая плохая казенная школа.

Что касается частных школ среди городского населения, то здесь, во 1-х, частная школа не имеет такого значения, как среди сельского населения, так как отпадают многие стимулирующие моменты для ее развития (расстояние, недостаток казенных школ), во 2-х, в такой же степени трудно учесть количественно распространение частного начального обучения, так как кроме зарегистрированных организованных начальных частных школ в городах существуют одиночки—«вольно практикующие» учителя, по соглашению с родителями берущие на себя подготовку и начальное обучение детей.

Подобное частное обучение в городах наиболее было распространено в первой половине прошлого века. При недостаточности

тогда городских начальных школ, оно имело для того времени большее значение, чем теперь.

Нельзя пройти мимо школьно-учебной деятельности декабристов в 30—50-х годах прошлого столетия в различных пунктах Сибири. Прежде всего, декабристы сыграли крупную культурную роль среди сибирского населения своим личным обаянием, живыми примерами, в качестве домашних учителей. Из воспоминаний Голодникова мы знаем, что они, учителя уездного училища, многому научились у декабристов, проживавших в 40-х годах в уездном городке Тобольской губернии Ялуторовске: один из них учился у декабристов высшей математике; другой иностранным языкам (пока смотритель уездного училища, однажды, призвав их к себе, не запретил им общение с «государственными преступниками»). Из воспоминаний Белоголового мы знаем, какое культурное влияние оказывали на входивших с ними в личное повседневное общение и на своих учеников декабристы, приглашавшиеся в дома зажиточных купцов и чиновников в качестве домашних учителей их детей.

Но этого мало. Некоторые декабристы были организаторами настоящих маленьких школ и, что самое, пожалуй, важное, с'умели при организации их об'единить вокруг себя некоторую часть местного общества и отдельные школы, устроенные ими, оказались вполне жизнеспособными, чем не могут похвастаться все правительственные школы. Первое место среди школ, устроенных декабристами, безусловно принадлежит Якушкинским школам в Ялуторовске.

И. Д. Якушкину принадлежит инициатива устройства в Ялуторовске двух школ—мужской приходской и женской (одной из самых первых в Западной Сибири). Официально инициативу открытия первой из них взял на себя соборный протопоupей Знаменский (в противном случае школа не была бы разрешена). Дом для школы в соборном дворе построил купец Мясников. Школа была открыта в августе 1842 года, «после многих препятствий со стороны городничего и смотрителя». Преподавание началось под непосредственным руководством Якушкина по весьма популярному в то время заграницей Ланкастерскому методу. Новая метода, с ее занимательностью, отсутствие телесных наказаний, теплое отношение учителей к своим слушателям и удобное помещение,—все это обеспечило успех школы и число учащихся беспрерывно росло: в первое время поступило 44 человека, к концу следующего 1843 года число их доходило до 93, через год—185, еще через год 184 и к маю 1846 года дошло до 200.

Поступали не только городские мальчики, но и из уезда и даже приезжали из других городов. Можно предполагать, что некоторые мальчики, дети нуждающихся родителей, содержались дека-

бристами. Школой заинтересовалась и губернская администрация и сам директор училищ губернии. Последний, посетив школу в самом начале ее деятельности, нашел ее образцовой не только в своей дирекции, но и во всей Сибири, и при дальнейших своих поездках по губернии предлагал смотрителям по образцу ее устраивать приготовительные классы при уездных училищах. Некоторые смотрители посетили Якушкинскую школу и, убедившись в ее достоинствах, посылали подведомственных им учителей для обучения как теории ланкастерской методы, так и применения ее на практике. Таким образом Якушкинская школа стала до некоторой степени первой учительской семинарией в Сибири. В 1848 году на школу из городских средств стало ассигновываться по 200 руб. в год, а с 1858 года она перешла в ведение мин. нар. просв.

В 1846 году в память умершей жены Якушкиным была устроена школа для девочек. Преподавание в этой школе также велось по Ланкастерской методе. Ввиду значительных расходов на содержание школы, была установлена плата с зажиточных родителей, за недостаточных плату вносили их родственники или сами декабристы; учитель школы, дьячек Седачев, отказался в пользу школы от жалованья. Жена купца Мясникова за свой счет построила здание для школы. В 1858 году школа перешла в ведение мин. нар. просв. и послужила родоначальницей позднейшей женской прогимназии.[111]).

На самом юге Сибири, у границ Монголии, в Минусинском краю устроили школу в 30-х годах декабристы братья Беляевы. Вот что рассказывают они в своих воспоминаниях об устроенной ими школе. «В понедельник один из нас уезжал на пашню, а другой оставался дома и занимался в школе. Небольшое число учебников грамматики, географии, истории и арифметики было у нас с собою. Конечно, учение наше ограничивалось правильным чтением, основными краткими понятиями по географии, священной и русской истории. Через несколько лет мы имели утешение видеть учеников наших поступившими—один в казначейство, другой в волостное правление писарем, остальных теперь уже не припомню. Школа имела в разное время до 20 учеников.[112]).

Даже на крайнем севере, в далекой Якутской области, группой заброшенных туда декабристов было устроено нечто вроде школы. Об одной такой школе рассказывает в своих воспоминаниях Муравьев Апостол. «Кроме постоянных моих занятий: чтения,

---

[111]) Максимов, „Сибирь и каторга", ч. III, Палопеженцев; Головачев, „86 портретов декабристов", Знаменский „И. Д. Якущкин" („Сиб. Сборн." 1886 г.), Семенов „Декабристы в Ялуторовске" („Сиб. Архив" 1913 г. № 8).

[112]) Цит. по ст. „Народ. нач. обр. в Минусинске" в „Сиб. Архиве" 1911 г. см. также „Записки" бр. Беляевых.

изучения английского языка, и письменной корреспонденции с родными и товарищами, я, ввиде развлечения, могущего принести пользу и другим, выдумал учить детей грамоте. Ко мне стали ходить двое мальчиков: сын тамошнего приказчика и внук одного из священников, родители которых обрадовались предложению моему учить их детей. По неимению в этой глупи часов пришлось придумать забавный способ для определения классного времени. Я над своей юртой выкидывал красный флаг, служивший знаком, что я жду своих учеников и они на этот знак, немедля, являлись со своей книгой».[113]).

Кроме декабристов организаторами школ выступали и местные граждане—отдельные купцы и чиновники. Мы уже упоминали про устройство женского пансиона в Томске купцом Асташевым, женской школы там же некоей Кирилловой, женского училища в Троицкосавске. К этим примерам частной инициативы в женском образовании заслуживает добавления устройство русско-монгольской школы Игумновым в Верхнеудинске в 1813 году: в школе его училось 5 бурят, 1 монгол, 1 ясачный, 2 купеческих сына в возрасте 12—15 лет, обучались они русскому и монгольскому языкам, чтению, письму и счету. Обучение было, конечно, узко практическое, поскольку оно нужно было для торговых и административных сношений на границе, через которую шла наша торговля с Китаем.

Для частных школ позднейшего времени характерно открытие их в городах Сибири различными просветительными организациями. Отличие этих школ от частных школ, открытых отдельными лицами, заключается прежде всего в том, что частные лица, открывая школу, имеют ввиду прежде всего обеспечить свой преподавательский труд, школы, открытые ими, существуют лишь во время пребывания в данном городе их инициаторов, существуют эти школы на плату за обучение. Иное дело школы, открытые частно-просветительными обществами. Они представляют собою такие же постоянные учебные заведения, как и правительственные и существуют не только на плату за обучение, (а иногда даже бесплатные), но и на средства, собранные путем пожертвований. В основе их учреждения лежит не мотив заработка, а филантропический интерес, стремление восполнить недостаточность правительственной и городской образовательной деятельности.

Первые сибирские школьно-просветительные общества возникают в начале 80-х годов. «Ежегодник внешкольного образования» на 1907 год дает следующий перечень школьных просветительных обществ, существовавших к этому году на территории Сибири: общества попечения о начальном образовании: в Амур-

---

113) Рус. Старина 1886 № 9 „Вос. о М. И. Муравьеве Апостоле".

ской области, гор. Красноярске, в гор. Енисейске (учр. в 1884 г.), в Ачинске (1902 г.), в Минусинске (1887 г.), в Нерчинске (1890 г.), в Ишиме, в Иркутской губернии, в Ялуторовске, в Кургане, в Томске (1882 г.), в Барнауле (1884), в Бийске, в Змеиногорске, в Каинске (1885 г.), в Колывани (1898), в Омске, в Акмолинске, в Семипалатинске (1887 году), в селе Бутырском Томской губернии. Как видно, все общества, за исключением 2-х губернского масштаба и 1-го в селе, распространяют свою деятельность исключительно среди городского населения.

Не имея под руками отчетов всех этих обществ, я вкратце изложу историю деятельности самого первого из них—Томского.

В 1882 году в Томске было открыто «Общество попечения о начальном образовании в гор. Томске». Идея учреждения подобного общества (под названием «Общества друзей народного образования»), возникла еще в 1880 году, когда председателем училищной комиссии Т. И. Макушиным был внесен в Городскую Думу проект устава, но до 1882 года этот проект ходил по разным инстанциям. Целью общества было поставлено: содействовать Городской Управе материальными средствами к надлежащей постановке начальных школ, помогать беднейшим и способнейшим учащимся, оказывать содействие к открытию начальных школ. Втечение следующих 4-х лет с 1883 по 1887 год общество открыло в Томске 4 начальных школы в районах с беднейшим населением (Заисток, Мухин бугор, Слобода, Елань). Между 1887 и 1891 г. общество открыло: женскую профессиональную рукодельную школу, воскресные технические классы, рисовальные классы. С 1882 по 1897 год общество израсходовало на содержание начальных школ 27.336 рублей, на содержание рукодельной школы 4.199 р., на обеспечение учащихся теплой одеждой 7.932 рубля и т. д. В 1901 году общество открывает еще 2 начальных школы, также на окраине—Ярлыковскую и Белозерскую. Главная доля внимания общества направлена была на внешкольное просвещение взрослого трудового населения, почему я и откладываю более подробный разбор его деятельности до следующего очерка, но при скромных формах действий, предоставленных законом, и небольших материальных средствах, которыми располагало общество, очерченную только что деятельность необходимо признать достаточно значительной. Главное же, что обращает наше внимание в деятельратичность Общества, бывшая бельмом на глазу администрации, и это то, что общество вовлекло в орбиту попечения о народном образовании очень широкие и разнообразные слои городского населения, создало среди них интерес к этому делу. Уже спустя два месяца после своего открытия, Общество имело 500 членов и 1.000 рублей в кассе. Позднее Общество добилось разрешения принимать в члены каждого уплатившего 1 рубль вступительного взно-

са. Таким образом оно сделалось одним из самых демократичнейших обществ в России. В составе его членов мы находим духовных, учителей, чиновников, военных, купцов, мещан. Эта демократичность Общества бывшая бельмом на глазу администрации, и послужила причиной его закрытия после благотворной 23-х-летней деятельности, в 1906 году. Снова оно возродилось по инициативе того же П. И. Макушина в 1909 году, но уже не имело такого успеха и значения, так как общественная инициатива к этому времени имела уже ряд других выходов и приложений.

В Томске же возникает и развертывает свою деятельность другое просветительное общество, хотя и имеющее иные, специфические цели, но также содействующее народной школе. В 1896 году по инициативе доктора В. С. Пирусского возникло «Общество содействия физическому развитию». Общество поставило своей целью пропагандировать среди учащихся и родителей «принципы всесторонности развития, заключающейся в идее гармонического классического воспитания, основанного на совершенствовании духовных и физических сил ребенка». Реализируя эту идею, общество: а) организовало в начальных школах, предназначенных для детей бедноты, горячие завтраки, в целях поддержания их здоровья; б) организовывало площадки для игр, гимнастические упражнения в школах; в) организовало дачи для слабых детей; г) устроило каменное двухэтажное здание школы манежа и д), наконец, пришло к идее создания высшего ученого и учебного заведения, предназначенного с одной стороны для изучения и пропаганды научно-обоснованных приемов и техники физического образования, с другой стороны для подготовки учителей, могущих в школу внести приемы физического образования.

Ко всем своим начинаниям Общество подходило постепенно, живым путем естественного выявления той или иной потребности и способов ее удовлетворения. Так, в 1911—1912 г.г., по примеру прошлых лет, были устроены школьные завтраки в 7-ми начальных школах и при этом в одной из них была сделана попытка устроить платные школьные завтраки. Некоторые родители обязались вносить плату за школьные завтраки в размере превышающем их себестоимость для того, чтобы оплатить завтраки малоимущих. Завтрак состоял из мясного завтрака, супа или щей, в среднем порция стоила 2,1 коп., а в месяц с приплатой прислуге—50 копеек. Организация школьных завтраков затруднялась теснотой школьных помещений, не предусматривавших устройство столовых. В колонию отправлялось ежегодно от 100 до 150 малокровных детей месяца на 1½ каждый. За 15 лет в колонии перебывало 1538 детей. Отсутствие ручного труда в казенных школах восполнялось Обществом физического развития посредством занятий с детьми городских школ, которые велись в специально для этого

построенном здании школы манежа. Здесь школьникам предоставлялась полная свобода выбора—одни шли в столярную мастерскую, другие на лепку, третьи в картонажную мастерскую и т. д. Впоследствии—в 1917 году—школа расширила свои задачи еще более, идя навстречу желанию учащихся, она ввела в свой курс для желающих даже общеобразовательные предметы, которых не было в нормальных городских школах (новые языки).[114]).

---

[111]) См. сборн. „Город. Томск" Шипицин „Десятилетие Том. О—ва попеч. о нар. обр." (Том. 1892 г.); отчет О—ва сод. физ. развитию за 10-й и 15-й год.

Приложение 3 е.

Грамотность населения Сибири по переписи 1897 г.

Внешним выражением итогов образовательной деятельности, критерием ее успешности служат данные о грамотности населения в тот или иной статистический момент. В исчерпывающем и сравнимом виде такие данные мы имеем лишь за 1897 год—материалы первой Всероссийской однодневной переписи, Мы приведем эти данные в отношении Сибири, чтобы закончить ими очерк развития начального образования на территории Сибири к средине 90-х годов—момент, как мы уже говорили, интересный в общественно-экономическом отношении, поскольку 90-ые годы являются годами экономического перелома в сибирской жизни в связи с постройкой магистрали.

Начнем с общих цифр грамотности по отдельным районам империи.

	Грамотных по всему населению		
	В селениях	В городах	В городах и селениях
ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ.			
Европейская Россия	19,1	48,9	22,9
Польские губернии	26,3	44,7	30,5
Кавказ	9,3	33,7	12,4
Сибирь	9,9	39,4	12,4
Ср. Азия (в т. ч. Акм. и Семип. обл.)	3,4	18,5	5,3
	17,4	45,3	21,1
СРЕДИ МУЖЧИН.			
Европейская Россия	28,5	58,5	32,6
Польские губернии	29,2	50,5	34,2
Кавказ	14,6	42,4	18,2
Сибирь	16,4	48,1	19,1
Ср. Азия (в т. ч. Акм. и Семип. обл.)	5,5	24,9	7,9
	25,2	54,0	29,3
СРЕДИ ЖЕНЩИН.			
Европейская Россия	10,3	38,3	13,6
Польские губернии	23,4	38,6	25,8
Кавказ	3,9	22,3	6,0
Сибирь	3,2	28,3	5,1
Ср. Азия (в т. ч. Акм. и Семип. обл.)	1,1	10,3	2,2
	9,8	35,6	13,1

Выводы: а) грамотность городских жителей превышает грамотность сельских жителей более чем в два с половиной раза, а в Сибири даже в четыре раза; б) грамотность мужчин превышает грамотность женщин в городах в полтора раза, в селах в два с половиной раза; в Сибири—в городах также в полтора раза, в селах в четыре с лишним раза; в) среди отдельных областей империи Сибирь по состоянию грамотности стоит наравне с Кавказом и превышает Среднеазиатские владения,

Сибирь не представляет, однако одного целого и мы должны интересующие нас цифровые выражения грамотности сибирского населения разбить по отдельным губерниям и областям Сибири. При этом для сравнения из Европ. России мы возьмем губернии наиболее близкие Сибири, как северные и пограничные волжскоприуральские, а также некоторые из губерний центрального-промышленного района и украины.

В таком случае по степени грамотности населения сибирские губернии и области могут быть разбиты на следующие группы в нисходящем порядке грамотности населения.

	Все нас.	Мужч.	Женщ.	В городах
Сахалин	26,8	30,9	12,5	33,6
Амурская	24,8	34,7	11,9	39,5
Приморская	24,7	32,4	8,2	48,6
Иркутская	15,2	21,8	7,6	43,4
Енисейская	13,6	20,6	6,7	39,1
Забайкальская	13,4	22,5	3,8	38,7
Тобольская	11,3	17,7	5,0	38,0
Томская	10,4	16,5	4,3	36,3
Акмолинская	10,4	15,6	4,7	34,9
Семипалатинская	5,9	9,2	2,1	27,1
Якутская	4,1	6,4	1,7	29,1
а) Северные губернии:				
Архангельская	23,3	36,4	11,7	52,1
Пермская	19,2	28,3	10,8	48,7
Вятская	16,6	25,6	7,5	52,0
Вологодская	19,1	32,8	6,7	54,0
б) Волжско-Приуральские губернии:				
Казанская	17,9	24,9	11,1	48,1
Симбирская	15,6	25,4	6,6	41,3
Самарская	22,1	30,3	14,1	41,4
Саратовская	23,8	34,6	13,6	42,6
Уфимская	16,7	21,9	11,7	37,1
Оренбургская	20,4	20,4	11,4	36,5
в) Центральные губернии:				
Московская	40,2	54,8	25,5	55,7
Калужская	19,4	33,0	8,6	51,6
Владимирская	27,0	43,3	13,4	48,0
Нижегородская	22,0	34,4	11,1	50,0

г) Украина:	Все нас.	Мужч.	Женщ.	В городах
Киевская	18,1	27,5	8,9	49,8
Полтавская	16,9	27,8	6,3	39,8
Екатеринославская	12,5	31,5	10,8	42,5
Херсонская	25,9	35,0	16,3	43,9

На самом последнем месте стоят области Семип. и Якут. т. к. в них преобладающие население—инородческое. Высота % грам. в Сахел, обл. об'ясняется тем, что население Сахалина или чиновники, или поселенцы взрослые.

Территориальные границы дают одни условия грамотности населения—национальный и сословный состав местного населения—другие. Мы должны остановиться и на них.

Грамотность среди основных национальных групп сибирского населения рисуется следующей таблицей относящейся ко всей Сибири (не считая в составе ее Акмолинской и Семипалатинской областей, как степных:)

	Среди мужчин		Среди женщин		Всего на 100 чел. вообще гр.
	По русски	Не по русски	По русски	Не по русски	
Русские	30,5	0,1	9,1	0,2	19,8
Тюрко-татары . .	2,3	7,4	0,4	4,6	7,5
Мнголо-буряты .	4,6	6,4	0,3	0,2	5,5
Культурн. нар. Д. В. (китайцы, корейцы)	2,3	22,4	0,3	1,7	19,3
Племена кр. севера	4,2	1,2	0,5	0,04	3,0

В дополнение к этой таблице приведу данные о грамотности среди населения по Тобольской губернии: среди великоруссов грамотных—17,5 (муж.) и 4,5 (жен.), малоруссов—17,2 (муж.), и 1,3 (жен.), татар—25,4 (муж.), и 16,8 (жен.), киргиз—2,7 (муж.) и 0,4 (жен.), зырян—14,6 (муж.) и 1,5 (жен.), вогул—3,4 (муж), и 0,8 (жен.), остяков—1,1 (муж.) и 0,1 (жен.) При этом среди татар 93% грамотны на своем языкн и лишь 7% на русском, среди киргиз 64% грамотны на своем и татарском языке и лишь 36% грамотны по русски.

В заключение, остановимся на грамотности по отдельным сословиям и типам грамотности. Первую мы возьмем лишь по одной губернии—Томской—так как конечно, выводы из цифр даваемых переписью по этой губернии в этом именно отношении вполне могут быть распространены на всю Сибирь.

На 1000 человек.

	Вообще грамотн.		С высшим образован.		С обр. выше начального	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Дворяне и чиновники . .	78,9	68,9	13,5	0,6	52,4	38,9
Духовного звания	80,1	67,3	9,5	—	73,3	28,9
Купеческое сословие . . .	40,6	19,6	0,9	0,0	7,9	12,6
Сельские состояния . . .	14,6	2,4	0,0	0,0	0,4	1,8
Инородцы	5,1	1,8	0,1	0,6	0,3	0,3
Остальные сословия . . .	41,0	20,1	1,0	0,6	12,3	18,4
Иностранцы	58,4	69,0	—	—	14,4	14,2

Цыфры эти в комментариях не нуждаются. Обращает на себя вниманин, что среди дворян, чиновников, духовенства процент грамотных среди мужчин и женщин почти одинаков, а средв иностранцев даже выше (необходимо не забывать что исчисление ведется по отношению ко всему населению, включая и малолетних детей дошкольного возраста, иначе, конечно, по этим группам % грамотных приближался бы к 100); среди купцов и мещан грамотность женщин вдвое ниже, чем среди мужчин, среди крестьян в 6 раз ниже и среди инородцев (считая и грамотность не по русски) в 3 раза ниже. Вообще же наивысшим % грамотности отличаются как и следовало ожидать дворяне, чиновникн и духовенство, за ними идут иностранцы и затем уже купцы.

Образование, вынесенное населением Сибири из различных учебных заведений, видно из следующей сводной по всей империи таблички. [115])

	Получили образование:							
	В общеобр. высш. У. З.	В спец. в у. з.	Спец ср.	Общ. ср.	Высш военное.	Ср. обр.	Всего средн. и высш.	
Европ. Россия	10	3	10	90	0,4	6	120	
Цар. польское	10	3	10	110	0,4	10	140	(на 10 000
Кавказ	5	1	10	70	0,2	5	90	жителей
Сибирь	5	1	7	70	0,2	4	80	
Ср. Азия (в. т. ч. Акм. и Сем. обл)	1	0,5	3	20	0,2	4	30	

Опять таки, и здесь Сибирь приближается к Кавказу, превышая по высот образования населения лишь среднеазиатские области.

---

115) См. отд. тома (по губерниям) переписи 1897 г., Сводка данных по грамотности в „Ежегоднике внешн. обр. на 1907 г.“, в „Ежег. России“ изд. Ц. С. У., и в ст. Серебренникова „Грамотность Сибири“—Сиб. Вопросы 1910 г.

Приложение 4-е.

Некоторые данные для введения всеобщего образования в Сибири.

Выше мы говорили, что с 1908 года начинаются в России первые практические мероприятия по проведению всеобщего образования. Война приостановила эти работы, и хоть не прервала совсем, но значительно замедлила их темп. К началу же войны относится составление в министерстве сводного плана проведения всеобщего образования в Сибири. План этот не был окончательно разработан и проведен. В одном из изданий МНП „Начальные школы ведомства Мин. Нар. Просв. в 1914 г." (Петроград 1916 г.) мы находим некоторые цифровые данные, послужившие основанием для составления этого плана. Хотя эти данные погашаются позднейшей разработкой того же вопроса в министерстве проф. Сапожникова Сибирского Правительства 1918—19 года, думаю, будет не лишним привести и их.

Составитель обзора оговаривается, что данные о числе учащихся в школах духовного ведомства вычислены теоретически из данных 1913 года; данные об учащихся даны по отношению лишь к первым классам двухклассных школ и одноклассным школам, так как вторые классы захватывают возраст, выходящий из плана проведения всеобщего образования (8—11 отр).

Число детей школьн. возраста и учащихся к 1 янв. 1915 г.

	Детей 8—11 л.	Учащихся в школах			Всего	% уч.	% не уч-ся.
		МНП.	ВПИ.	Проч.			
Акмолинская .	134919	26992	8158	6643	41793	30,9%	69,1%
Семипалатин .	77762	6175	1027	3389	10591	13,6%	86,4%
Тобольская. .	184476	42856	22052	38	64946	35,2%	64,8%
Томская. . . .	364963	65462	55023	1437	121922	33,4%	66,6%
Енисейская.. .	87521	28934	10308	31	39273	44,9%	55,1%
Иркутская . .	66186	29433	8181	328	37942	57,3%	42,7%
Якутская. . . .	29822	2121	1106	—	3227	10,8%	89,2%
Забайкальская.	83412	20420	8973	174	29567	35,9%	64,1%
Амурская. . . .	27298	13810	5130	2451	21391	78,6%	21,4%
Приморская. .	51037	23953	7376	1694	33023	64,9%	35,7%
Камчатская . .	3641	225	582	—	807	22,1%	77,9%
Сахалинская .	3027	342	65	—	407	13,5%	86,5%
Вся Сибирь. .	1113354	260723	127891	16185	404889	36,3%	63,7%
Вся Россия . .	15253758	5708727	1991295	88431	7788453	51,0%	49,0%

Приведенные цифры не дают нам ничего нового сравнительно с тем, что мы знаем на основании переписи 1911 года. Ближе всего к проведению всеобщего образования оказываются дальневосточные области, дальше всего области Камчатская, Сахалинская, Якутская и Семипалатинская.

Число учащих в начальных школах к 1 января 1915 г.

	МНП.	ВПИ.	Проч.	Всего	Число комплектов.	% обезп. компл.	Ср. чис. уч-ся на 1 уч.
Акмолинская .	653	164	162	979	2698	36,2%	42,6
Семипалатин .	145	22	79	246	1355	15,8%	47,1
Тобольская. . .	1260	645	2	1907	3689	51,6%	34,0
Томская. . . .	1464	1345	48	2857	7299	39,1%	42,6
Енисейская . .	746	275	1	1022	1750	58,4%	38,3
Иркутская. . .	778	256	11	1045	1324	78,9%	36,3
Якутская. . . .	97	67	—	164	596	27,5%	19,6
Амурская . . .	337	117	50	504	546	92,9%	42,4
Забайкальская.	549	298	5	852	1668	51,0%	34,6
Приморская. .	663	210	49	922	1027	89,7%	35,8
Камчатская . .	10	28	—	38	73	52,0%	21,2
Сахалинская. .	15	2	—	17	61	27,8%	23,9
Вся Сибирь. .	6717	3429	407	10553	22136	47,4%	37,7
Вся Россия . .	136680	48092	2079	186859	305093	61,2%	41 6

Что касается плана проведения всеобщего образования, составленного Сибирским М-вом Нар. Просв. в 1918 г. на 10 лет (к 1 янв. 1929 г.), то, поскольку о ней можно судить по сообщению „Наст. сибир. календаря", он был построен на следующих расчетах. По данным на 1 января 1915 г. население Сибири исчислялось в 12.759.300 д. об. п. Определив вероятное число населения Сибири к 1 янв. 1919 г. в 15.631.000 чел. (при ежег. приросте в 5%) план исчислял количество детей школьного возраста на 1 янв. 1919 г. равным 813.200 д. об. п. Считая на каждого учащего по 50 учеников, следовательно к этому году имеем 36 264 учащих, училищ, считая на городское уч. комплект в 125 уч. и на сельское 75 уч.—22.996 (1770 в гор. и 21226 в сельских местностях).

Глава IX.

Высшая школа в Сибири.

По мысли творцов школьной реформы 1804—06 г.г. в каждом учебном округе предполагалось открытие университета, который совместно с попечителем округа осуществлял бы надзор за учебными заведениями округа, участвовал в управлении ими и завершал собою систему школьного образования. § 14 «Предварительных правил народного просвещения» гласил: «Затем предназначаются для университетов Киев, Тобольск, Устюг Великий и др., по мере способов, какие найдены будут к тому удобными. Округи сих последних составятся в свое время из ближайших губерний». После опубликования «Предварительных Правил», известный богач и меценат Демидов пожертвовал капитал в 100.000 рублей на учреждение университетов в Киеве и Тобольске,—тогда еще главном городе и административном центре Сибири. Финансовые затруднения правительства в связи с беспрерывными войнами на западе, а позднее перелом настроения в высших правительственных сферах, задержали осуществление этой мысли на ряд десятилетий. Часть капитала, пожертвованного Демидовым на открытие в Тобольске университета, была передана Тобольской гимназии, остальная часть при открытии Томского университета обращена на его нужды.

Во время пребывания Сперанского в Сибири, повидимому, поднималась мысль об открытии в Сибири высшего учебного заведения. Калашников в своих воспоминаниях говорит, что Словцов составлял проект открытия в Сибири университета. Вероятно, речь шла о том училище азиатских наук, о котором упоминает Вагин в своей книге о Сперанском. Нужда в подобном училище обосновывалась необходимостью иметь чиновников, подготовленных к сношениям с сопредельными государствами и народами и трудностью найти таких лиц без специальной выучки для сего определенного контингента молодых людей. Интересны соображения, высказывавшиеся Цейдлером в его, приведенном выше, письме по этому поводу на имя Сперанского: Цейдлер сомневается, что для училища среди местных чиновников и купцов найдутся ученики и полагает возможным скомплектовать учащихся среди сирот и детей канцелярских служащих. Так мало была подготовлена в то время Сибирь к высшему или просто специальному образованию, даже в наиболее культурном городе Сибири—Иркутске. Чем кончилась

история этого вопроса, сказать не могу, повидимому, Сперанский нашел преждевременным открытие подобного училища.

Однако, мотивы, послужившие основанием для возникновения в Иркутске при Сперанском мысли об учреждении Высшего Азиатского училища, сохраняли свою жизненность и срочность и через несколько лет после от'езда из Сибири гр. Сперанского вопрос об открытии в Сибири высшей школы снова ставится в правительственных сферах. Одновременно его ставят в 1823 году Попечитель Казанского учебного округа Магницкий, в ведении которого по должности находились учебные заведения Сибири, и генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич. Магницкий проектировал открытие в центре горного алтайского округа в Барнауле отделения Казанского университета с целью подготовки учителей для сибирских учебных заведений, образованных чиновников и коммерсантов, могущих вести торговлю с Китаем, Монголией и др. сопредельными восточными странами. При этом Магницким была составлена скромная смета на содержание подобного отделения университета. Капцевич проектировал открытие в административном центре Западной Сибири Омске самостоятельного университета с двумя факультетами—юридическим и медицинским, мотивируя необходимость их открытия недостатком в Сибири врачей и чиновников. Для обеспечения содержания университета в Омске Капцевич предлагал определить доходы с рыболовных угодий Западной Сибири. Мысль об открытии в Сибири высшего учебного заведения была поддержана Сибирским Комитетом, но далее, при прохождении вопроса в Министерствах, заглохла, (б. м. в связи с началом нового царствования и усилением реакции после декабрьских событий 1825 года). В 1827 году сенаторы, ревизовавшие Западную Сибирь, запросили бывшего тогда визитатором сибирских училищ П. А. Словцова, достаточно ли было бы для Сибири одного высшего училища. Словцов ответил им, что «по малочисленности учебных заведений, низших и особливо средних, было бы преждевременно помышлять об учреждении высшего училища», предложив взамен того позаботиться об открытии третьей сибирской гимназии в Томске.[116]).

Начало нового царствования и эпоха пробуждения общественного самосознания после Крымской кампании ознаменовалась тем, что снова был поднят вопрос о сибирском университете. Инициатива нового возбуждения вопроса принадлежала министру народного просвещения Норову, который во Всеподд. докл. от 5 марта 1856 года писал: «Вашему Императорскому Величеству благоугодно было признать полезным учреждение университета в Сибири... Министерство займется начертанием плана сего высшего

[116]) Чудновский „Ист. оч. просвещения в Томской губернии".

учебного заведения». Несмотря на то, что инициатива принадлежала самим высшим правительственным сферам и получила высочайшее одобрение, вопрос о сибирском университете снова заглох. Но теперь вопросом об открытии высшего учебного заведения в Сибири заинтересовалось в лице своих лучших активнейших представителей само местное общество, до сих пор остававшееся безучастным к идее своего сибирского университета.

В 1863 году Ядринцев выступает в Омске с публичной лекцией о необходимости для Сибири университета. На столбцах только что народившейся в Сибири печати, в лице неофициальных частей губернских ведомостей, появляются статьи по тому же вопросу. Городские думы выносят постановления о желательности учреждения сибирского университета. Появляются первые частные пожертвования на эту цель. Так, известный коммерсант и исследователь севера золотопромышленник Сидоров об'явил о своем намерении пожертвовать сибирскому университету, если он будет учрежден в Красноярске, большую площадь золотых приисков, доходы от эксплоатации которой шли бы на содержание университета. Горячими сторонниками идеи сибирского университета проявляют себя и некоторые местные администраторы—напр., Тобольский губернатор Деспот-Зинович... Но центр оставался безучастным к идее сибирского университета и, говорит Ядринцев, «истощив массу аргументации, литература об университете испытывала крайнее напряжение и ее ноты начинали уже звучать безнадежностью».

Лишь в конце царствования Александра II-го, через 20 лет после Норовского доклада, по докладу генерал-губернатора Западной Сибири Казнакова в 1875 году, последовало Высочайшее повеление разработать вопрос о сибирском университете ввиду указаний генерал-губернатора на крайний недостаток в Сибири врачей, чиновников, учителей. Казнаков поручил Ядринцеву составить Всеподданнейший доклад по вопросу об учреждении в Сибири университета. Составленный последним доклад исчислял расходы по учреждению университета в скромной сумме 500.000 рублей и намечал открытие университета в составе четырех факультетов: медицинского, физико-математического, историко-филологического и юридического с осени 1879 г.[117]). Доклад пролежал в Петербурге целых три года и лишь в 1879 г. последовало Высочайшее повеление об открытии в Сибири унив-та в составе четырех фак-тов. В связи с вопросом о месте учреждения университета между сибирскими городами возникло живое соревнование. Был подан ряд записок и адресов. Один из наиболее серьезных претендентов—Иркутск, отказался в пользу Томска, как географически более удоб-

[117]) Флоринский в своих воспоминаниях („Рус. Старина" 1906 № 6) как профессор медик резко критикует Ядринцевскую смету.

ного для сибиряков пункта, за Томск же был подан голос большинством других сибирских городов; из городов Западной Сибири только Тюмень и Тобольск высказались против Томска—Тюмень стояла за Омск, как ближайший к ней, Тобольск, в связи с первоначальными предположениями начала века, сам претендовал на университет; за Омск первоначально высказывалась местная высшая администрация, имевшая в нем свою резиденцию. В конце концов, победа осталась за Томском. В 1880 году в Томске была произведена закладка университетских зданий. С постройкой не спешили и лишь в 1887 году, к моменту празднования трехсотлетнего юбилея Сибири, здания были готовы для начала занятий. За это время в судьбе сибирского университета произошли новые изменения: решено было на первое время ограничиться открытием одного лишь медицинского факультета.

К моменту открытия Томского университета на постройку его зданий, на его содержание, оборудование и учреждение при нем студенческих стипендий были собраны значительные пожертвования. Не считая пожертвований книгами, стоимости отведенной городом усадебной земли и пр., одни только денежные пожертвования достигли до 485.000 рублей. Наиболее крупными пожертвованиями, вложенными в первый сибирский университет, необходимо считать: Демидовский капитал, наросший с 1803 года с процентами до 150.000 рублей, пожертвования Цибульского 100.000 рублей, пожертвования Сибирякова 110.000 руб. Из книжных богатств, пожертвованных молодому университету отметим: Строгановскую библиотеку в 7.523 названиях и 22.626 том., (очень ценные и редкие издания, знач. часть на иностран. языках), библиотеку первого попечителя округа проф. Флоринского в 3.000 том., библиот. кн. Голицина в 5.000 том., дубликаты Публичной библиотеки в Петербурге—3.000 том., библ. поэта Жуковского, библ. академика Никитенко в 2.000 том. и др. Из государственных средств на постройку зданий было ассигновано 600.000 рубл.

В первый год открытия Томского университета в него поступило 72 студента. Из них 30 были воспитанники гимназий и 40 воспитанники семинарий, 2 перешли из других университетов. Большинство были сибиряки—44 чел. (то есть, 61,1%) уроженцы Сибири. Не сибиряки были почти исключительно семинаристы, так как им был разрешен доступ в сибирский университет, закрытый в России. Первый выпуск Томского университета был выдающимся по своему составу: из 32 выпущенных врачей, 6 чел. т. е., 20%, достигли профессорского звания. Нельзя не отметить также нуждаемость первого контингента студентов Томского университета: из 72 студентов 50, то есть, $^{2}/_{3}$, нуждались в пособии.

Небольшое количество студентов, поступивших и обучавшихся в первые годы существования Томского университета, об'яс-

няется не тем, что в Сибири того времени была слаба тяга к высшему образованию, а тем, что университет имел только один факультет (в составе двух курсов в первый академический год), а также, быть может, вообще, большей привлекательностью для молодежи обучения в столичных центрах. «Сибирская газета» приводила в №, вышедшем в день открытия Томского университета, цифры сибиряков, обучавшихся в 1887/88 уч. году в российских университетах: в Петербурге в этот год училось 150, в Москве 50, в Казани, как ближайшей к Сибири—236 чел.[118]).

Само по себе открытие университета было очень торжественно обставлено. Учреждение университета было большим праздником для Сибири. Вот как очевидец описывает торжество закладки университета в Томске в 1880 году. «Это был всеобщий праздник. На площади Томска происходил своего рода митинг, а в огромном манеже состоялся банкет, на котором речи лились рекой. Попечитель учебного округа Флоринский восхвалял отзывчивость сибиряков и было за что: не считая огромной площади земли и больниц, пожертвованных городом, частные пожертвования достигали до 700.000 рублей, а вместе с ценностью книг и различных предметов превышали миллион рублей. Вечером Томск горел огнями от иллюминаций, среди которых блестели и сверкали слова Гете: «Свету, свету, свету!». Сибиряки верили, что для Сибири наступает новая эра, что очаги света уже не погаснут, а просвещение разольется широкой рекой по далекой окраине».[119]).

Что этот отзыв не преувеличен, подтверждает ознакомление с газетными статьями того времени, с брошюрой, изданной под заголовком «Описание празднеств, состоящихся в Томске 26—27 июня 1880 года, при закладке университета». Иркутская городская дума, в своем адресе, на имя университета, выразила надежду, что открытие университета в Сибири будет для нее третьей эрой, (считая первой—завоевание ее Ермаком, второй—реформы Сперанского.

Теперь, спустя 30 лет, отдавая должное культурному значению Томского университета в истории сибирского просвещения, мы, конечно, не можем не отнестись ко всем этим заявлениям, как преувеличенно-оптимистичным. Но и тогда находились лица, не так уж опьяненные перспективами открытия сибирского университета. Так, И. Аксаков, в газете «Русь», утверждал, что будущность Сибири в большей степени зависит от железной дороги, чем от открытия университета; в 1886 году автор книги «Енисейская

---

[118]) Довольно детально история открытия Томского Университета изложена у Ядринцева в его „Сибирь, как колония". См. также „Первый Университет в Сибири" изд. „Сиб. Газ." 1888 г. и „Вост. обозр." 1888 г. № 29 ст. Вагина „Ист. оч. вопроса об универс. в Сибири". Подробная библиография у Адрианова в его книге „Город Томск" (Изд. 1890 г.)

[119]) Цит. по „Вестн. Воспит." 1912 № 3. „Юбилей Том. Ун-та".

губерния», Латкин, в одной своей статье в «СПБ Ведомостях» писал, что Сибирь гораздо больше приобретет от учреждения в Сибири сельских школ на те средства, которые потребны для основания университета, чем от последнего.[120]).

Холодным душем на энтузиазм сибиряков должны были подействовать мероприятия власти, совпавшие с открытием университета: попечитель округа, профессор Флоринский, не разрешил прочесть на празднестве адрес прогрессивной местной газеты «Сибирская Газета», наиболее энергично ведшей кампанию за открытие университета, а затем добился закрытия ее, мотивируя свои представления о последнем тем, что в противном случае он не может ручаться за настроения молодежи, которую надо обезопасить от растлевающего влияния названной газеты.

Итак, открытие Томского университета в 1887 году состоялось лишь в составе одного лишь медицинского факультета, вопреки определенного указания Высочайшего повеления 1879 года— открыть сибирский университет в составе 4-х факультетов. Второй факультет—юридический—в Томском университете был открыт через 11 лет, после учреждения университета: 22 октября 1898 года, в связи с распространением на Сибирь судебных уставов Александра II-го. Открытие двух остальных факультетов задержалось еще на больший срок. В 1907 году Совет Томского университета обратился в Мин. Нар. Просв. с ходатайством о немедленном открытии историко-филологического факультета, мотивируя свое представление возможностью произвести открытие этого фак-та без особых затрат (на оборудование лабораторий и т. п.) Неоднократно выносила пожелания открытия при Томском университете недостающих факультетов и III и IV Государственная Дума. Но также, как ходатайства Университета и ряда сибирских общественных организаций, пожелания Государственной Думы оставались без осуществления. Отрицательно относилась к расширению унив-та местная учебная администрация. Попечитель Западно-Сибирского учебн. округа Лаврентьев заявил, что новые факультеты не нужны. так как «расплодят в Сибири бродячую интеллигенцию». В 1913 году Сибирская группа IV Госуд. Думы внесла законодательное предположение об открытии при Томском унив-те недостающих факультетов с начала 1914—15 уч. г. Министерство снова возражало против расширения унив-та, ссылаясь то на незначительность числа сибиряков, обучающихся на филологических и естественных фак-тах росс. ун-тов, то на связанность свою общим планом открытия сети высших учебных заведений в России. Министерство гр. Игнатьева включило Томские

---

[120]) Разбор этих соображений—в свое время дан Ядринцевым в его книге „Сибирь, как колония"—особенно подробно во 2-м издании ее.

факультеты в сеть проектируемых вузов, но вспыхнувшая война и напряжение финансовых сил страны оттянуло осуществление этого положения до февральской революции 1917 года. Лишь 1 июля этого года последовал указ Временного Правительства об открытии естественного и филологического факультетов Томского университета. 1 ноября 1917 года начались уже учебные занятия на том и другом факультете. Таким образом лишь через 38 лет после Высочайшего указа 1879 года Сибирь получила полный университет.

Внутренний рост университета виден из следующих цифр о числе студентов по годам.

1888 год	72 мед. ф.				всего 72 студ.	
1898 год	310 мед. ф.	137 юрид.			всего 447 студ.	
1908 год	633 мед. ф.	438 юрид.			всего 1071 студ.	
1918 год	1555 мед. ф.	655 юрид.	202 филол.	332 ест.	всего 3754 ст.	(в т. ч. 1004 ж).
1919 год	2640 мед. ф.	1127 юрид.	435 филол.	708 ест.	всего 4901 ст.	(в т. ч. 2267 ж.).

Женщины в Томский университет стали приниматься по общему положению 1906 года, отмененному через 2 года в 1908 году и снова по специальному разрешению для Томского и Саратовского университетов (только на медицин. ф.) виду малолюдности сих университетов с 1913 года. В 1913 году подобным разрешением воспользовалось 8 девиц, выдержавших специальные добавочные испытания при Округе. В 1917 году, после февральской революции, женщинам было предоставлено широкое право поступления в университеты без каких либо дополнительных испытаний. К этому разрешению присоединилось отвлечение масс мужской молодежи из числа окончивших гимназии и из среды студенчества на войну и этим об'ясняется громадный процент числа женщин в Томском университете в 1918 и особенно в 1919 году. Большинство студентов Томского университета до 1917 года составляли семинаристы, так как в Российские университеты их не принимали. Так в 1897 году из 446 студ. 353 были из семинаристов. Вследствие этого понижался процент сибиряков в университете (сверх другой причины—отсутствие ряда факультетов).

За 30 лет существования первого сибирского университета окончило: медицинский факультет 1.575 чел. и юридический (за 18 лет) 749 чел., а всего 2.324 человека. За то же время на содержание университета израсходовано:

из средств государств. казначейства .	10.955.389 р. 08 к.
сборов со студ. за слушание лекций .	1.120.911 р. 18 к.
из других источников (пожертв. и др.)	4.114.513 р. 94 к.
Всего. . . .	16.190.814 р. 20 к.

Таким образом, каждый окончивший Томский университет обходился государств. казначейству около 5 тыс. руб., а всего образование его стоило 7 тыс. рублей.[121]).

Значение Томского университета в истории сибирского университета не исчерпывается тем, что он за ряд лет выпустил свыше 2 тыс. чел. с высшим образованием. Необходимо отметить научно-исследовательскую работу и общественную деятельность его профессуры, выпустившей к 1919 году 67 томов «Известий Томского Университета», произведшей ряд исследований по географии, этнографии, археологии Сибири, естественно-исторические изыскания и пр., принимавшей участие в чтении публичных лекций, организации обществ, в местной прессе и пр. Достаточно указать на ученые общества, возникшие при университете: об-во естествоиспытателей, юридическое, пироговское медицинское, истории, археологии и этнографии.

Следующими по времени своего открытия за Томским университетом высшими учебными заведениями Сибири были Технологический Институт в Томске и Восточный Институт во Владивостоке.

Рост экономической жизни Сибири в связи с проведением первой (Уральской) желдороги, развитие в ней промышленности всех видов, потребность отсюда в технически образованных лицах,—поставили на очередь вопрос об открытии в Сибири, наряду с высшей нетехнической школой (университет), школы технического характера. Отдельные голоса о необходимости для Сибири политехникума раздавались и ранее, но поскольку задачей дня было достижение хотя бы одного университетского факультета, о техническом высшем учебн. заведении серьозного разговора не могло быть. В 1890 году начата была постройка Великой Сибирской железной дороги, открывавшей неисчислимые промышленно-экономические перспективы для Сибири. Через 5 лет в правительственных сферах возникает вопрос об учреждении в Сибири 2-го высшего учебного заведения технического характера. В 1895 году министр финансов Витте сделал представление Мин. Нар. Просв. Делянову о необходимости открытия в Сибири высшего технического учебного заведения. В том же году министр земледелия и госуд. имуществ Ермолов во Всеподданнейшем докладе высказался, что для поднятия сибирской золотопромышленности необходимо учредить в Томске Высшее Горное училище. После этого в Томске мин. нар. просв. была образована под председательством Попечителя Округа комиссия из профессоров университета, которая высказалась за открытие при университете физико-математи-

---

[121]) Данные взяты из „Наст. Сиб. календаря 1919 г." Мин. Нар. Просв. Сибир. Пр. и из ст. Алекторова „Высш. Учеб. Завед. Зап. Сиб. Округа" Журнал МНП 1917 г. № 6.

ческого факультета с горно-химическим отделением. Представление комиссии министерством было передано на переработку особой комиссии из профессоров университета и технологического института в Петербурге. Эта комиссия высказалась за создание в Томске самостоятельного технологического института с двумя отделениями: механическим и химическим. Соответствующее представление мин. нар. просв. было утверждено Госуд. Советом 14 марта 1896 года. Далее в январе 1899 года был назначен директором института проф. Зубашев Е. Л. и командирован в Томск для ознакомления на месте с нуждами Сибири и подготовительных к открытию института мероприятий. По докладу Зубашева решено было открыть институт в составе четырех отделений (факультетов), дополнив его отделениями строительным и горным. В то же время происходила постройка зданий института, до сих пор являющихся лучшими зданиями в Сибири. На постройку и оборудование института было израсходовано свыше 3 милл. рублей. 9 октября 1900 г. было открыто механическое и химическое отделения, в августе 1901 года горное отделение и в августе 1902 года—строительное отделение. Дальнейшее расширение института относится уже ко временам Сибирского Правительства, когда по постан. Совмина 30 дек. 1918 года был учрежден ряд новых кафедр (по сел.-хоз. машиностроению, по мукомольному делу, термическим двигателям и пр.), увеличены штаты и ассигнования.

Число студентов института в общем оставалось неизменным, колеблясь между 1.100 и 1.600. Это обстоятельство об'ясняется трудностью поступления в инст-т по конкурсным испытаниям при приеме, длительностью и трудностью обучения. Вот цифры числа студентов по годам и отделениям института:

1906—1440, 1907—1513, 1908—1597, 1909—1607, 1910 (закр), 1911—1162, 1912—1171, 1913—1167, ... 1919—1169. По отделениям института в 1919 году состояло: на механическом 357, на горном—435, на строительном—339, на химическом—239. В числе студентов института в 1919 году было 156 женщин (22 на механич., 15 на горном, 66 на химическом, 53 на строительном). Женщины принимались в 1906 и 1907 г.г. (12 и 9 чел.) и с 1917 года (66 в 1917 и 111 в 1918 г.).

За 18 лет существования института к 1 января 1919 года окончило курс инст-та со званием инженера 926 чел.: 415 по механич. отд., 223 по горному, 116 по химич. и 172 по строительному. На содержание института за те же годы израсходовано:

из средств госуд. казначейства .	5.604.865 руб.
из спецсредств (плата за учение)	1.320.275 руб.
Всего . . .	6.925.140 руб.

Таким образом, каждый окончивший Томский Технологический институт обошелся государств. казначейству свыше 6 тыс. р. (против 5 тыс. университ.), а если взять и специальные средства—около 7 с пол. тыс. рублей.

Часть окончивших институт была оставлена при институте для подготовки к профессорскому званию или занялась преподаванием в средн. и технич. школах, большинство же использовало свои знания в качестве инженеров на копях, сиб. желдороге, приисках, заводах и т. п. Как и университет, институт был центром научно-исследовательской работы в Сибири: при нем было образовано об-во сибирских инженеров, отделение технического общества и т. п. Из числа профессоров, проявивших энергичную исследовательскую работу, назовем геолога Обручева, физика Вейнберга, минералога Янишевского.

Мы уже видели выше как чувствовалась в Сибири потребность в изучении восточных языков и как она удовлетворялась учреждением азиатской школы в Омске, школ в Троицкосавске и Селенгинске, классов восточных языков при Иркутской гимназии. С постройкой Китайской железной дороги, захватом Манчжурии и Ляодуня, вообще с началом нашей агрессивной политики на Востоке, потребность в изучении востока и подготовке лиц, знающих восточные языки, естественно возросла. Все эти обстоятельства и вызвали учреждение в 1898 году во Владивостоке Восточного Института, преобразованного из гимназии с 4-х-летним курсом и четырьмя отделениями: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское и китайско-манчжурское. Число студентов Института росло следующим образом: 1899/900 учебн. г.—36, 1902/3 учебн. г.—52, 1909/10 учебн. г.—182, 1918/19 учебн. г.—300. Наряду с подготовкой чисто практических работников Институт во Владивостоке вел научное исследование края: издавал «Труды», профессора и преподаватели его участвовали в местном географическом обществе и т. п. За всем тем, Институт не имел большого общесибирского значения, как университет и технологич. институт в Томске: большинство его студентов были уроженцы местного края, остальные—семинаристы, принимавшиеся в институт без ограничения. В 1915 году из общего числа принятых в институт 85 человек 44 были уроженцы Приамурского края, 8 из Манчжурии, 16 чел. из Европейской России, остальные —из других местностей Сибири. Из общего числа принятых 85 человек 44 было реалиста, 9 коммерсантов, 13 гимназистов, 1 семинарист.

В одном из номеров газеты «Сибирь» 1885 года, перед открытием Томского университета появилось письмо, подписанное «сибирячка», в котором выражалась надежда, что при университете

будут открыты и женские курсы. Прошел, однако, долгий ряд лет, прежде чем эта надежда могла осуществиться.

В 1906 году впервые были допущены женщины в университеты и в том числе и в Томский университет и Технологический институт. Однако через два года, при министре Шварце, это разрешение было взято обратно и только через 5 лет после того в 1913 году женщины снова получили доступ в Томский университет, но и то только на медицинский факультет и после дополнит. испытаний. Только с осени 1917 года высшая школа безоговорчно была открыта для женщин.

К 1907 году относится первая попытка в Сибири организовать самостоятельное от мужских высшее учебное заведение—г. Сергеевой были открыты в Томске Высшие историко-философские курсы с четырехлетним курсом и профессорами местного университета и института в качестве лекторов. Курсы были открыты для лиц обоего пола, но большинство на них было женщин—95 при 30 мужчинах. Курсы просуществовали всего два года—с 30 марта 1907 года по май 1909 года и затем за от'ездом Сергеевой заграницу и недостатков средств закрылись. Курсы были совершенно частными, не пользовались никакой правительственной поддержкой и не предоставляли своим слушателям никаких прав.

Неудачный опыт историко-философских курсов не остановил общественной инициативы и в том же 1909 г. группой местных общественных деятелей (проф. Сапожников, Курлов и др.) открыто общество для организации Высших сибирских женских курсов и доставления им средств. Общество собрало значительное количество пожертвований, составило устав, провело его через правительственные инстанции и наконец 26 октября («сибирский день»—покорения Сибири), курсы были открыты пока в составе естественного отделения. В 1914 году к этому отделению присоединилось еще математическое отделение. В 1914—15 г. курсам были предоставлены права правительственных высших учебных заведений, а в 1918 году при курсах было открыто педагогическое отделение для подготовляющихся к педагогической деятельности. Число слушательниц на курсах неуклонно росло: в 1910 г.—87, 1911—192, в 1912—257, 1913—268 . . . 1918—713 (на естествен. 550, на математич. 58, на педагогич. отд.—105). Курсы были очень слабо оборудованы, помещались в наемном частном доме, но преподавательский персонал был тот же, что в университете и институте и само по себе преподавание стояло на высоте. Все это обеспечивало успех и длительное существование курсов...

Университет и технологический институт в Томске, Восточный институт во Владивостоке, женские курсы в Томске—не покрывали растущей потребности в высшем образовании. Выход конечно был в обучении в российских высших учебных заведениях.

Но они были далеки, иногда бывали переполнены, проживание в них требовало больших затрат средств, непосильных расходов для мелкого чиновничества и мещанства, хотевшего выдвинуть своих детей «в люди», ввиду тех преимуществ, что давал диплом высшей школы. К этому присоединялось стремление сибирских городов поднять тон своей жизни нахождением в городе высшего учебного заведения. Все эти обстоятельства вызвали в годы, следующие после первой революции 1905 года, оживленное дебатирование в сибирской прессе, в заседаниях сибирских городских дум и различных ученых и практических обществ вопросов об учреждении в Сибири новых высших учебных заведений.

Прежде всего встал вопрос о создании второго университета для Восточной Сибири. Естественным местом для него намечался Иркутск, самый ранний претендент на сибирский университет. Иногда вместо Иркутска выдвигался Владивосток, уже имевший одно высшее учебное заведение—Восточный институт. Вместо второго университета для Восточной Сибири в правительственных сферах выдвигался проект учреждения Политехнического института по типу Петербургского.

Открытие второго университета в Восточной Сибири окончательно было решено в Петербурге в 1916 году, когда в составленный мин. нар. просв. гр. Игнатьевым план открытия новых высших учебных заведений в Империи был включен Иркутский университет, а также и университет во Владивостоке для Дальнего Востока. Война задержала осуществление Игнатьевского проекта до послереволюционных дней. Но опубликование проекта послужило стимулом к оживлению общественной самодеятельности в этом направлении.

К сентябрю 1917 года было собрано 1.178.463 руб. частных пожертвований на открытие Иркутского университета. Мин. Нар. Просв. Временного Правительства был выработан законопроект об открытии университета в Иркутске, «как главном административном и торговопромышленном центре обширнейшего края и занимающем в нем первое место в культурном отношении». Университет было предположено открыть в составе всех 4-х факультетов, с введением в курс историко-филологического факультета кафедр по востоковедению и в курс юридического факультета экономических дисциплин, а в дальнейшем предполагалось открытие при университете нового для русских университетов факультета— технических и сельско-хозяйственных наук. Осенью 1917 года в Иркутск был командирован проф. Гримм для открытия юридического факультета. Наступившие политические обстоятельства прервали работу по открытию университета и уже по указу Временного Сибирского Правительства мин. нар. просв. последнего, проф. Сапожниковым, 27 октября 1918 года был торжественно открыт

Иркутский университет в составе историко-филологического и юридического факультетов. Первым ректором ун. был назначен проф. М. М. Рубинштейн. В следующем году были открыты факультеты медицинский, физико-математический и затем—ветеринарный. Недостаточность профессуры восполнилась приглашением профессоров, эвакуированных из России, Пермского и Казанского университетов. Что нельзя уже было никак устранить—это недостаток книг и учебно-вспомогательных учреждений—в этом отношении Иркутский университет хромает до сего времени.

Открытие третьего до Сибири университета, вошедшее в Игнатьевский план, во Владивостоке для русского Дальнего Востока оттянулось до 1918 г. и было проведено исключительно благодаря общественной самодеятельности. Осенью 1918 года во Владивостоке образовался комитет по организации Дальне-Восточного университета. Силами профессуры Восточного института, и преподавателей местных среднеучебных заведений, на пожертвования частных лиц, генерала Хорвата, Приморского Областного Земства, частных лиц и пр., был организован историко-филологический факультет, торжественно открытый 15 октября 1918 года при 150 студентах. В дальнейшем уже в эпоху советской власти историко-филологический факультет развернулся в университет с факультетами юридическим и филологическим и названеим Приморского университета.

В эпоху обостренного обсуждения вопроса об учреждении в Сибири новых высших учебных заведений—1907—1914 г.г.—выдвинулись проекты создания следующих специальных школ:

а) коммерческо-экономических, б) сельско-хозяйственных и ветеринарных, в) политехнических, г) духовно-миссионерских.

Проект учреждения коммерческого института выдвигался в Харбине, в Томске («Коммерческая академия» по проекту местного о-ва коммерч. образ.), в Омске. Мы видели, что в это время в Сибири существовал ряд средних коммерческих учебных заведений—в Тюмени, Омске, Томске, Владивостоке, Иркутске; очевидна была нужда в экономически образованных людях, росла торговая жизнь Сибири, все более и более вовлекавшейся в мировой экономический оборот. В конце концов ближе всего к осуществлению намеченных в этом отношении проектов подошел Омск, все более и более становившийся торговой столицей Зап. Сибири: в 1915 году Омская Городская Дума вынесла постановление об открытии в Омске Коммереческого института. Осенью 1917 года Коммерческий институт был открыт в составе двух отделений: экономического и коммерческо-технического. Это было частное высшее учебное заведение, находившееся в ведении Мин. Торг. и Промышл. и содержавшееся, главным образом, кооперативными

об'единениями: Центросибирью, Закупсбытом, Синкредсоюзом и друг. Возникнув в эпоху революции в условиях оторванности от России, институт конечно был слабо оборудован и необеспечен преподавательским пероcналом. Тем не менее он привлек к себе массу учащихся. В следующем 1918 году он был переименован в Политехнический, а затем соединен с Сельско-хозяйственным в институт Сельского Хозяйства и Промышленности.

Проект учреждения в Сибири одного или даже нескольких высших сельско-хозяйственных учебных заведений привлекал к себе наибольшее внимание как в правительственных сферах, так и в местных общественных кругах. Сибирь всегда была и конечно надолго останется преимущественно земледельческой страной. К этому присоединяется развитие в ней скотоводства и маслоделия. Намечались к созданию и сельско-хозяйственный институт и ветеринарный институт. Один институт предполагалось устроить в Западной Сибири, другой в Восточной Сибири. Спор шел о первоочередности и о месте. На институт претендовали и Омск, и Барнаул, Новониколаевск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита — одним словом все крупнейшие города Сибири. Городскими думами представлялись адреса, посылались делегации в Петербург.[122]). Война приостановила горячую атмосферу вокруг этого вопроса. В конце концов и здесь преоборол Омск—где сельско-хоз. среднее училище решено было преобразовать в институт. Преобразование это, однако, было осуществлено лишь при Сибирском Правительстве, постановлением которого от 24 февр. 1919 года институт был открыт, а затем к нему присоединен Политехнический институт. Ввиде сельско-хозяйственной Сибирской академии институт существует до сего дня. Уже в дни советской власти рядом с ним в Омске же вырос Ветеринарно-зоотехнический институт.

Идея создания высшего духовного учебного заведения в Сибири выдвигалась в Томске и Иркутске, ввиде проекта открытия пятой по России Духовной академии и на Дальнем Востоке, где проектировалось открытие в Хабаровске или Владивостоке Миссионерского института. Заслуживает быть отмеченным, что наиболее ревностно проект учреждения в Томске Духовной академии поддерживал Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Лаврентьев, (тот самый, который возражал против открытия при томском университете недостающих фак-тов, боясь, что они «расплодят бродячую интеллигенцию»). Мотивировалась необходи-

---

[122]) В январе 1913 г. при Мин—ве Земледелия состоялось совещание с участием представителей городов: Омска, Барнаула, Новониколаевска, Томска, Красноярска и Иркутска по вопросу о создании С. Х. И. Телеграфное ходатайство об открытии у них С.Х.И. послали Благовещенск и Чита

мость открытия академии недостатком законоучителей в гимназиях (попечителем) и целями надлежащей организации миссионерства.[123]).

Глава X.

Организация управления школьным делом в Сибири в XIX-ом столетии.

Екатерининская школьная реформа была прежде всего не закончена в отношении организации управления школьным делом. Школы на местах были в ведении «Приказов общественного призрения» (на которых, сверх дел образования, лежали другие заботы), в центре заведывание учебным делом было возложено на «Комиссию училищ», по существу учреждение временное, предназначенное лишь для выработки школьного устава и открытия первых училищ по этому уставу.

Учреждение в 1802 году в числе прочих министерств Министерства Народного Просвещения в качестве «особой государственной части», ведающей всеми образовательными делами и издание «Предварительных правил народного просвещения», предусматривавшее разделение Империи на учебные округа и учреждение должностей Директоров училищ в губерниях и штатных смотрителей училищ в уездах—восполняли первый основной недостаток Екатерининской реформы.

Согласно «предварительных правил народного просвещения» Сибирь должна была составить особый учебный округ. Но предположенный к открытию в Тобольске (§ 14 «Предварител. прав») университет, вследствие финансовых затруднений, связанных с беспрерывными войнами начала царствования, не был открыт, а учреждение округов по мысли авторов положения о Министерстве Народного Просвещения связывалось с учреждением университетов и, таким образом, Сибирь не составила особого округа, а была присоединена к округу ближайшего Казанского университета. Вследствие этого присоединения и без того обширный Казанский округ сделался самым обширным в России; территория его в несколько раз превышала территорию Западной Европы и естественно руководство учебно-просветительной жизнью Сибири становилось фикцией. Естественно было учреждение в 1821 году по представлению сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского особой должности Визитатора сибирских училищ при Казанском

---

123) См. ст. Алекторова „Высшие уч. зав. в Зап. Сиб. Учебн. Огруге“ ЖМНП. 1917, № 6, а также „Ирк. Еп. Вед.“ 1916 г. ст. „К отрытию дух. акад. в Иркутске“ в „Миссион. обозрении“ 1911 г. № 2 и 8.

учебном округе (на должность эту был назначен друг Сперанского, известный сибирский историк и директор Иркутских училищ П. А. Словцов). Должность подобного характера существовала в продолжении 7 лет (только в одном Казанском округе), но не оправдала возлагавшихся на нее надежд (да и не могла их оправдать при обширности сибирских территорий и тогдашних путях сообщений).

Новый школьный устав 1828 года снял с Казанского учебного округа трудную для него обязанность управления сибирскими учебными заведениями и вместе с тем упразднил должность визитатора сибирских училищ. Управление учебными заведениями было переложено на общегражданскую администрацию в лице губернаторов и генерал-губернаторских управлений Западной и Восточной Сибири.

В таком положении дело оставалось до 60-х годов прошлого XIX столетия, когда рост просветительного дела вынудил создать сначала при Зап.-Сибирском, затем при Восточно-Сибирском генерал-губернаторах специальные органы управления учебною частью. В Западной Сибири в 1859 году была учреждена должность Главного Инспектора училищ, на правах Помощника Попечителя округа при генерал-губернаторе, в 1885 году образован Западно-Сибирский учебный округ с Попечителем во главе, с соответствующей канцелярией и штатом Окружных Инспекторов, в качестве его помощников. В Восточной Сибири положением 1867 г. была учреждена должность Главного Инспектора училищ при Иркутском генерал-губернаторстве. Так же было организовано управление учеб. заведениям и Приамурского края, при выделении его в особое генерал-губернаторство. В таком виде управление учебными заведениями Восточной Сибири и Дальнего Востока дожило до революции. То, что Западная Сибирь шла в этом отношении впереди Восточной Сибири, об'ясняется открытием в 80-х годах пр. стол. университета в Томске.

Как бы мы не относились скептически к определению влияния бюрократических органов на общий ход развития просвещения, все же создание специальных органов образовательного управления до некоторой степени являлось более положительным явлением, чем управление ими общих гражданских учреждений. Вот почему в сибирской публицистике XIX-го и начала XX века мы встречаем неоднократно домогательства учреждения Восточно-Сибирского Учебного округа. «Худо ли, хорошо ли, говорит Томский депутат (IV Госуд. Думы), Ветошкин, в статье о народном образовании в Сибири, но там, где во главе учебного округа стоит специальный попечитель, получивший соответствующую подготовку, он все-таки отстаивает интересы учебного дела перед администрацией. В Сибири, благодаря совмещению администрации и учебной

власти в одном лице, невозможно даже обжалование какого-нибудь распоряжения генерал-губернатора по учебному ведомству, хотя бы это распоряжение генерал-губернатора по учебному ведомству, хотя бы это распоряжение явно противоречило смыслу закона».[124]).

Внутри губернии управление учебными заведениями было, согласно положения о губернских гимназиях и уездных училищах, сосредоточено в руках Директора училищ губернии, он же Директор гимназии, если она имелась в губернии, и по уездам—в ведении штатного смотрителя уездного училища. Такое положение оставалось неизменным до конца прошлого века, когда были учреждены специальные должности губернских директоров народных училищ и в качестве их районных помощников Инспекторов народных училищ, а средние учебные заведения были из'яты из губернского управления школами, подчиняясь непосредственно Округу или Главному Инспектору при генерал-губернаторе.

Для развития начального народного просвещения подобное выделение низших школ в особое управление и особенно создание раз'ездной районной инспектуры было необходимым и существенным шагом вперед. Раздражение, которое вызывал в учительской среде институт директоров и инспекторов народных училищ, конечно, об'ясняется персональным подбором их и общими политическими условиями работы учительства, а не самим по себе институтом в правильной его постановке. Директора же гимназий и смотрителя уездных училищ естественно могли нести обязанности по управлению посторонними им школами лишь в начальных стадиях просветительной деятельности, при небольшом количестве школ и недостатке педагогического персонала.

В 80-х годах были созданы первые должности инспекторов нар. уч. в степн. обл. Между 1899 и 1902 г. должности инспекторов и директоров нар. уч. были введены в Сибири повсеместно. Дальнейшее расширение сети нар. школ вызывало год за годом увеличение числа инсп. нар. уч. В предреволюционные годы в степ. сибир. губ. их уже было по нескольку на уезд.

Среди первых директоров училищ сибирских губерний встречались светлые головы, беззаветно преданные делу просвещения родного края. Таков, например, был Директор Иркутской гимназии и училищ губернии известный П. А. Словцов, о деятельности которого, в отношении хотя бы гимназии, мы приводили отзыв современника, и значение инициативы которого в деле насаждения образования губернии видно уже и из того, что при нем возникло в Иркутской губернии 18 приходских училищ, а после ухода вскоре же закрылся ряд сельских училищ...

---

[124]) „Вестник Воспитания" 1910 г. № 6.

В большинстве же подбор губернских директоров училищ нельзя признать удовлетворительным. В записке генерал-губернатора Пеля мы встречаем такой отзыв об одном из современных ему директоров училищ: «Бывший в Томске Директором училищ Воронов вовсе не имел никаких познаний и поэтому не мог не только дать никакого движения и полезных действий по учебной части, но едва ли не содействовал своим незнанием более тому, что часть сия в Томской губернии расстроилась». О другом директоре училищ уже половины XIX века один из историков народного образования в Сибири дает такой отзыв: «Вот, например, какую карьеру прошел П. М. Чигиринцев, служивший директором училищ Тобольской губернии с 1845 по 1856 год. По окончании в 1829 году университета, он в 1833 году поступил в Екатеринославскую контору иностранных поселенцев, затем был протоколистом в Екатеринославском Депутатском собрании, затем тут же столоначальником и членом комиссии о раздробительной продаже горячих напитков, после письмоводителем канцелярии Екатеринославского губернского предводителя дворянства и неоднократно исполнял «с самой удовлетворительной отчетностью» должность секретаря депутатского собрания. С 1846 года служил в Сибири сначала советником пограничного управления Сибирскими киргизами, а с 1849 года Директором Тобольской гимназии и училищ. Итак, втечение 20 лет—иностранные поселенцы, киргизы, горячие напитки, столоначальничество, письмоводство, писание протоколов и затем руководительство учебным делом одной из самых обширнейших губерний России».[125]).

Во второй половине века состав директоров и инспекторов нар. училищ старались комплектовать из лиц, получивших высшее или специальное педагогическое образование. Тем не менее, за недостатком таких лиц, а главное по политическим соображениям, в интересах политического надзора за народным просвещением, места инспекторов и директоров иногда занимали лица очень мало связанные с практикой педагогического дела. Теми же соображениями диктовалось создание на грани XX века уездных и губернских училищных советов. Это были распорядительные органы с бюрократическим составом, под председательством крестьянского начальника (председателя с'езда крест. начальников) в первом случае и губернатора во втором. Педагогом в этих советах был обычно лишь директор или инспектор нар. училищ. Ничего положительного о деятельности этих советов в очерке истории сибирского просвещения сказать не приходится.

В духовном ведомстве первоначально начальные школы находились под наблюдением благочинных и в конечном итоге духов-

---

[125]) Палопеженцов „Нар. обр. в Ялутор. окр."

ной консистории. После издания правил 1884 года, с развитием сети церк.-прих. школ, духовное ведомство, равняясь по линии М. Н. П., создало аналогичную ему организацию надзора и управления школьным делом: уездные наблюдатели школ и училищные советы, епархиальные наблюдатели школ и училищные советы.[126]).

---

[126]) См. Чарнолусского „Народные школы в Сибири"—сбор. законоположений и распоряжений.

Учебные заведения в городах Сибири перед войной и революцией.

А. Западная Сибирь.

(По данным, главным образом, „Памятной книжки Зап. Сиб. Учебн. Округа 1916 г.").

1. **Гор. Томск**—губ. г. 100.000 жит.—3 высших учебн. заведения с 2647 учащ. (Университет, Технологический Институт, Высш. Женские Курсы); 9 общеобраз. средн. учебн. завед. с 3493 учащимися (3 муж. гимн., 2 реальн. уч 4 жен. гимн.); 5 средн. специальн. уч. зав: (духовная семинария, женское епархиальное училище, среднее политехническое уч., учительский институт, дорожностроительное уч.; (10 профессион. технич. уч. зав. с курсом ниже среднего) ремесленное учил., муж. духовное учил., акушерскофельдшерская школа, желдорожнотехнич. учил., педагогические 2-х год. курсы, 3 музыкальных школы, рисовальные классы, женская профессион. школа) 4 высших начальных училища с 934 учащимися; 69 начальных училищ (38 городских, 1 желдорожное, 19 частных, 11 церковно-приходских,—с числом учащихся без церк. прих. школ 6026). Итого 100 учебн. завед.

2. **Гор. Омск**—губ. г. 140,000 жит.—11 средних общеобразоват. учебн. заведений с 2946 учащимися (3 муж. гимназии, частное реальное учил., 5 женских гимназий, 3 частн. гимназии обоего пола); 6 средних специальн. учебн. заведений с 1646 учащимися (коммерческое уч., кадетский корпус, сельскохозяйственное уч., землемерное уч., учительский институт, женское епархиальное уч.); 14 профессион. технич. уч. заведений с курсом ниже среднего и с 1267 учащимися (железнодорожное техническое уч., механикотехническое уч., центральная фельдшерская школа, ветеринарнофельдшерская школа, торговая школа, учительская семинария, торговая школа, торговые классы, профессиональная школа, ремесленная школа, 3 бухгалтерские курсы, школа молочного хозяйства;) 5 высших начальных училища с 809 учащимися; 42 светских начальных училищ—33 городских, 5 желдорожных, 5 частных с 5018 учащимися и несколько церковно приходских школ. Итого без церк. прих. школ 79 учебн. завед.

3. **Гор. Новониколаевск**—безуездн. гор.—86.000 жителей. 3 средних общеобраз. уч. завед. с 788 учащимися (мужская гимназия, реальное учил., женская гимн.); 1 спец. уч. зав.—учительская семинария с 77 учащимися; женская прогимназия и 3 высш. нач. училища с 638 учащимися; 43 начальных училищ (5 церкприход. шк.. 1 желдорожное уч., старообрядч. нач. уч., магометан. нач. шк., 39 город. школ с 3630 учащимися в последних). Итого 55 учебных заведений.

4. **Гор. Барнаул**—уездн. 68 000 жителей.—4 средних общеобразов. уч. зав. с 1376 учащимися (мужская гимназия, реальное уч., 2 женские гимназии); 4 спец. уч. завед. (учительская семинария, среднее механикотехническое, мужск. духовное уч., торговая школа); 4 высших начальных училища с 798 учащимися; начальных школ 21 городских с 2759 учащимися, 4 частных с 150 учащимися, несколько церк.—приходских.

5. **Гор. Тюмень**—уездн. 42,000 жителей—2 средних общеобразоват. учебн. заведений (реальное училище, женская гимназия); одно среднее спец. уч. зав. коммерческое уч. об. п., 3 высш. нач. училища; ремесленное учлилище; 13 начальных школ, 12 церк. приход. школ, 2 частн. нач. уч. 1 желдор. нач. уч.

6. **Гор. Тобольск**—губерн. 24.000 жит.—2 средних общеобраз. уч. зав. мужская гимн., женская гимн. 3 спец. средних уч. зав —духовная семинария, женско-епархиальное уч., учительский институт; 6 спец. уч. зав. с курсом ниже среднего-мужское духовное уч. учит. семинария, акушерскофельдшерская школа, ветеринар-нофельдшерская школа, торговая школа, сельскохозяйственная школа; 2

высших начальных училища, 11 городских нач. школ, 2 церковноприходские школы; 2 образц. нач. школы, 2 частные школы.

7. Гор. Бийск—уездн. 35.000 жит.—3 средн. общеобраз. уч. зав. (мужская гимназия, женская гимн., частн. уч. зав. об. п.); 1 спец. уч. зав. миссионерское катехизаторское училище; 2 высш нач. уч с 270 учащимися; 12 начальн. городск. уч. с 12588 учащимися, 2 церковноприходские школы, миссионерская нач. школа.

8. Гор. Курган—уездн, 35.000 жит. 2 средн. общеобр. уч. зав., мужская гимн., женская гимн.; 4 профессионально-технич школы—лесная школа, ремесленная школа, железнодорожные технические курсы, мужское духовное училище, 11 городских нач. школ, 3 церковно-приходских школы, 2 жел. дор. нач. уч.

9. Гор. Петропавловск—уездн. 55.000 жит.—2 средн. общеобраз. уч. зав.: реальное училище, женская гимн.; 3 профессионально-технических школы—сельско-хозяйственная, ремесленная, торговая; 3 высших начальных училища; 2 желдор. начальных уч., 8 городских нач. уч., 2 частн. нач. уч., 2 церковно прих. школы, 2 казачьих школы.

10. Гор. Семипалатинск,—губ. 50.000 жителей, 2 средн. общеобраз. уч. зав.—мужская гимназия, женская гимназия; 1 спец-учительская семинария; 3 высш. нач. уч.; 8 городских начальных училищ, 4 церковно-приходских училища.

11. Гор. Ишим—уездн. 15.000 жит.—2 средн. общеобр. уч. зав-мужская гимн., женская гимн.; мужское духовное училище; 2 высших начальных учил.; 3 нач. городских уч.; 3 церк.-приход. школы, 1 жел. дор. нач. уч.

12. Гор. Каинск—уездн. г. 13.000 жит.—2 средн. уч. зав.: мужская гимназия, женская гимн.; 1 высшее нач. учил.; 2 нач. желдорожн. уч, 4 городских нач. уч., 1 еврейское нач. уч., 3 церк. прихоо. школы.

13. Гор. Мариинск—уездн. 14.000 жит.—2 средн. уч. зав-женская гимназия, частная мужск. гимн.; 1 высшее нач. уч.; 1 желдорожное нач. уч., 1 еврейское нач. уч., 1 частная нач. школа, 2 городск. нач. уч., 2 церк.-приходских школы.

14. Гор. Усть-Каменогорск—уездн. 18.000 жителей—1 средн. уч. зав.-женская гимназия; 1 высшее нач. уч., 1 Мариинское женское училище; педагогические 2-х год. курсы; сельско хозяйственная школа; казачье уч., татарское медрессе; 1 нач гор. уч, 1 церковно-приходская школа.

15. Гор. Павлодар—уездн. 16.000 жит.—1 средн.уч. зав женская гимназия; педагогические 2-х год. курсы; 1 высшее нач. уч.; сельско-хозяйственная школа, казачье училище, русско-киргизское училище, мусульманская школа; 2 нач. городских уч.: 1 церкприход. школа.

16. Гор. Камень—безуезд.—1 частн. гимн.; 2 нач. уч.

17. Гор. Ялуторовск—уездн. 4.600 жит.—Женская прогимназия, женская учительская сем., высшее начальное училище, 1 нач. гор. уч, 1 церк. приход. шк., желдор. нач. уч., 1 частн. нач. уч.

18. Гор. Тара—уездн. 10.000 жит.—женская прогимназия, высшее нач. уч. 5 нач. город. училищ, магометанское нач. уч.

19. Гор. Туринск—уездн. 6.000 жит.—Женская прогимназия, 2 высших нач. училища, 2 нач. город. уч., церк. прих. шк.

20. Гор. Атбасар—уездн. 3.000 жит.—Высшее нач. уч., русско-киргизское уч.; женская казачья школа, татарское уч., гор. нач. уч.

21. Гор Березов—уездн. 2.000 жит. Высшее нач. уч., 2 гор. нач. уч., церк. прих. шк.

22. Гор. Кокчетав—уездн.—3 высш. нач. уч., 2 нач. город. уч.

23. Гор. Тюкалинск—уездн. 3.000 жит.—2 высш. нач. уч., 1 нач. уч., церк. прих. шк.

24. Гор. Тайга—без'уездн. гор.—высшее нач. уч., 2 жд. гор, уч., 1 гор. нач. учил.

25. Гор. Татарск—без'уездн. г.—Высшее нач. уч., 2 нач. гор. уч.

26. Гор. Кузнецк—уездн 5000 жит.—Высшее нач. уч., 3 нач. гор. уч. церк. прих. школа.

27. Гор. Колывань—без'уездн. Высшее нач. уч., второклассная церковная школа, 3 нач. гор. уч.

28. Гор. Зайсан—уездн. Высшее нач. уч, 2 гор. нач. уч.

26. Гор. Сургут—уездн. гор. 1500 жит.—Высшее нач. уч., гор. нач. уч.

30. Гор. Каркаралинск—уездн.—Высшее нач. уч., гор. нач. уч., русско-киргиз. уч.

31 Гор. Акмолинск—уездн. 15000 жит.—учительская семинария, высшее женское уч., высшее нач. уч., сельско-хозяйственная школа, мусульманское медрессе, 5 нач. гор. уч.

32. Гор. Боготол—без'уездн.
33. Гор. Кокпекты—без'уездн.
34. Гор. Нарым—без'уездн.
35. Гор. Славгород—без'уездн.
} Только начальные училища.

Итого 1 город имеющий высшие учебные заведения, 5 городов, имеющих от 3 до 11 средних учебн. зав., 11 гор. имеющих 1-2средн уч. зав., 15 гор., имеющих только только высшие начальные училища и 4 города имеющих только начальные училища.

Б. Восточная Сибирь.

(По данным „Сибирского Торг. Промышл. Ежегодн." 1914—1915 г.)

1. Иркутск. губ. гор. 100.000 жит.—Женский институт, 4 женских гимназии, женское епархиальное училище, промышленное 9 классное училище, горное училище, мужская гимназия, духовная семинария; юнкерское училище, учительский Институт, военнофельдш. школа, учительская семинария, муж. духовное 4 кл. училище, акушерскофельдшерская школа, приготов. классы кадетского корпуса, 2 ремесленных училища, 2 пятиклас. городских училища, 27 начальных училищ.

2. Владивосток. 100.000 жит.—Восточный инститрт, мужская гимназия, 2 жен. гимназии, коммерческое училище, мореходные классы, ремесленное училище, частная прогимназия, морская ремесленная школа, гор. 4 кл. училище, рисовальная школа и другие начальные школы—всего 30 учебн. заведений.

3. Хабаровск. губ. гор. 50.000 жит.—Кадетский корпус, реальное училище, мужская гимн., женская прогимназия, женская гимназия, 6 классное мужск. училище, желдор. техническое училище, городская женская школа, ремесленная школа, корейская школа, школы при народном доме и переселенческом приюте, 13 городских начальных школ и др.

4. Чита. губ. гор. 60—000 жит.—мужская гимназия, 3 женских гимназии, учительская семинария, епархиальное женское училище, муж. дух. училище, миссионерское училище, землемерное училище, коммерческое училище, 5 клас.гор.училище, торговая школа, мещанское приходское училище, 19 начальных школ.

5. Красноярск. губ. гор. 70.000 жит.—мужская гимназия, женская гимназия, духовная семинария, учительская семинария, жел.дор. техническое училище, ремесленное училище, частная женская гимназия, акушерскофельдшерская школа, епархиальное женское уч., частное 4 классн. училище, гор. 4 классн. училище, 33 нач, шк.

6. Благовещенск. губ. гор. 70.000 жит.—мужская гимназия, 2 женские гимназии, реальное училище, духовная семинария, речное училище, телеграфная школа, частная женская гимназия, ремесленное училище, 3 клас. гор. училище, муж. дух. училище, второклассная церк. учит. школа, 4 клас. гор. училище, 17 начальных училищ.

7. Якутск. губ. гор. 12.000 жит.—реальное училище, женская гимназия, духовная семинария, женское епарх. училище, муж. дух. училище, 4 клас. гор. учил. фельдшерская школа, русскотатарское училище, частное уч., 4 нач. гор. школы, 1 церк. прих. шк., 2 образц. школы, второклассная церк. учительская школа.

8. Троицкосавск. уездн. гор. 14.000 жит.—реальное училище, женская гимназия, гор. 4 классн. уч., 7 приход. училищ, ремесленная школа.

9. Верхнеудинск. уездн. гор. 20.000 жит.—реальное училище, женская гимназия, гор. 4 кл. училище, 8 гор. приход. училище, 6 церк. приход. училищ, желдор. уч.

10. Минусинск. уездн. гор. 15.000 жит.—реальное училище, женская гимназия, гор. 4 кл. учил. 5 прих. учил., 2 церк. приход. школы.

11. **Николаевск на Амуре.** губ. гор. 15.000 жит.—реальное училище, женская гимназия, 3 кл. гор. училище, 2 кл. женучилище, ремесленная школа, женская школа, 2 нач. школы, 2 цер. кприх. школы.

12. **Никольск Уссурийск.** Уезднгор. 35.000 жит.—реальное училище, мужская гимназия, женская гимназия, гор. 6 клас. училище, учительская семинария, 4 гор. нач. учил, 3 церк. прих. школы, лесная школа, кл. жен. уч, 1 гарнизонная школа, 3 частные школы.

13. **Нижнеудинск. уездн. гор.** 12.000 жит.—реальное училище, женская гимназия, гор. 4 кл. училище, 3 приход. училища, церк приход. щкола, жел дор. училище.

14. **Нерчинск уездн. город** 8.000 жит.—реальное училище, женская гимназия, гор. 4 кл. училище, 5 прих. учил., церк. приход. школа.

15. **Канск уездн. гор.** 17.000 жит.—реальное училище, женская гимназия, гср. 4 кл. училище, 4 приход. училища.

16. **Ачинск уездн. гор.** 12.000 жит.—женская гинназия, гор. 4 клас. учил., 3 прих. уч, церк. приход. училище, магомет. школа, еврейская школа.

17. **Енисейск уездн. гор** 15.000 жит —мужская гимназия, женская гимна гия, 4 кл. гор. училище, 6 приход. училищ, частная школа, 3 церк. приход. школы.

18—29. Города, имевшие только городские 5—3 классные училища и начальные училища: **Акша, Балагвнск, Баргузин, Бодаибо, Верхоленск, Киренск, Нерчинский завод. Петровский завод, Петропавловск на Камчатке, Селенгинск, Сретенск, Черемхово.**

30—41. Города, имевшие только начальные училища: **Александровский пост, Алексеевск, Вилюиск, Верхоянск, Гижигинск, Мысовск, Ольга, Среднеколымск, Иман, Олекминск, Охотск, Туруханск.**

За точность и исчерпывающую полноту приведенных цифр ручаться не приходится, но они дают некоторое представление о том разнообразии школ, пестроте типов и отсутствии системы, единообразия, которые существовали в городах Сибири в дореволюционное время. В селах, конечно система, школьного образования была много проще, ограничиваясь одноклассными, двуклассными школами, церк. приходскими и редко—высшими нач. училищами.

Заключение.

До сих пор развитие школьно-просветительного дела в Сибири мы рассматривали по типам школ, существовавших на территории ее за двухсотлетний период времени от Петра и до наших дней, по изменениям законодательства, по тем или иным цифровым выражениям образовательной деятельности. Теперь мы можем подойти к истории сибирской школы и под другим углом зрения—с точки зрения тенденций, проявившихся в развитии школьно-просветительного дела, по эпохам и районам, по факторам развития школьно-просветительной деятельности.

Прежде всего мы должны установить как общую черту для всего рассматриваемого нами периода, что Сибирь неизменно повторяет всегда, везде и во всем свою метрополию; история просвещения в Сибири есть в тоже время история просвещения в России; тенденции, факторы, условия в той же последовательности, с той же силой выражения, в одни и те же эпохи, периоды, повторяются в первой вслед за второй.

Появляются в верхах русской церковной епархии поклонники южно-русской схоластической школы с стремлением по образцу ее насадить в Великороссии «семинариумы» и «академии»—одновременно с тем и в далекой Сибири выходцы Киевской академии на Тобольской и Иркутской кафедрах делают опыт создания богословской школы, одиноким огоньком сверкающей в мраке всеобщей грубости и невежества, среди духовенства, не могущего подписать свое имя, по своим нравам и понятиям стоящего немногим выше своей паствы. Светская государственность тяжелой рукой, «с барабанным боем на площадях» и угрозами каторги и батогов, принудительно насаждает в Москве и Петербурге казенное специальное образование среди дворянских и солдатских детей, также начинается светская правительственная школа и в Сибири. В Москве военно-пленный пастор Глюк пытается устроить первую гуманитарную гимназию, в те же годы военнопленные шведской войны в сибирской столице Тобольске устраивают свою школу модного в тогдашней педагогике пиэтического направления; и как Московская, так и Тобольская школа в одинаковой степени стоят особняком в истории русского просвещения, не оказав непосредственного влияния на современников. В конце века Екатерининское правительство пытается привлечь общественный интерес к созданной им общеобразовательной школе, подводит под нее фун-

дамент инициативный, общественно-материальный—и терпит крах со своей попыткой, натолкнувшись на незрелость тогдашнего среднего общества для идеи общего образования; тоже явление в одинаковых формах и с одинаковыми последствиями проявляется и в Сибири конца XVIII и начала XIX века.

В половине следующего века, под влиянием неудачной войны и освобождения крестьянства, выявляется общественное пробуждение, связанное с постепенным гражданским развитием русского общества и в связи с ним поднимается общественный и правительственный интерес к вопросам школьного просвещения,—тоже и в тех же хронологических рамках находим мы и в Сибири. Позднее, в глухую пору безвремения 80-ых годов, в правительственных сферах возникают тенденции к монополизации народно-просветительного школьного дела в руках духовенства, или, во всяком случае, к возможно большему (по политическим мотивам) насаждению церковной народной школы,—те же тенденции обнаруживаются на протяжении последних предреволюционных 30-ти лет и в Сибири.

Если искать в истории сибирской школы чего либо определенно связанного с Сибирью, вытекшего из ее специфических условий и обстоятельств ее окраинной жизни, так это будет: 1) зависимость между связанным с постройкой великой Сибирской железной дороги экономическим оживлением Сибири последних 30 лет и наиболее усиленным ростом школьно-просветительной деятельности за те же годы; 2) большая грамотность и интерес к школе со стороны переселенцев сравнительно со сторожилами; 3) большее развитие школьной сети в Дальне-Восточной части Сибири после русско-китайской 1900 г. и русско-японской 1904 г. войн.

Даже то обстоятельство, что Сибирь по развитию народного образования, его конечным итогам, значительно уступает земским губерниям России, не носит специфически сибирского характера, так как такое же соотношение в области народного просвещения замечается и внутри Европейской России между земскими и неземскими губерниями. Точно также, более усиленный рост правительственной школы за последние годы в Сибири сравнительно с земскими губерниями России вполне аналогичен развитию образовательной деятельности в других неземских губерниях и окраинах, в той же степени превышающему рост образовательной деятельности в земских губерниях.

Рассматривая историю сибирского школьного просвещения по эпохам, по отдельным царствованиям и десятилетиям истекших двух веков, мы должны сделать следующие выводы.

1. Допетровская Сибирь совсем не знает организованной правительственной школы, сама по себе грамотность в ней—явление

случайное, вывозной продукт России, в редких случаях она получена на месте в Сибири, передана от отца к сыну или воспринята от какого-нибудь вольнопрактикующего частного учителя грамоты.

2. Втечение всего XVIII века мы видим весьма слабый и малозаметный рост школьного просвещения, как в отношении числа школ, их живучести, положительного отношения к ним населения, так и в отношении вообще грамотности и образованности населения, последнее (т. е., грамота и образованность отдельных лиц), пожалуй, все же более прогрессирует, чем число школ, так как наряду с искусственно создаваемыми правительственными школами продолжают существовать немогущие быть учтенными частные «мастера» учения и личное самообразование—«начетничество».

3. Первая половина XIX века при усилении количественно интеллигентного слоя среди городского населения, при появлении в сибирских городах, хотя и в зачаточном состоянии, общественной самодеятельности и гражданственных инстинктов, в общем характеризуется теми же чертами, что и предшествующий век. Не говоря уже о сельских местностях, в той же мере совершенно лишенных школьного просвещения, большинство городов довольствуется приходскими училищами, в лучшем случае уездными 2-х и 3-х классными, а некоторые не имеют и приходского училища. Громадность расстояний, при исключительно гужевом способе сообщения, усугубляет тяжесть подобного положения для лиц, действительно хотевших бы дать своим детям хоть какое нибудь образование, убивает инициативу в этом отношении. Все таки положение школ, и средних и полусредних по современной терминологии, в этот период упрочивается и, если они и дают ничтожные цифры оканчивавших полный курс, то, во всяком случае, они перестают быть случайными с неустойчивым существованием, не зависят всецело от губернаторского благоволения и его энергичности в отношении привлечения в школу учащихся и средств.

4. Более быстрый рост школьного дела в Сибири начинается с 60-ых годов. Развитие народного и женского образования всецело связано с этим десятилетием. Появляются в действительности, а не на бумаге лишь, как раньше, сельские школы. Реформируется внутренний строй и программа всех без исключения школ. Появляются первые реальные и технические училища, первые учительские семинарии. На реальную почву становится вопрос об открытии Сибирского университета.

5. Конец 80-ых и начало 90-ых годов знаменует собою новый период истории сибирского школьного просвещения. Открытие университета и начало постройки великой сибирской железной дороги—вот исходные пункты этого периода. За университетом идет открытие первой высшей технической школы в Томске (Тех-

нологический институт), одновременно с ним возникает первый специальный институт со специфически местным назначением (Восточный институт во Владивостоке) и после первой революции 1905 года появляются высшие женские курсы в Сибири. Широко развивается среднее и специальное образование. В сфере начального образования проявляется стремление закрепить дело народного просвещения за духовенством, но в общем эту попытку, менее ярко выраженную чем в России, необходимо признать неудавшейся.

6. Последний, так сказать, заключительный (в рамках нашей работы) период истории сибирского просвещения начинается с Февральской революции 1917 года. Введение земских учреждений по закону 17 июня 1917 года, деятельность Сибирского Министерства Народного Просвещения, проекты реформы школы в направлении создания единой общеобразовательной школы 3-х ступеней, разрабатывавшиеся в этом Министерстве, и ряд практических (хотя и частных) мероприятий его в направлении демократизации школы и большей, так сказать, педагогической модернизации ее, открытие ряда новых высших учебных заведений, быстрый рост числа начальных и средних школ,—вот основные черты этого периода. Передача всех начальных школ в ведение земских и городских самоуправлений (в том числе и церковно-приходских школ духовного ведомства), раскрепощение частной инициативы в деле народного просвещения, обеспечивали дальнейшее развитие народного просвещения. Усиление экономической мощности местного населения в связи с увеличением торгового оборота и расширением железнодорожной сети были порукой того, что расширение организованной правительственно-общественной образовательной деятельности, встречая со стороны населения самое положительное отношение, дадут возможность не в столь уж отдаленном будущем наверстать отсталость Сибири в деле народного просвещения сравнительно с другими частями Республики. Проникновение во внутреннюю жизнь школ новых педагогических веяний, (как, например, ручной труд, физическое образование и т. п.), при устранении бюрократического формализма и противодействия, коренясь прежде всего в частной инициативе отдельных педагогических работников, давало основание думать, что они постепенно, естественным путем (и потому достаточно прочно) привьются в педагогической практике сибирских школ.

Рассматривая историю сибирской школы, так сказать, территориально, мы видим, что до конца века в области народного просвещения впереди идет наиболее густо населенная и близкая к России Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская обладают старейшими по годам основания школами и наибольшим

числом их. Далее идут срединные губернии—Енисейская и Иркутская и на самом конце—крайний север (Иркутская область) и Восток (Приамурский край, Камчатка). Это соотношение сохраняется во всех видах образовательной деятельности и во всех типах школ. Но если мы возьмем быстроту роста просветительной деятельности и отношение числа этих школ к населению, процент грамотных среди него по самым последним статистическим данным, то окажется, что дальневосточные губернии в начале нашего столетия оказываются впереди остальных. Это об'ясняется, конечно, правительственной политикой последних лет на Востоке Азии и численным преобладанием в населении этих областей переселенческого элемента и городского населения.

Нельзя также пройти мимо отношения просвещения сельских местностей к просвещению городских местностей. Априори можно было бы, конечно, сказать, что первое много уступает последнему. Но для Сибири характерно, что это соотношение слишком не в пользу сельских местностей, даже сравнительно с Россией. Об'ясняется это, прежде всего, тем, что если городское самоуправление было распространено на Сибири незамедлительно после издания законов, то земское самоуправление, которому столь обязано просвещение сельских местностей в России, было введено в Сибири лишь в 1917 году, а также большею редкостью населенных пунктов в Сибири.

Остается еще коснуться различных факторов развития школьно-просветительной деятельности в Сибири. Такими факторами являются: церковь, государственная власть, сословное, земское и городское самоуправление, деятельность частных лиц и просветительных обществ. Остановимся на каждом из них в отдельности.

Начнем с образовательной деятельности православной церкви, как исторически предшествующей другим видам образовательной деятельности. В странах, заселявшихся путем колонизации выходцами из христианской Европы дикого края, населенного малокультурными народностями, большую образовательную деятельность развивали в миссионерских целях христианские церкви разных вероучений, стремясь даже к исключительному сосредоточению дела образования в своих руках. Естественно было бы ожидать от русского православного духовенства проявления большой инициативы и рвения в деле просвещения сибирского туземного и пришло-русского населения. Учитывая просветительную деятельность сибирского духовенства в ряду других факторов местного просвещения, мы, однако, должны отметить ее относительную слабость и некрупную роль. В самом деле—в начале XVIII века мы встречаем просвещенных архиереев, как Тобольские Филофей Лещинский и Иван Максимович, Иркутские Иннокентий Кульчицкий, и Иннокентий Нерунович, честолюбивый на-

стоятель Иркутского Вознесенского монастыря архимандрит Антоний Платковский, начальник Камчатской миссии архимандрит Иосаф Хотункевич,—которые вполне отчетливо сознавали ту громадную роль, которую могло бы с'ыграть духовенство в Сибири, взяв в свои руки просвещение сибирских туземцев, и предпринимали известные шаги в этом направлении. Но среди даже верхов сибирского духовенства это были одиночки, начинания которых заглохли с их смертью. Сравнивая миссионерскую деятельность сибирского духовенства с энергичной деятельностью католического и протестантского духовенства в Америке, Азии и других странах, получаем «дистанцию огромного размера» (достаточно указать хотя бы на то, как иезуиты взяли в свои руки на несколько столетий всю буквально жизнь южноамериканских республик благодаря своим школам). Оставляя в стороне специфические тенденции и мотивы, преследовавшиеся миссионерствовавшим католическим и протестантским духовенством, мы должно признать, что в то время, как впервые развили достаточно большую школьную деятельность среди туземного языческого населения и среди первых европейских колонистов, занесенных судьбой далеко от своей родины, миссионерская деятельность нашего духовенства была чрезвычайно слаба. Втечение двух столетий на громадном пространстве создаются десятка два-три инородческих школ. Миссионер православного духовенства в подавляющем большинстве—чиновник, работающий для отчетности при помощи раздаваемых новокрещенным штанов и рубах, тогда как среди протестантских и католических миссионеров не редки примеры людей, до фанатичности преданных своему делу и своей церкви.

У сибирского духовенства был еще путь, внести свою долю в дело школьного просвещения,—это его профессиональные учебные заведения. Втечение долгого времени, как мы видели, это были немногие в Сибири средние и полусредние школы и в этом их основное значение в истории сибирского просвещения. В дальнейшем они потеряли это значение с ростом светской общеобразовательной школы и стали ведомственным анахронизмом, неудовлетворявшим даже и свое ведомство, так как лишь часть оканчивавших эти учебные заведения шла на епархиальную службу и во втором десятилетии XX века места священников пришлось заполнять слушателями краткосрочных Восторговских «пастырских курсов» в Москве. Если учитывать значение духовно-профессиональных школ Сибири по тому просветительному влиянию, которое оказали на местную жизнь их питомцы, то в актив их надо записать как раз их уклонение от своего прямого назначения,—тот факт, что значительнная часть питомцев и питомиц духовно-профессиональной школы шла в народные учителя, учительницы, или поступала в высшие учебные заведения и, окончив их, возвра-

щалась в Сибирь учителями, врачами и инженерами. Что же касается избравших священно-служительское поприще, к которому готовила их школа, то культурно-просветительное значение их было очень невелико. Малая авторитетность русского духовенства среди населения, даже религиозно настроенного, достаточно общеизвестна и опять таки не может итти в сравнение со значением и ролью духовенства католического и протестантского.

Духовенству представлялась возможность сыграть большую просветительную роль в учреждавшихся с 30-х годов прошлого столетия церковно-приходских школах. Мы видели, что эти школы возникают по указу свыше в 40—50-ых годах, заглохают, снова усиленно насаждаются (опять-таки по приказу свыше) в 80—900-ых годах; в отдельных губерниях,—как Тобольская и Томская,—церковно-приходские школы конкурируют по числу со школами Мин. Нар. Просв. и превышают их по числу. Но во всех перечисленных случаях насаждение церковной школы связывается не со стремлением церкви самой по себе взять в свои руки просвещение народа, чтобы направить его по желательному ей руслу, не из стремления воинствующего клерикализма, а с политическими соображениями высшей государственной власти, рассматривавшей духовенство, как наиболее благонадежный учительский элемент и духовную школу, как орудие отвлечения народа от вредных мыслей и направления. Само по себе русское духовенство не прониклось мыслью о своей заинтересованности в школе и несмотря на все меры содействия гражданской администрации, циркуляры своего прямого начальства, казенные субсидии и проч., не с'умела удержать за собою «командующие высоты» в народном образовании. Превышая числом, церковно-приходские школы уступают министерским по численности учащихся в них, по постановке учебного и пользуются вследствие этого меньшими симпатиями населений. Резумируя все сказанное, мы должны отодвинуть церковь в качестве одного из факторов сибирского просвещения за другие учреждения и общественные круги.

Иной отзыв мы должны дать об образовательной деятельности мусульманского духовенства среди инородцев Западной Сибири: до начала XX века школы, созданные мусульманским духовенством, представляют собою почти единственный вид образования среди татар и киргиз; ведется образовательная деятельность мусульманским духовенством энергчино и, можно сказать, аггрессивно. Мусульманское духовенство вполне отчетливо сознает значение школы для упрочения своего влияния на ту или иную народность. Результаты этого вполне правильного, с точки зрения интерсесов данного вероучения, взгляда, выражаются как в реальном повышении грамотности среди названного инородческого на-

селения, так и в успешном противодействии его позднейшим руссификаторским тенденциям власти.

Следующим хронологически фактором школьного просвещения (вообще и в Сибири в частности), выступает государственная власть. Мы видели, что этот фактор выявляется первоначально в узкой плоскости специального образования для непосредственного обслуживания нужд государственноо аппарата. Лишь с Екатерининской эпохи государственная власть усваивает значение для государства общей образовательной деятельности и приступает к созданию общеобразовательной школы. Необходимо в дальнейшем различать два периода: до половины XIX века и от 60-ых годов прошлого столетия.

В первый период государство является наиболее активным фактором просвещения в Сибири: оно будит общественную инициативу, создает учебные заведения, привлекая в них учащихся, изыскивает хотя и скудные средства и проч. Его деятельность в области просвещения ограничена и имеет малый успех, но преимущественно по вине самого общества, в этот период остающегося в большинстве своем совершенно безучастным к образованию. Школы пустуют, нет учеников, плохие и в недостаточном количестве учителя, но в этом повинны не только недостаточность забот правительственной власти по просвещению, но еще в большей степени отсутствие достаточного фундамента для постановки дела народного образования и отсутствие интереса к просвещению со стороны общества. Мы видим скорее оставшийся без поддержки со стороны общества правительственный почин, чем недостаточное проявление его правительством. Ядринцев с горькой иронией отмечает, что Томская гимназия открывается через 10 лет после указа о том, чтобы в каждой сибирской губернии иметь по одной гимназии, а Красноярская—через 40 лет после того же указа. Но тот же Ядринцев далее приводит цифры о числе учеников в двух сибирских гимназиях того времени, не превышающем в год несколько десятков на громадную необозримую территорию; из Исторической Записки Томской гимназии мы знаем, как первые публикации с вызовом учителей для гимназий оставались безрезультатны. Из записок современников, различных воспоминаний и проч. мы постоянно видим, как просветительные начинания, (правда немногих) администраторов наталкивались на равнодушие общества, отсутствие в нем потребности в просвещении, и на этом терпели крушение. Я не намерен идеализировать просветительную деятельность старой администрации XVIII и начала XIX века,—конечно, возможно было бы с ее стороны проявление большей заботы о народном просвещении, более рациональные мероприятия в этой области, конечно, среди администраторов того времени было много лиц даже прямо враждебных народному

образованию и всячески тормозивших его,—я хочу лишь констатировать, что в ряду других образовательных факторов того времени государственная образовательная деятельность была, и при всех сделанных оговорках, наиболее активной.

Совсем иное значение и характер имеет просветительная деятельность государственной власти в следующий период. В то время, как со стороны выросшего граждански к этому времени общества проявляется большой спрос на просвещение, как начальное, так и среднее, специальное и высшее, правительственная власть начинает усматривать в просвещении населения опасности для своего политического существования и зачастую является не содействующим просвещению фактором, а задерживающим его. В то же время выдвигается на видное место деятельность городских самоуправлений, просветительных обществ, частных лиц,—на фоне их министерская просветительная деятельность отодвигается на скромное место. Правительство или задерживает общественные начинания в деле просвещения, или придает им не тот характер, как этого хотелось бы инициаторам; в своей сфере оно осуществляет образовательные начинания с большой задержкой, под влиянием лишь непрерывного подталкивания со стороны общества, различных общественных и политических организаций, прессы, Государственной Думы. Вместо того, как прежде, чтобы обращаться к обществу с предложением открыть то или иное училище, государственная власть годами маринует поступившие с мест ходатайства об открытии нового учебного заведения, ставит формальные препятствия на пути его осуществления; в сфере начального образования стремится к насаждению суррогатного церковно-приходского образования, в области высшего образования дает классический ответ Попечителя Зап. Сиб. учеб. округа о ненужности открытия новых факультетов при Томском университете, так как они лишь «расплодят бродячую интеллигенцию».

За последние 30 лет количественно мы имеем большой рост открытых государственной властью учебных заведений, как низших начальных, так и средних и высших. Рост этот, конечно, во много раз превышает рост числа правительственных школ в предшествующем периоде. Не говоря об относительном значении государственно просветительной деятельности, как самостоятельного фактора сибирского просвещения, мы должны учесть происшедший за этот период рост общественной потребности в образовании и подталкивание со стороны общества. При такой поправке наличность большой правительственной образовательной деятельности последних лет не противоречит только что сделанной оценке ее. За последние 15—20 лет рост начальных школ Мин. Нар. Просв., открытых в Сибири, значительно превышает количество школ, открытых тем же министерством и в других местностях Им-

перии. Но в этом повинны наличность Государственной Думы, постановка на обсуждение ее проекта введения всеобщего образования, стремление не отстать от земских губерний в связи с проектами распространения земства в Сибири. Наконец, характерно то, что известную образовательную деятельность в Сибири развило переселенческое ведомство и что наиболее быстрый темп открытия правительственных школ в Сибири замечается в Дальне-Восточных областях, приобревших большое политическое значение в связи с политическим положением на Востоке. В том и другом случае мы видим образовательную деятельность государственной власти, подчиненной посторонним делу просвещения политическим обстоятельствам и импульсам.

Третий крупный образовательный фактор—земские и городские самоуправления и различные виды сословного самоуправления.

О значении земских самоуправлений в деле насаждения начальных школ в Европейской России мы уже говорили выше в главе о начальном народном образовании. Земства в Сибири не было до 1917 года. В период своего кратковременного существования в 1918—1919 г.г. сибирские земства развили большие проекты развития начального, среднего и профессионально-технического образования, частью приступили к их реализации, но не приходится останавливаться на этих проектах, ввиду именно эфемерности существования сибирского земства.

Что же касается городских самоуправлений, то оценка их роли в деле развития школьного просвещения в Сибири заслуживает гораздо большего места, чем мы могли представить ему в нашем кратком очерке. Городские самоуправления в Сибири учреждали реальные училища, профессионально-технические школы, начальные и повышенно-начальные училища, возбуждали ходатайства об открытии высших школ, предоставляли в распоряжение открываемых учебных заведений земельные участки, здания, средства на оборудование и содержание. Их содействие развитию школьного просвещения выразилось не только в инициативном возбуждении вопросов о подлежащих открытию учебных заведениях и денежных ассигнованиях,—они проявляли заботы и о регулировании многих внутренних сторон школьной жизни; содействовали получению среднего и высшего образования малоимущему населению, учреждая стипендии; организовывали школьные завтраки, детские праздники; строили улучшенные по правилам школьной санитарии и гигиены школьные помещения; осуществляли свой надзор за внутренней жизнью учебных заведений через своих попечителей и представителей в училищных советах. До учреждения родительских комитетов Городские Думы были единственным способом общественного контроля и воздействия на

школу. Живой интерес, проявлявшийся городскими самоуправлениями к различным формам школьного просвещения, распространялся и на высшую школу и ярко выявился в многочисленных адресах и докладных записках по поводу учреждения университета в 80-х годах и Сельско-хозяйственного института в 900-ых годах. Закон о введении всеобщего образования согласно планам, разрабатываемым городами и земствами, при субсидиях из Государственного казначейства на его проведение, должен был особенно благотворно повлиять на участие городских самоуправлений в местной просветительной работе. Наступившая война задержала введение всеобщего образования вообще по всей России, тем не менее некоторые сибирские города уже успели представить на утверждение министерства планы и, получив субсидии, приступили к проведению всеобщего образования.

Сословное самоуправление в Сибири имелось в следующих видах: самоуправление, духовенства, купеческого, мещанского и крестьянского сословий (дворянского самоуправления, за отсутствием поместного дворянства, в Сибири не было). Об образовательной деятельности купеческого и мещанского самоуправления не приходится говорить, так как вообще эти оба вида сословного самоуправления ничем себя не проявляли, всецело покрываясь деятельностью городского самоуправления. Образовательная деятельность духовного самоуправления, в лице Епархиальных с'ездов духовных депутатов, выражалась в общем надзоре за духовно-профессиональными школами (семинариями, духовными училищами, женскими епархиальными училищами) и материальной поддержке их. Депутаты духовенства на епархиальных с'ездах рассматривали отчеты, сметы, разассигновывали местные епархиальные средства на содержание названных духовно-учебных заведений.

Формы крестьянского самоуправления общеизвестны—сельские общественные и волостные сходы. Участие крестьянских обществ в школьно-образовательном деле выражалось в натуральном обслуживании школ (доставка дров, наем сторожа и т. п.), иногда в денежных ассигнованиях из волостных сборов, а главное—с нашей точки зрения—в проявлении ими инициативы, в составлении приговоров об открытии училищ и в возбуждении соответствующих ходатайств. В нашем распоряжении нет данных, по которым можно бы было установить роль инициативы крестьянских обществ в деле открытия новых школ. (Да если бы и были какие либо цифровые данные об открытии школ по крестьянским приговорам, то необходимо было бы еще учесть посторонние влияния: давление оказывавшееся на крестьянские общества теми или иными административными властями). Что же касается хозяйственного обслуживания крестьянскими обществами школ и ма-

териально-денежной поддержки их, некоторое внешнее выражение этой стороны образовательной деятельности крестьянских обществ дают приведенные выше сведения о бюджетах начальных школ. Вообще же, делая оценку этой стороны образовательной деятельности крестьянского самоуправления, мы должны признать, что она невелика, что крестьянство, за редкими исключениями, туго раскачивалось на жертвы для образования, что для школ, обслуживающих крестьянское население, всегда была тягостна материальная зависимость от сельских обществ. Быть может, этого не было бы, если бы крестьянское самоуправление не было лишено всяких прав участия в надзоре за школой, участия в ее управлении. Хотя и частично, такими правами обладало городское самоуправление, епархиальные с'езды духовенства и это повышало их интерес к образовательной деятельности. Не настаивая на том, что предоставление таких прав крестьянским обществам было бы в интересах школ при культурном состоянии сибирского крестьянства 60—80 годов прошлого столетия, мы, безусловно, считаем это одним из тормозов для развития народного образования в сельских местностях Сибири последних предреволюционных лет.

Частная инициатива в деле развития сибирского просвещения играет очень видную роль. Прежде всего, к частной инициативе можно свести многие начинания в деле насаждения учебных заведений первого периода, поскольку эти начинания исходили не из российского центра, были не осуществлением общероссийских директив, а проявлением инициативы того или иного просвещенного администратора. Но и помимо того, уже в XVIII веке мы встречаем случаи учреждения школ по частной инициативе. В первой половине XIX века число таких случаев умножается. Созданием первых женских училищ Сибирь всецело обязана частной инициативе.

Нельзя не отметить, однако, что частные учебные заведения, обязанные своим возникновением частной инициативе, первоначально, также как и правительственные, наталкиваются на малую восприимчивость к идее образования со стороны местного населения и не всегда отличаются жизнеспособностью и устойчивостью, так как со смертью или от'ездом своего организатора в большинстве случаев прекращают свое существование. Иной характер и иное значение имеет частно-образовательная инициатива, приближаясь к нашим дням. Во-первых, на ряду с частными индивидуально действующими лицами, мы встречаем на школьно-просветительной работе уже целые общества, просветительные организации. Во-вторых, просветительные учреждения, организованные в порядке инициативы отдельных лиц, уже не связываются узко-

непосредственно с их личностью, и дело, начатое ими, продолжается, после их смерти или отъезда, другими лицами или организациями. В порядке частной инициативы возникают большие учебные заведения с первоклассной постановкой дела и большим числом учащихся, возникают даже высшие учебные заведения.

В ряду частных лиц, которым много обязано сибирское школьное просвещение, мы встречаем известных сибирских миллионеров—Хаминова, Сибирякова, Трапезникова, Пономарева, Попова и менее крупные имена. Их пожертвованиям много обязаны Томский университет, Томское Коммерческое (Политехническое) училище, Иркутское Промышленное училище, Иркутская и Томская Женские гимназии и др. Но для нас гораздо больший интерес представляет не их пожертвования, а то, что в ряду лиц, проявлявших частную иницаитиву в деле просвещения и несших даже материальные жертвы на это дело, с конца прошлого века, особенно после 1905 года мы встречаем и разнообразную трудовую интеллигенцию. Материальная маломощность их приводит к кооперированию, к созданию частных товариществ профессоров, преподавателей и отдельных групп интеллигенции, которые (путем паевых взносов, сбора массовых пожертвований и исхлопотания правительственных и городских субсидий, а также сборов за обучение) собирают значительные средства, допускающие организацию частных учебных заведений.

Ряд частно-просветительных обществ возникает на протяжении 80—900 годов во всех сибирских губернских и крупнейших уездных городах. Общества народного образования, преследующие цели содействия внешкольному элементарному образованию народа, общества содействия учащим и учившим, общества содействия учащимся и студентам, общества содействия определенным высшим или специальным учебным заведениям или тем или иным видам образования,—вот различные виды их. Просветительные задачи ставят перед собой и общества, имеющие более широкое и по существу иное назначение—кооперативные союзы, профессиональные союзы (например общества приказчиков), общественные собрания и т. д. Деятельность частно-просветительных обществ, первоначально направляемая лишь на увеличение количества учебных заведений, далее направляется и на внутреннюю сторону, на то или иное направление школьного образования. Пример подобного перелома в частно-просветительной деятельности представляет возникновение в Томске на ряду с обществом «попечения о начальном образовании» и общества «содействия физическому образованию».

Библиографические указания.

а) Общий очерк развития школьного дела в Сибири.

На первом месте приходится поставить необходимые для каждого интересующегося историей Сибири работы: *Щеглова* „Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1082—1882 г), *П. А. Словцова* „Историческое обозрение Сибири“ (1-ое изд. 1845 г. 2-ое изд. в одном томе 1886 г.) и *Ядринцева* „Сибирь как колония“ (1-ое изд. 1887 г., 2-ое изд. значительно дополненное 1892 г.). В труде Ядринцева специальная глава (VIII-ая) посвящена истории сибирской школы и последующие—вообще развитию просвещения в Сибири. Щеглов и Словцов дают отрывочные сведения об отдельных школах. Такие же отрывочные сведения по истории сибирского школьного просвещения дают: *сборник распоряжений и постановлений по мин. нар. просв.* (т. I—царств. Александра I-го, Т. II и III—царствов. Николая 1-го и т. д.), *полное собрание законов Роосийской империи*—первое, второе и третье собрание.

Богатый фактическмй материал дает попутно и по истории сибирского просвещения монументальное изследование *Вагина* „Исторические сведения о деятельности Сперанского в Сибири“.

Компилятивный общий очерк—от Петра и до восьмидесятых годов—дают газетные статьи: „Общий ход просвещения в Сибири“—*Сибирская газета* 1887 № 32, „Исторический ход и современное состояние народного образования в Сибири“ в „*Восточном обозрении*“ 1891 г. № 26 и ст. *Мисюрева*, „Столетие существования нисших учебных заведений в Сибири„ „Сибирский Вестник“ 1888 г. Все эти статьи с успехом заменяет глава, посвященная просвещению в Сибири в книге Ядринцева.

Картину культурного состояния Сибири XVIII и начале XIX века дают прежде всего: *Щапов* „Сибирское общество перед приездом Сперанского“ (Изв. Сиб. Отд. Геогр. Обва 1872 г. или т. III собр. соч. 1908 г.), *Шашков* „Очерки нравов старинной Сибири“ (в Отеч. Зап. 1867 г. № 10, 11 под псевдонимом Серафимовича), *Головачев* „Сибирь в Екатерининской комиссии“. Компиляцию перечисленных работ представляет собой статья *Загорского* „Из быта и нравов Сибири XVIII века“ в „Сиб. Архиве“ 1912 г.

Далее идут очерки просвещения по отдельным районам и областям Сибири. На первом месте по своей значительности должен быть поставлен, *Чудновского* „Исторический ход просвещения в Томской губернии“ (Памятная книжка Томской губ. на 1884 г.—доведено до 1838 г.—и на 1885 год—продолжено после 1838 года). Далее идут главы посвященные народному образованию в сборнике „*Алтай*“ (1892 г—под ред. Голубева), в книге *Адрианова* „Город Томск“ (1890 г.) и в позднейшем сборнике „*Город Томск*“ (коллективный труд изд. 1912 г.)

В книге Адрианова, устаревшей после выхода сборника 1912 года, ценна библиография, данная для отдельных учебн. заведений Томска.

Для Восточной Сибири укажем на: „*Восточносибирский календарь*“ 1875 год, книгу изд. в 1892 г. под редакцией *Сукачева*—„Город Иркутск и его культурноэкомическое значение“.

б) Духовная школа в Сибири.

Прежде всего укажем на исследование проф. *Знаменского* „Духовные школы в России до преобразования их в 1808 году“. Далее идут статьи в сибирских *Епархиальных ведомостях*. Перечислить их мне трудно, так как я сам не имел под руками комплекты Еп. Вед. всех епархий за все года, но могу заверить, что материал они дают и пройти мимо его нельзя.

Одна из самых новейших работ, посвященных сибирской духовной школе начала XVIII века—это статья *Лиховицкого* в „Журн. Мин. Нарпросв.“ 1905 г. № 7 „Просвещение в Сибири в первой половине XVIII века“. Материал для истории тех же школ по документам Тобольских духовных архивов дают статьи *Сулоцкого*: „Тобольская архиерейская школа—предшественница Тобольской Духовной Семинарии“ в „Тоб. Губ. Вед. 1872 № 34—42, 47—50 и в „Ирк. Епарх. Вед.“ 1875 г. № 3—7) „Дело по челобитной митрополит Филофеи Лещинского“ („Чтения в Обществе истории и древностей Российских“—1863 кн. 4), „митрополит Филофей Ле-

щинский“ („Временник о-ва истории и древностей российских“ 1854 г. кн. 1), „Семинарский театр в Тобольске до 1818 года“ (Чт. в общ. ист. и древн. росс“ 1870 кн. 2) О Тобольской же архиер. школе и начальном периоде первой семинарии в Тобольске говорят статьи: пеpомонаха *Антипатра*“ Школа при Тобольском архиерейском доме“ („Тоб. Епарх. Вед.“ 1885 г.), *Оглобина* „Бытовые черты начала XVIII века“ („Чт. общ. ист. и древн“ 1904 кн. 1), *Абрамова* „Митрополит Антоний Нарожницкий“ (журн. „Страник“ 1867 г. № 12) статья „Первые школы и театр в Сибири“ в „*Сибирском вестнике*“ 1888 г. № 7 и 10. См. также „Описание дел и документов св. Синода“ т. 1—IV посвящены первой четверти XVIII ст. кое что из т. IV мы уже цитировали в гл. 1-ой своей работе.

Для истории Тобольской семинарии конца XVIII и XIX века до наших дней включительно богатый материал дают статьи преподавателя Тобольской семинарии, имевшего в своем распоряжении богатые архивы семинарии и консистории *Н. А. Бирюкова* в Тобольских Епархиальных Ведомостях 1903—14 г. г., „Очерки по истории Тобольской семинарии“ (1789-1818 г.) „Тобольская семинария при ректоре Илье Шумилевиче“ (1779—1789 г.), „Протоиерей П. Д. Головин“ (1879—1905 г.). Тому же автору принадлежит статья в „Русской Старине“ 1908 г. № 3 „Отвращение от школьного учения (дело 60-х год XVIII ст.). Для второй сибирской семинарии—Иркутской мы имеем ряд статей в „Иркутских Епархиальных Ведомостях“ (напр. 1873 г. № 23—Краткие исторических сведения о основании Ирк. Дух. Соминарии“, в 1879 г. № 40 и 42 „Столетний юбилей Ир. Дух. Семинарии“) а для предшественницы ее, школы при Вознесенском монастыре—работы прот. *Громова*, посвященные митроп. Иннокентию Кульчицкому. Историю Якутской Семинарии дает очерк *Добротворского* в Якутск. Епарх. Ведом. 1887 г. № 1—2. Истории Томской семинарии посвящено *очерки по истории Томской духовной Семинарии*, печатавшиеся в Томск. Епарх. Ведомостях 1900 г. Для нисших духовных школ XVIII в. укажем прежде всего на работу *Ксенофонтова* „Заказные славянорусские школы в Тобольской епархии 1759—1818 г., в Тоб. Епарх. Ведом.“ 1885 г. № 20—22 и *Кириллова* „Камчатские духовные школы“ в „Сибирской газете“ 1892 г. № 26. Далее отметим статью *Автономова* „Первые школы на Дальнем Востоке“ (в русской Америке в начале XIX века)—„Вестник Азии“ 1915 г. № 40, „Материалы по истории просвещения в Туруханском крае„ в *Енисейских Епархиальных Ведомостях* 1891 г. № 16—17.

в) Светская правительственная школа в XVIII веке до Екатерины II.

С усилиями правительственной власти принудительным порядком насадить грамотность в Сибири знакомит статья *Кузнецова* „Из истории распространения грамотности в Сибири (по Томским архивам)“ в Том. губ. Ведомостях 1889 г. № 47 и 49. Навигацким школам посвящены две статьи: *Соколова* „Навигацкие школы в Сибири“ в Зап. Гидрографического Департ. 1857 г. часть VI (написана по матерьялам морского мин. в Пет.) и позднейшая написанная по матерьалам Иркутского адмиралтейства, статья под тем же заглавием *Сгибнева* в „Морском Сборнике“ 1866 г. № II. С малоизвестной гражданской школой в Иркутске в 80-х год. XVIII ст. знакомит статья *Линькова* „Иркутская гражданская школа“ в „Трудах Иркутской Ученой Архивной Комиссии“ в. I-ый (1914 г.). Укажем еще на общие сочинения: *Пекарского* „Наука и литература в России при Петре 1-м“ (том I-ый) и *Рождественского* „Очерки по истории систем народного образования в России в XVIII и начале XIX века“ т. I.

г) Общеобразовательная школа Екатерининской эпохи и первых трех четвертей XIX века.

На первый план здесь необходимо поставить юбилейные записки изданные Тобольской гимназией к ее 100 летнему юбилею (*Цветаева и Замахаева*), Томской гимназией к ее 50-летию (*Мисюрева*), Томским уездным училищем по поводу его столетия (*Мисюрева*), а также обстоятельный труд *Палопеженцёва* „Народное образование в Ялуторовске и его уезде—часть I-ая—„история школ“—в Ежегоднике Тобольского музея 1894 г. вып. I-ый, Для Иркутской гимназии имеются труды *Щеглова* „Краткие исторические сведения об Иркутской гимназии“ в „Циркул, по уч. зав. Вост. Сиб.“ 1881 г. № 6 и *Корешш* „Иркутская гимназия до 20-х годов XIX столетия“ в „Трудах Иркутской Ученой архивной комиссии“ вып. 3-ий, но к сожалению, нам не удалось ознакомиться ни с тем ни с другим. Также не использован нами инт. оч. Кокоулина „Нар. образ. в Киренском у. (Пам. кн. Ирк. губ. 1895 г.) Далее идут небольшие статьи: *Бакай*. „Страничка из истории народного образования в XVIII веке“ („Сиб. Сборник“ 1894 г.), *Бурлаков* „Из истории учебн. заведений в Верхнеудинске“ (Сиб. Архив. 1912), *Ватин* „Начало народного образования в Минусинске в 30 х годах„ („Сиб. архив“ 1912 г.) *Загорский* „Из начальной истории приходских училищ в Иркутске“ („Сиб. архив 1913 г.“).

Отметим еще ряд статей и статистических данных (отчеты дирекций народных училищ) для истории сибирских школ МНП до шестидесятых годов включительно,

которые можно найти в „Журнале Министерства Народного Просвещения“ 40-х—60-х годов прошлого столетия. В „Тобольск. Губерн. Ведомостях“ 1884 г. № 20—24 помещены *Дмитриевым Мамоновым* „Материалы по истории просвещения в Западной Сибири“, оставшиеся мной неиспользованными так, как самих „Губ. Вед.“ за эти годы мне не удалось достать.

д) Женское образование в Сибири.

Катаев „Институт Восточной Сибири“—„Амур“ 1861 г. № 60—66. *Иркутские Епархиальные Ведомости* 1890 г. № 44 „Матерьалы для истории девичьего института в Сибири“ *Ельницкий* „Очерки по истории Омской Женской гимназии (1858—88 г.)“.

е) Специально техническое образование.

„*Журнал Мин. Народн. Просвещения*“ 1836 г. № 12. „Омская Азиатская школа“. Там же: „Омское Войсковое Казачье Училище“. *Золотов* „Краткий исторический очерк бывшей Азиатской школы в Омске“ „(Акмол. Обл. Ведом“. 1873 г. № 16—18. „*Педагогический Сборник*“ 1879 г. № 9. „Историч. оч. Сибирской военной гимназии“. „*Известия Общества Содействия Рус. Торг. Мореходству*“ 1887 и 1888 г. „Тобольские Мореходные Классы“. „*Современные Известия*“ 1880 г. № 259 „Мореходные классы Сибири“. „*Сибирская Газета*“ 1885 г. № 52. „Барнаульское горное училище. „*Сиб. Архив.* 1911 г.“ № 1. „Завещание П. А. Пономарева на нужды профессиональнотехнического образования в Сибири.

ж) Мемуары и воспоминания о школе.

Сиязов „К истории среднего образования в Сибири“ (Том. гимн. 60—70-х год) —„Степной Край“ 1895 г. № 26—28. *Ядринцев*. „Воспоминанья о Томской гимназии“ —„Сиб. Сборн.“ 1888 г. *Поникаровский*. „Ядринцев в Томской гимназии“—„Сиб. сборник“ 1896 г. *Наумов*. „Ядринцев в Томской гимназии“—„Сиб. сборн.“ 1895 г. *Лободовский* „Бытовые очерки (Омск. Кадет. Корпус в 60-х год)—„Рус Старина“ 1905 г. № 8—10. *Берг* „История моей жизни“ (Том. уездн. уч. 30-х год.)—„Рус. Старина“ 1890 № 2. „*Сибирский Вестник*“ 1885 № 2 и 3 „Сорок лет назад“ (из воспоминаний учителя уезн. училища 40-х годов). *С. С. Шашков* „Автобиография“ (восп. об Иркут. дух. семин.) „Восточное Обозрение“ 1882 г. № 27—32. *Потанин* „Воспоминания о Петрашевце Дурове“ (Омский кадетский корпус). *Кремянский* „Хорошее время“ (Томск. гимн. 70-х год) „Степной Край“ 1895 г. № 34. *П. Б.* „Томская гимназия в 50-х годах“—Сибирская газета 1882 г. *Сиязов*. „Из автобиографии сибирского натуралиста“—„Сиб. Архив.“ 1914 г. № 9. *Виноградов*. „Записки“—„Рус. Старина“ 1916 г. № 9 и 10. *Калашников*. „Записки Иркутского жителя“—„Рус. Старина“ 1905 г. № 7—9. *Вагин* „Сороковые годы в Иркутске. Сиб. Сборник“ 1885 г. *Ярославцев*. „Автор „Конька Горбунька“ П. П. Ершов“. *Загоскин М. В.* роман (без подписи) „Магистр“ (из быта духовной школы) в „сборн. газ. Сибирь“ 1876 г. *Кущевский*. „Николай Негорев или благополучный Россиянин“—„Отеч. Записки“ 1871 г. (тоже новое изд. Госиздата 1923 г.).

з) Частная школа.

Первая частная организованная школа в Сибири—это шведская в 20-х годах XVIII века в Тобольске. Описанию этой школы посвящены вышедшие в Германии в 30-х год. XVIII века мемуары основателя ее фон. Вреха. Школе посвящены в нашей литературе, статьи: *Ш. А.* „Шведская школа в Тобольске“ *ЖМН*П—1859 г. (в том же году перепечатанная в Тоб. Губ. Ведом.). *Гинцбурга* „Начало просвещения в Сибири“—*ЖМНП*—1905 г. № 9.

Далее надо отметить деятельность декабристов. О ней говорят: *Максимов* „Сибирь и каторга“ часть 3-ья; *Головачев* „86 портретов декабристов“, *Дмитриев Мамонов*. „Декабристы в Западной Сибири“, *Семенов* „Декабристы в Ялуторовске“ („Сиб. Архив“ 1910 г.) *Знаменский*. „И. Д. Якушкин“ („Сиб. Сборник“ 1885 г.). *Белоголовый* „Воспоминанья.“ Мемуары декабристов, широко развивших школьнопросветительную деятельность: *Воспоминанья Муравьева Апостола* („Рус. Старина“ 1887 № 9), *записки М. А. Бестужева* („Рус. Стар. 1881 г. № 11), *записки Басаргина* (сборн. „XIX век“), *Розен* „Записки декабриста“. *Завалишин* „Записки декабриста“. *Горбачевский* „Записки“ („Рус. Архив“ 1882 г.). *Беляевы* „Воспоминанья“.

Частное обучение у „мастеров грамоты“ описывают в конце XVIII века *Калашников Т. П.* „Жизнь незнаменитого Т. П. Калашникова им самим описанная („Рус. Архив“ 1906 № 10) и во второй половине XIX века—*Чукмалдин* „Записки моей жизни“ *Астырев*. „На таежных прогалинах“.

и) Высшая школа.

Историч. очерк учреждения, первого сибирского университета дает ст. *Вагина* в „Вост. Обзор.“ 1888 г., изд. газ. „*Сиб. Вестн.*“ 1889 г. „Первый университет в Сибири“, спец. глава в *Ядринцевской* кн. „Сибирь, как колония“, в кн. „*Город*

Томск 1912 г. и в кн. *Андрианова* под тем же названием (1892 г.). В последней— богатая библиография старых журн. статей, посвященных вопросу о сибирском университете. Под своеобразным углом освещения материал для истории первого сибир. университета дают „Воспоминания" *Флоринского* в „Рус. Старине" 1906 г., № 1—6. Для более позднего времени и в отношении других высш. уч. зав. Зап. Сибири укажем на ст. *Алекторова* „Высшее образование в Зап. Сиб. Учебн. Округе" в „Журн. Мин. Нар. Пр," 1917 г. № 6 (автор—ближайший помошник Лаврентьева, но ст. богата фактическим материалом) и соотв. гл. в *„Настольном Сибирском Календаре на 1919 г."*.

к) Начальное народное образование.

Общие очерки состояния народ. обр. в 80—90-х годах дают ст. *Солового* „Нар. обр. в Сибири" в „Юридич. Вестн. 1889 г., гл. посв. нар. обр. в сборнике ,Алтай." обработка анкетных матерьялов—ст. *Рыловой* „Начальные школы в Алтайском округе в 1894 г. (Алт. сборн. т. III), отд. главы в некот. из выпусков „Матер. по исслед. экономич. быта крестьян и инородцев „Зап. (Вост.) Сибири," спец. очерк в II г. „матерьялов" той же экспедиции по Иркут. губ.—*Григорьева* „Условия развития школьного дела в 3-х уезд. Ирк. губ."

К тому же времени относятся оффициальные издания: *„Циркуляры по учеб. завед. Вост. Сибири"*, *„Циркуляры Зап. Сиб. Учебн. Округа"*, *„Извлечения из отчетов попечителя Зап. Сиб. Уч. Округа"*. Статистический матерьял, захватывающий и нач. образование в Сибири, за этот период имеется в *„Обзоре деятельности Мин. Нар. Просв. за время царств, Алекс.* III-го (1881—1894)," в таком же *„Обзоре Вед. Прав. Испов 1881—1894 г."* Для девятисотых годов, между 1905 и 1914 г., укажем прежде всего на спец. работу *Дацкановой* „Народное образ. в Амурской обл." (1910 г.) в моем распоряжении, к сожалению ее не имелось, и на гл. посвященные народн. образ. в общих сочинениях *„Азиатская Россия"* (т. I изд. Пересел. Управ. 1913 г.) *Унтербергера* „Приамурский Край", *Закревского* „Земское хозяйство в Амур. и Примор. обл." (Труды Амур. экспед." т. IX). Статистич. материал, между прочим и по Сибири, дадут *„Всеподданнейшие отчеты Министра Народ. Просвещения"* (в моем распоряжении был лишь за 1906), такие же *„Отчеты Обер* Прокуроре *Синода"* и другие офф. изд. того и другого ведомства (напр. *„Начальные школы М. Н.* П. *в 1914 г."*). В ряду других статистических матерьялов дают (по отчетам дирекций нар. училищ) сведения о сост. нач. обр. по губерниям Сибири „*Памятные книжки*" и *„Всеподданнейшие обзоры"* сибирских губерний.

Основным матерьялом для изучения состояния народ. обр. в Сибири между 1905 и 1917 г. является школьная перепись 1911 г. Имеются „Итоговые таблицы" этой переписи (в XVI) и вып. посвященный учебн. окр. Азиатской России (в XV). Журнальную обработку данных этой переписи дают ст. *Андреева* „Нач. шк. в Сибири по данн. переписи 1911 г." в „Русской Школе" 1915 г. № 1 и *Кабардина* „Однодневная перепись школ 18 янв. 1911 г." в „Журн. Мин. Нар. Пр." 1917 года № 5. Кроме того, укажем еще на две статьи: „Народное образование в Зап. Сиб. Учебн. Округе 1897—1906" в *„Журн. Мин. Нар. Пр."*: 1909 г, № 9—11 с богатым цифровым матерьялом, *Ветошкина* „Нач. народ. обр. в Сибири" в „Вестн. Восп.", 1910 г. № 6, *Линькова* „Рост учебн. дела в Вост. Сибири с 1873 по 1909 г." в „Сиб. Архиве" 1912 № 7. Матерьялы по грамотности—см. отд. тома „Первой всеобщей переписи 1897 г." общая сводка их в „Ежегодн. Внешк. образ." 1907 года и сводка в отношении Сибири—в ст. Серебренникова „Грамотность Сибири" в „Сибир. вопр." 1910 года.

Образованию среди инородцев посвящены статьи *Алекторова* „Истор. очер. развития образ. среди киргиз" в „Журн. Мин. Нар. Просв." 1905 г. № 12 и *Бобровникова* „Современное положение учебн. дела среди инород. племен Вост. Сибири" 1917 г. № 5 (осталась без использования мной).

Бюджетной стороне нар. обр. не посвящено ни одной серьозной работы. Матерьял (частично) можно найти в книге Альтшуллера „Земство в Сибири" (о раскладках земск, сборов до 1915 г.) и в сборн. „Город. доходы и расходы 1912 года" (изд. Мин. Внутр. Дел).

Данные мною библиографич. указания очень не полны. В числе их встречаются указания на книги, с которыми мне самому не удалось ознакомиться. Тем не менее я перечисляю и их, чтобы облегчить работу другого лица, которое вздумало бы поработать по истории просвещения в Сибири, т. к. по себе знаю, как трудно искать литературу по этому вопросу (Межовская библиография доведена лишь до 1892 г. и очень неполна). Пользуюсь случаем, чтобы попутно выразить М. А. Слободскому благодарность за любезно предоставленные им в мое распоряжение материалы Библиографич. бюро Томского Университета по журн. литературе 1901—1911 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ.

Страница и строка.	НАПЕЧАТАНО:	СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ:
7 примеч.	Шашнов	Шашков
28 „	ственский	Рождественский
там же	—XIX“ в. прилож.	—XIXв“. прилож.
85 примеч.	сословное	всесословное
126 подзаголовок	по недосмотру поставлены ковычки	
137 примечание	Чудковский	Чудновский
140 стр. 23 сверху	Чуднова	Чудновского
147 заголовок таблицы	1854-1888	1851-1888
155 подзаголовок табл.	учащих... учащих...	учащихся... учащихся...
151	после слов: „установить темп развития школьнообразовательной деятельности по отношению к каждому полу“ по недосмотру пропущена таблица:	

	На 100 мальч. 7—14 лет приходилось учащихся в шк. мальч.		На 100 девочек 7—14 лет приходилось учащихся в школе	
	1894 г.	1911 г.	1894 г.	1911 г.
Западная Сибирь.				
Акмолинская обл. . . .	5,1	18,6	2,2	8,6
Семипалатинская	2,9	6,9	1,0	3,9
Тобольская губ	10,7	22,0	3,8	8,8
Томская	8,5	19,3	2,8	8,9
Восточная Сибирь.				
Енисейская губ.	9,0	23,8	4,0	12,3
Иркутская губ.	13,8	30,7	4,3	14,5
Забайкальская	11,8	24,2	2,1	8,8
Якутская обл.	3.8	6,1	0,8	2,2
Приамурский Край.				
Амурская обл.	17,1	39,4	5,3	25,4
Приморская . . . . . . Камчатская	св. нет	42,5	св. нет	21,3
Сахалинская	св. нет	39,0	св. нет	19,4
По всей империи . . .	21,2	27,1	6,4	13,2

Исполнено Омским отделением.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

в НОВО-НИКОЛАЕВСКЕ, Сибгосиздат, Ядринцевская, 31.

В Отделениях Сибгосиздата в городах,

ОМСКЕ, БАРНАУЛЕ, ТОМСКЕ, ИРКУТСКЕ.

В МОСКОВСКОЙ КОНТОРЕ,—1-й Басманный, 10 $^{\underline{6}}$. тел. 2-26-71.